
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕТСЯ: «МОЯ ЖИЗНЬ» — АВТОБИОГРАФИЯ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО
НОВЫЙ РАССКАЗ ЮРИЯ НАГИБИНА «ЭХО» ★ РЕПОРТАЖ ИЗ ОЛИМПИЙСКОГО РИМА ★ Почему молчал телефон 20-161.

На строительстве Братской ГЭС.

Фото К. Толстикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

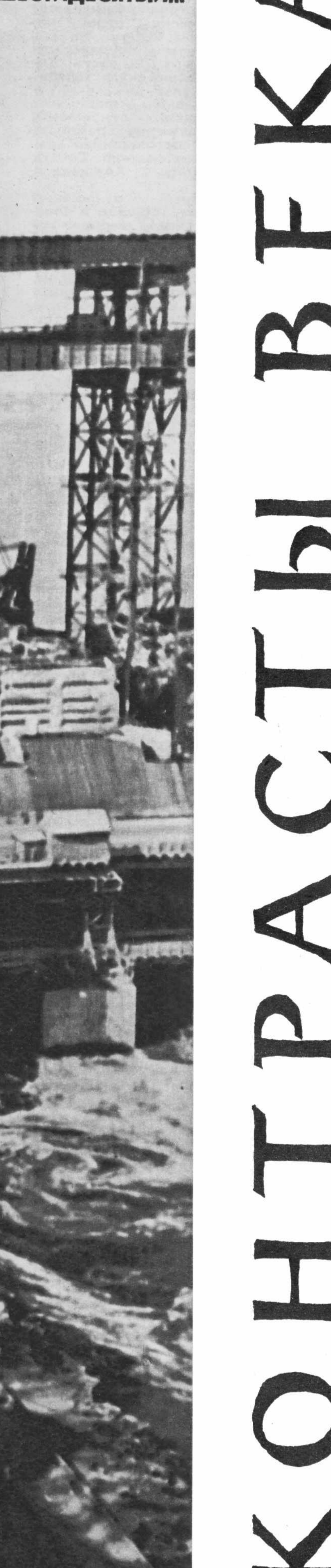
№ 37 (1734)

11 СЕНТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КОНТРАСТЫ ВЕКА

ГОДЫ ДВАДЦАТЫЕ...

В тех краях, где строится Братская ГЭС, находится старинное сибирское село Урик. Вот две фотографии двадцатых годов, запечатлевшие будни сельскохозяйственной коммуны «Двенадцать Октябрей». На верхней — местная электростанция в ветхой будке; на нижней — коммунары выезжают на весенний сев.

ПО МАРШРУТАМ СТАРОЙ КИНОПЕРЕДВИЖКИ

СИБИРЬ

О. КНОРРИНГ

...На ночлег я остановился у продавца Хомутовского сельпо. Он мрачно сидит перед тусклой, сделанной из картошки коптилкой и, поправляя пальцем фитиль, жалуется мне на местного лавочника частника Романова.

— Вот язви его, житья не дает, гад, насмехается! Придет в кооперацию и почнет бубнить медовым голосом: «Бедные вы, бедные, и полки-то у вас пустые, и товаровто у вас нету! А вот у меня, спасибо Христу, в лавке все есть». Ну, не гад?

Вокруг разложены вороха бумаги. Это документы — годовой отчет. Мне надо идти показывать кино. Соблазнительная это штука — кино. Не выдержал мой хозяин, пошел со мной. Возвращаюсь домой, гляжу: сидит он разъяренный, с наганом в руках.

— Вот, гад, весь отчет изодрал! Ну только высунься, я тебе покажу!..

— Кого это ты, Романова?

— Какого, к черту, Романова, заяц тут у меня под печкой живет. Покуда мы на кино ходили, он, окаянный, мне все накладные погрыз.

Это было много лет тому назад. Тогда я, только окончив школу, работал киномехаником сельской кинопередвижки в Иркутской области.

Время было суровое. Началась коллективизация. Кулаки неистовствовали. Доставалось нашему брату, киномеханику, крепко. Ездили мы по селам в одиночку. Уезжали на лошадях месяца на два-три. Мать постоянно волновалась: «Ну как ты поедешь? Говорят, вчера на Качугском тракте двоих убили. Наверное, опять Кочкин со своей бандой».

Ездить, и вправду сказать, было жутковато. Но народ мы были молодой, отчаянный. Чего я только тогда не делал: писал на чистой пленке световые газеты на разные местные злободневные темы, рисовал самые обидные карикатуры на тех, кто прятал хлеб, и показывал их под хохот зрителей на экране.

Кино было новостью. В деревнях его тогда почему-то называли «тино». Раз я слышал в лавке разговор двух старух.

— Какое это такое тино намедни привезли?

— Кто его знает! Бают, будто чертей в углу холстиной завесят,

Продолжение на стр. 11.

СОСЕДЯМ ЖИТЬ В МИРЕ!

Н. С. Хрущев вручает подарок Президенту Финляндской Республики У. К. Кекконену в день его шестидесятилетия.

Фото В. Егорова (ТАСС).

В Советском Союзе и соседней с ним северной стране Финляндии разный политический строй, неодинаковый уклад жизни. Но это не мешает двум государствам жить в мире и дружбе, вести широкую и взаимовыгодную торговлю, развивать культурные и научно-технические связи. Укреплению этих добрососедских отношений, выдержавших проверку временем, способствовал состоявшийся недавно визит Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Финляндию.

«Дружественные отношения между Советским Союзом и Финляндией — это пример мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами»,— сказал Н. С. Хрущев, вступая на землю Финляндии. Жить в мире со своими соседями, а не под угрозой войны — об этом мечтают сейчас все народы. Поэтому так тепло, с искренним гостеприимством встречал Н. С. Хрущева финский народ.

В стране Суоми

Максим ТАНК

Не потому ли, что и в нашем крае,
Как тут, земля не сразу раскрывает

Всю красоту холмов своих и сосен,
Своих озер мерцающую просинь,

Мне по сердцу пришлась земля Суоми,
Вся в шуме чащ и водопадном громе,

В невянущем густом уборе хвойном.
Ее любил такую Вяйнямёйнен.

Здесь есть легенда, что мила народу:
Нес некий ангел в звездной чаше воду,

Споткнулся вдруг и влагу расплескал
Среди сосновых чащ и серых скал,

В которых шестьдесят пять тысяч бьется
Озер, едва лишь ветер встрепенется.

А ветер налетает ежечасно
В стране, что воле сивера подвластна.

То свищет он в любое время суток,
Гоня листву и стаи диких уток,

То борется с могучею чащобой.
А впрочем, одолей ее, попробуй!

Суоми! Расстояние земное
Лежит сегодня меж тобой и мною.

Но мне слышны твои живые струны,
Твои незабываемые руны.

Перевел с белорусского
Я. Хелемский.

Так встречала Финляндия высокого гостя из дружественной соседней страны.

Танкисты на учении. Фото Е. Удовиченко.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, СОВЕТСКИЕ ТАНКИСТЫ! Сегодня, в день традиционного праздника в честь бронетанковых и механизированных войск и танкостроителей, вас горячо поздравляет весь советский народ.

ПРАЗДНИК ВДВОЙНЕ

В канун праздника народной Болгарии — Дня свободы — 9 сентября корреспондент «Огонька» связался по телефону с двумя болгарскими новостройками: теплоэлектростанцией «Марица-восток» и цементным заводом близ села Бели Извор. На «Марица-восток» к телефону подошел инженер Николай Добриянов.

— У нас сегодня большой день: пустили первый паровой котел. Особенно горячими выдались последние предпусковые дни. Виновники торжества — это молодежь стройки. Ведь наша «Марица» — комсомольский объект. Здесь трудится свыше трех тысяч юношей и девушек, посланцев славного димитровского комсомола.

В предпраздничном соревновании прекрасно показали себя молодежные бригады электросварщиков Бориса Чикерова, монтажников Йовчо Драгиева, сварщиков Генчо Влкова, опалубщиков Василя Милованова... Пусть не обижаются на меня те, кого я не назвал: ведь наш телефонный разговор не может затянуться до вечера!

— А как чувствуют себя ребята, о чем думают, мечтают?

— Должен сказать, что хлопот у нас с молодежью немало. Правда, это приятные хлопоты! Почти все молодые рабочие хотят учиться. Многие из них уже занимаются в звеньях технического просвещения. Но этого мало: на стройке открывается новая вечерняя полная гимназия.

— Что даст ваша электростанция для энергетики Болгарии?

— ТЭС «Марица-восток» будет одной из крупнейших в Восточной Европе. Ее мощность превысит миллион киловатт. Это немалый вклад в энергетический баланс Болгарии. Вспомните, что в 1944 году мощность всех болгарских электростанций равнялась всего 131 тысяче киловатт.

Я прошу вас,— сказал в заключение товарищ Добриянов,— передать читателям «Огонька» сердечный привет от болгарских строителей. Праздник становится вдвойне праздником, когда его вместе с нами отмечают и наши друзья — советские люди.

— Алло! Алло! Другарь Арабаджиев у телефона,— донеслось в телефонную трубку, когда мы дозвонились к начальнику строительства цементного завода близ села Бели Извор.

— Наше предприятие — третий большой цементный завод, построенный в течение последнего десятилетия. О том, как нужна наша продукция, говорить не приходится: нет сейчас такого места в Болгарии, где бы не шла стройка. В этом году цементная промышленность даст примерно 1,8 миллиона тонн цемента — это в 8 раз больше, чем в 1939 году.

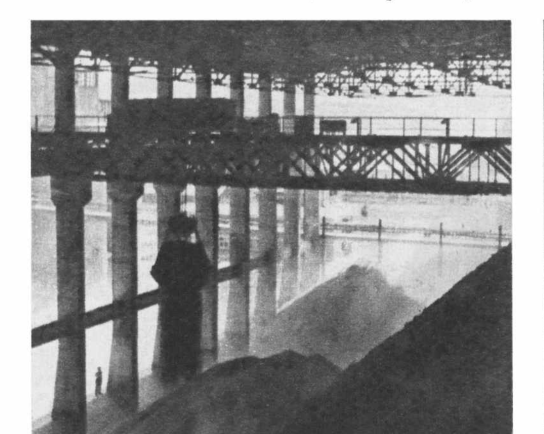
— Как строился завод?

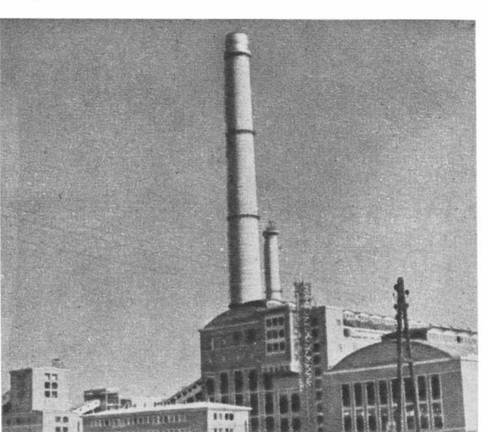
— Его можно назвать плодом тесной дружбы болгарских рабочих и специалистов из Германской Демократической Республики. Эта дружба особенно сказалась в решающие дни перед пуском. Оборудование для завода было заказано на предприятиях ГДР, а те должны были получить некоторые механизмы от западногерманских фирм. Эти фирмы не смогли своевременно поставить нужное оборудование. Пуск нашего завода оказался под угрозой. Но друзья из ГДР не подвели нас: они обратились к другим фирмам, бельгийским, и мы своевременно получили оборудование.

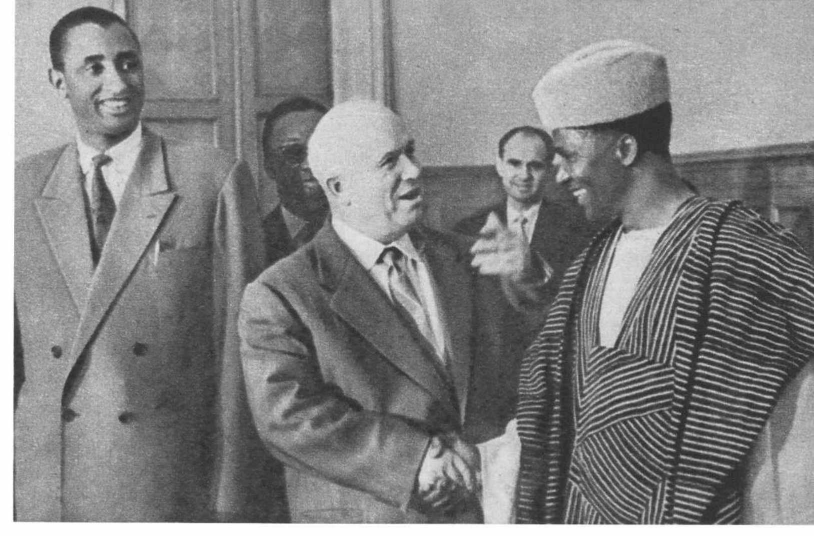
— Что вы хотели бы сказать нашим советским строителям?

— По примеру советских друзей мы совмещали строительство и монтаж, научились вести работу на стройке и зимой. Мне очень помог опыт советских специалистов Митрофанова, Иваненко, Высоцкого, с которыми я работал еще до того, как пришел на стройку в Бели Извор. Пусть наши советские друзья знают, что мы не забыли дней, проведенных вместе, и всего того, чему мы от них научились.

Вот они, новостройки Болгарии: цементный завод близ села Бели Извор и тепловая электростанция «Марица-восток».

КРУПНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ и выдающийся борец за мир Президент Гвинейской Республики Секу Туре 6 сентября прибыл в Москву с официальным визитом. На следующий день высокий гость из Гвинеи нанес визиты заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ш. М. Арушаняну и Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. На снимке: Н. С. Хрущев и Секу Туре.

Фото А. Гостева.

В КИЕВЕ СОСТОЯЛОСЬ ВРУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ «За укрепление мира между народами» видному советскому общественному деятелю, члену президиума Всемирного Совета Мира, заместителю председателя Советского комитета защиты мира писателю А. Е. Корнейчуку.

Фото Я. Давидзона.

ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ СЦЕП ИЗ ТРЕХ ЖАТОК предложил использовать тракторист Бансарского совхоза, Курганской области, Николай Семенович Екимов. По его же предложению на двух таких сцепах на одном поле работают теперь не четыре, а три человека, поочередно подменяя друг друга.

Фото О. Ландер

АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ, живущий на Кубе, поздравил Фиделя Кастро с призом, который Кастро получил на соревнованиях по рыбной ловле. В конкурсе участвовало 150 кубинских рыбаков.

Фото из журнала «ИНРА».

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЖУРНАЛИСТОВ состоялась пресс-конференция, на которой выступили с заявлениями бывшие сотрудники Национального агентства безопасности США Вильям Мартин и Бернон Митчелл, решившие порвать с США и просить политического убежища в Советском Союзе. Выступая на пресс-конференции, Мартин и Митчелл объяснили, что к этому шагу их побудило несогласие с действиями американской разведки, создающими угрозу делу мира и подвергающими огромной опасности все человечество.

Вильям Мартин и Бернон Митчелл (второй слева) на пресс-конференции.

Воспоминания о своей жизни Константин Эдуардович Циолковский написал в 1932—1935 годах, но печатаются они впервые.

В 1932 году к юбилею Константина Эдуардовича Циолковского готовился сборник его трудов. Для публикации в этом сборнике Константин Эдуардович и прислал часть автобиографии. Но, может быть, потому, что работа носила не научный, а чисто литературный характер, а может, и по другим причинам в юбилейный сборник 1933 года она не вошла. Несколько страниц из нее было напечатано в 1939 году, в сборнике Аэрофлота, ставшем уже библиографической редкостью.

Какова была дальнейшая судьба этой работы?

В библиографическом отделе Всесоюзной книжной палаты нам сообщили, что в картотеке печатных работ этот труд Циолковского не числится.

С 1932 года дела Константина Эдуардовича Циолковского в Москве вел его секретарь Георгий Ильич Солодков, сам занимающийся дирижаблестроением. Может быть, он нам сообщит что-либо?

Мы разыскали Георгия Ильича Солодкова. Сейчас он уже пенсионер, живет под Москвой, на станции Апрелевка.

Георгий Ильич охотно показал нам свой архив, где хранится много неопубликованных еще писем Константина Эдуардовича, его чертежи, схемы и... первый машинописный экземпляр работы «Моя жизнь», той самой, которую мы искали.

Бумага уже пожелтела от времени, но многочисленные пометки, вставки и поправки, сделанные рукой Константина Эдуардовича черной тушью и даже простым карандашом, видны отчетливо.

— А сам Константин Эдуардович так мне писал о своей работе,— говорит Георгий Ильич Солодков и роется в пачке писем Циолковского.— Вот, нашел: «Моя автобиография — мягкотела и немного интимна...»

Мы попросили Георгия Ильича рассказать нам о своем знакомстве с К. Э. Циолковским.

— В моем трудовом списке образца 1930 года,— начал Георгий Ильич,— дочь Циолковского записала: «Зачислен на должность секретаря К. Э. Циолковского с представительством в Москве»,— а ее отец дописал: «С 29.11.32 г. Конст. Эд. Циолковский».

Запись заверена печатью Московского областного совета научных работников — бюро Калужского коллектива СНР.

По инициативе комсомольцев газет «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва» было созвано совещание изобретателей по дирижаблестроению. Избрали «шефбюро», меня выдвинули секретарем и командировали в Калугу ознакомиться, как живет и работает поборник воздухоплавания и межпланетных путешествий К. Э. Циолковский.

Едва я поднялся в светелку к Циолковским и сказал лишь первые слова приветствия, как сразу почувствовал себя в кругу своих близких родственников, у которых я просто долго не был. Никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Константином Эдуардовичем. Это был красивый мужчина, начинающий слегка полнеть, держался он просто, приветливо, без искусственной вежливости.

Так началась наша дружба.

Я возвратился в Москву и, продолжая оставаться в должности секретаря Циолковского, вел с ним переписку.

В работе К. Э. Циолковского «Моя жизнь» мы, пожалуй, не найдем иных подробностей, которые раскрыли бы нам лабораторию мышления знаменитого ученого — отца русского звездоплавания. Но зато перед нами возникает обаятельный облик человека, скромного и терпеливого, застенчивого, но гордого, одержимого грандиозными научно-техническими идеями и упорного в их осуществлении.

К. Э. Циолковский. Фото инженера В. В. Ассонова. 1928 год.

К. Э.

ЦИОЛКОВСКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От одного до трех лет... Великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветник. Я со страхом поглядываю на великана... Думаю, что это был мой отец...

От 3 до 4 лет. Матери привозят письмо. Умер мой дедушка, ее отец. Мать рыдает. Я, глядя на нее, начинаю реветь. Меня шлепают и кладут спать. Дело было днем...

Я рассматриваю животных в книге. Фигура моржа почему-то меня устрашает, и я прячусь под стол...

Смотрю, как пишет отец... Нахожу, что это очень просто, и объявляю всем, что писать я умею...

5—6 лет. Не помню, кто показывал мне буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку...

Изумляла тележка на колесах, потому что от малейшего усилия приходила в движение. Ощущение радостное...

Такое же радостное ощущение я не могу забыть, когда в первый раз увидел воду в пруде. Занимало также жужжание вертушки в форточке.

Отец берет меня на руки, пляшет и припевает: тра-та-та. Особенного удовольствия при этом не чувствовал...

Игрушки были недорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их...

Семь, восемь лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился бегло читать... Была корь. Весна... Чувствовал восторг при выздоровлении...

Маленького меня очень любили родители и гости. Отец сажал на колени, тряс на них меня и приговаривал: еде, еде пан, пан, а за паном хлоп, хлоп, хлоп, на конике гоп, гоп, гоп... Потом я часто то же повторял со своими детьми...

Прозвища я получал разные: «птица», «блаженный», «девочка»...

Матери мы не боялись, хотя она иногда и потреплет небольно. Но отец внушал страх, хотя никогда маленьких не бил и не ругал. Никогда даже не горячился и не кричал...

Брат (старше меня на два года) показывает фокус: открывает рюмочку, в ней шарик. Закрывает рюмочку и опять открывает. Шарик исчезает. Изумление...

Семи, девяти лет. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на похороны. Мы остаемся одни. Скучаем...

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Случился отец. «Что такое?» «Попал мне в висок»,— говорит брат Митя... Выпороли. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух ударов. Отец был справедливый и гуманный человек. Как же это примирить? Время было такое. Отца в какой-то иезуитской школе пороли чуть не каждый день, а случалось, и два раза в сутки. Меня же выпороли всего раз пять за всю жизнь...

...Мне очень было любопытно смотреть, как лопаются ламповые стекла, если их помажешь слюной. Сначала прощали, а потом обещали порку. Но я опять за свое. Спасла тетка, купившая стекло...

Копали колодезь. Пока не появилась вода, мы все спускались в колодезь. Очень было любопытно... Навалили гору песку. Зимой образовалась прекрасная гора. Впервые испытал восторг катанья с горы на санках...

Летом строили шалаши. Было приятно вести свое хозяйство. Иногда устраивали и печи. Осенью топили и грелись. Свой камелек...

Ученье шло туго и мучительно, хотя я и был способен. Занималась с нами мать. Отец тоже делал педагогические попытки, но был нетерпелив и портил тем дело. Помню, принесли яблоко, проткнули спицей. Это изображало земной шар с осью. Рассердился учитель. Назвал всех болванами и ушел. Кто-то из нас съел яблоко...

Зададут на маленькой грифельной доске написать страничку-две. Даже тошнило от напряжения. Зато, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы...

Однажды мать объясняла мне деление целых чисел. Не мог понять и слушал безучастно. Рассердилась мать, отшлепала меня тут же. Заплакал, но сейчас же понял.

Читать я страстно любил и читал все, что можно было достать.

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие, и мне хотелось, чтобы дома, люди и животные — все было тоже маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я мысленно высоко прыгал, взбирался, как кошка, на шесты по веревкам. Мечтал и о полном отсутствии тяжести...

Любил лазить на заборы, крыши и деревья... Прыгал с забора, чтобы полетать... Любил бегать и играть в мяч, лапту, городки, жмурки и проч[ее].

Запускал змеи и отправлял на высоту по нитке коробочку с тараканом...

На дворе у нас во время дождей и осенью была огромнейшая лужа. И вода и лед приводили меня в мечтательное настроение. Пробовали плавать в корыте и делать зимой коньки. Их я делал, но расшибался на льду так, что искры из глаз сыпались. Наконец, откуда-то достали испорченные настоящие коньки. Поправили их. Кататься выучился в один день. Даже съездил на них в тот же день за чем-то в аптеку...

Запомнилась сцена. Мать стоит на табуретке у окошка и что-то делает с рамой. Отец тут же. Мать кричит: «Проклятый поляк!» Отец молчит. Решили разъехаться. Через час мать просит у отца прощения на коленях. Примирились... Вот единственная ссора отца с матерью. Больше я никогда не видел между родителями никаких ссор и ругани. Очень был сдержан отец, мать же — горяча. Но характер у отца был тяжелый. Это мне говорила сама мать. В его присутствии все чувствовали себя неловко — даже мы, дети.

ПРОБЛЕСКИ СОЗНАНИЯ

Еще 11 лет в Р.[1] мне нравилось делать кукольные коньки, домики, санки, часы с гирями и проч[ее]. Все это было из бумаги и картона и соединялось сургучом. Наклонность к мастерству и художеству сказалась рано. У старших братьев она была еще сильней.

К 10—14 годам потребность к строительству проявилась у меня в высшей категории. Я делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружиной. Сталь я выдергивал из кринолинов, которые покупал на толкучке. Особенно изумлялась тетка и ставила меня в пример братьям. Я также увлекался фокусами и делал столики и коробки, в которых вещи то появлялись, то исчезали.

Увидал однажды токарный станок. Стал делать собственный. Сделал и точил на нем дерево, хотя знакомые отца и говорили, что из этого ничего не выйдет. Делал множество разного рода ветряных мельниц. Затем коляску с мельницей, которая ходила против ветра и по всякому направлению. Тут даже отец был тронут и возмечтал о мне. После этого последовал музыкальный инструмент с одной струной, клавиатурой и коротким смычком, быстро движущимся по струне. Он приводился в движение колесами, а колеса — педалью. Хотел даже сделать большую ветряную коляску для катания по образцу модели и даже начал, но скоро бросил, поняв малосильность ветра.

Все это были игрушки, производившиеся самостоятельно, независимо от чтения научных и технических книг.

Проблески серьезного умственного сознания проявились при чтении. Лет 14-ти я задумал почитать арифметику, и мне показалось все там совершенно ясным и понятным. С этого времени я понял, что книги — вещь немудреная и вполне мне доступная. Я разбирал с любопытством и пониманием несколько отцовских книг по естественным и математическим наукам (отец был без году неделя преподавателем этих наук). И вот меня увлекает астролябия, измерение расстояния до недоступных предметов, снятие планов, определение высот. Я устраиваю высотомер. С помощью астролябии, не выходя из дома, я определяю расстояние до пожарной каланчи. Нахожу — 400 аршин. Иду и проверяю. Оказывается, верно. Так я поверил теоретическому знанию.

Чтение физики толкнуло меня на устройство других приборов: автомобиля, двигающегося струею пара, и бумажного аэростата с водородом, который не удался. Далее я составлял проект машины с крыльями.

В МОСКВЕ

Отец вообразил, что у меня технические способности, и меня отправили в Москву. Но что я мог там сделать со своей глухотой? Какие связи завязать? Без знания жизни я был как слепой в отношении карьеры и заработка. Я получал из дома 10—15 руб[лей] в месяц. Питался одним черным хлебом, не видал даже картошки и чаю. Зато покупал книги, трубки, реторты, ртуть, серную кислоту и проч[ее].

Тетка сама навязала мне уйму чулок. Я решил, что можно отлично ходить и без чулок. Продал их за бесценок и купил на полученные деньги спирту, цинку, серной кислоты, ртути и проч[его]. Благодаря главным образом кислотам я ходил в штанах с желтыми пятнами и дырами. Мальчики на улице замечали мне: «Что это, мыши, что ли, изъели ваши брюки?» Ходил я с длинными волосами просто оттого, что некогда было стричь волосы. Смешон был, должно быть, страшно. Я был все же счастлив, и черный хлеб меня нисколько не огорчал.

В Москве я проходил первый год тщательно и систематически курс начальной математики и физики. На второй же год занялся высшей математикой. Прочел курсы высшей алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, аналитическую геометрию,

Продолжение на стр. 10

[1] Рязани (ред.).

Печатается с небольшими сокращениями.

ОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ОГОНЬКА»

На память о Риме

В. ВИКТОРОВ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, Л. БОРОДУЛИН

В Риме много площадей и почти на каждой стоит памятник или обелиск. Занята и площадь перед стадионом «Форо Италико». А нам бы хотелось предложить спортивным руководителям Италии: поставьте на площади памятник всем бескорыстным, самозабвенным «тифико», как называют в Италии болельщиков. Со всего света съехались они в Рим, чтобы увидеть чудо XX века — Олимпийские игры.

Сколько же тягот пришлось перенести зрителям-олимпийцам! Каждое утро они решали уравнение со многими неизвестными: куда пойти? На легкую атлетику? На греблю? На борьбу? Или, может быть, предпочесть всему этому плавание? А к этому надо прибавить римский зной, высокие цены и дальние расстояния... Но болельщики шли на все!

Все дни Олимпиады спортсмены и зрители неустанно охотились за сувенирами. Это стремление понятно. Всем хотелось увезти из Рима памятный подарок...

Можно ли придумать лучший подарок, чем золотая медаль? Вот она, память о Риме! Золотую медаль советской спортсменки Антонины Серединой, одержавшей победу на байдарке, фотографируют корреспонденты и туристы (снимок внизу слева). Это была первая золотая медаль, полученная советскими спортсменами в Риме, но далеко не последняя. Много почетных призов увезут на Родину наши друзья-спортсмены. А мы вручаем нашим читателям эти снимки как память о незабываемых днях в Риме.

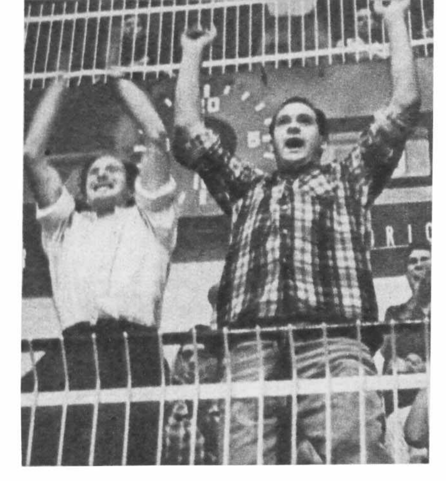

„Сладкая жизнь" и

А. СОФРОНОВ

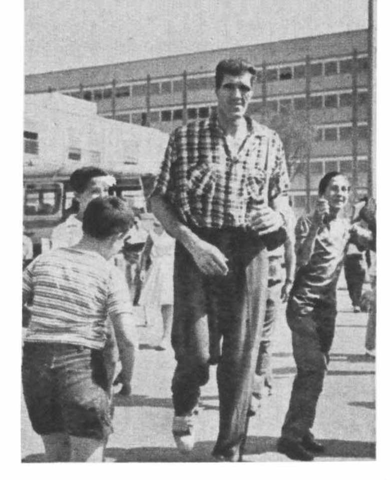
Признаюсь, я летел в Рим под впечатлением недавно увиденного в Москве, на одном из небольших просмотров, кинофильма итальянского режиссера де Феллини «Сладкая жизнь». Картина эта имела в самой Италии шумный успех, вызвала бесконечные дискуссии. Споры и дискуссии вокруг «Сладкой жизни» вышли за рамки национальной кинематографии Италии. Я уходил после просмотра с двойным чувством. Во-первых, фильм слишком длинен, во-вторых, он вообще беспросветен. Язвы духовного и физического разложения «верхних слоев» капиталистического общества показаны в фильме сильно, с какой-то бальзаковской безжалостностью и презрением к ним. И вместе с этим фильм без солнца. Только маленький лучик — девушка с лицом мадонны — дважды прорезает эту тьму, замешанную на густом настое цинизма, беззастенчивой сексуальности, решительного неверия хоть в какое-нибудь мало-мальски приличное будущее. Вместе с

Это наши соотечественники — туристы — подбадривают земляков...

Место на верхней ступеньке заняла Эльвира Озолина, а ее соседями стали чемпионка XV Олимпийских игр Д. Затопкова и советская спортсменка Б. Каледене.

Юные болельщики — римские мальчишки. Смотрите, как рады они тому, что могут сопровождать самого высокого олимпийца—Яниса Круминьша.

Четыре с половиной часа продолжалась борьба прыгунов в высоту! Она свелась к спору трех советских атлетов — Р. Шавлакадзе, В. Брумеля и В. Большова — со знаменитым Д. Томасом (США), недавно установившим мировой рекорд. И на высоте 2 метра 16 сантиметров Томас сошел. Чемпионом XVII Олимпийских игр стал Роберт Шавлакадзе. Вы видите его прыжок.

Ирина Пресс завоевала золотую медаль в беге на 80 метров с барьерами. Вы видите ее на пьедестале почета рядом с сильными соперницами К. Куинтон (Англия) и Г. Биркемейер (Германия).

Фото Ассошиэйтед пресс.

Сила советских борцов давно уже известна всему миру. Три золотые медали по классической борьбе — это результат «прима» даже для таких мастеров классической борьбы, как советские спортсмены!

жизнь настоящая

этим смешно было бы упрекать талантливого режиссера именно в этих грехах. Не случайно фильм вызвал зубовный скрежет не только «верхушек», но и Ватикана, увидевшего в нем «богоотступничество» и вредоносную греховность. Фильм сорвал завесу с запретной, не открываемой простому человеческому глазу жизни богатой части общества Италии. Де Феллини, конечно, не воспроизвел и сотой доли сущности современного капиталистического общества. Да мы и не можем требовать этого от талантливого художника. В данном случае он сделал то, что хотел. Сделал талантливо и смело. Остальное — область дискуссий и творческих споров. И я не хочу, находясь в Риме, на Олимпийских играх, ввязываться в эти дискуссии. Повторяю, после просмотра фильма я ушел с двойственным чувством. В душе поднимался внутренний протест против беспросветности картины и вместе с тем не уходило ощущение талантливости и смелости художника, пытающегося идти какими-то своими путями. Новаторскими? Это уже другой вопрос. Известно, что в искусстве иногда за новаторство выдают обычные формалистические изыски. Здесь этого нет — и, как говорится, слава богу.

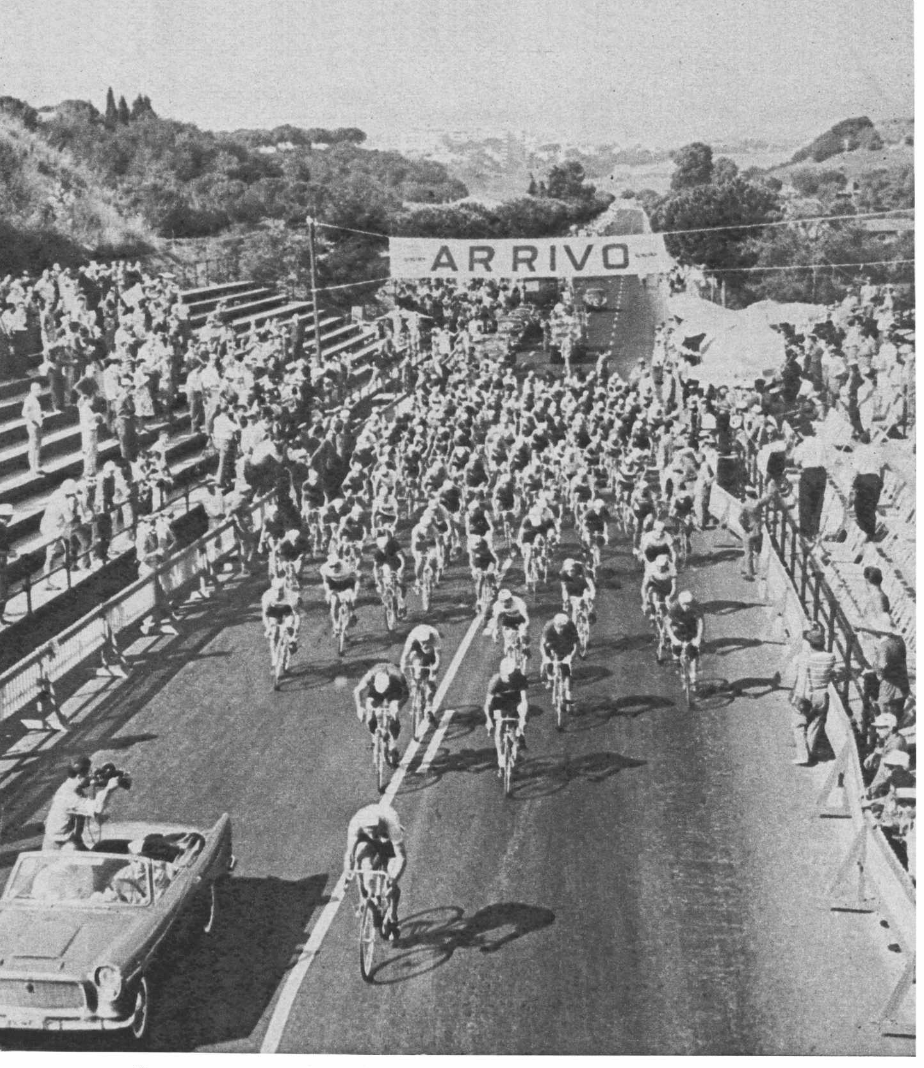
Фильм «Сладкая жизнь» начинается с кадров, на которых показывается, как на вертолете доставляется по месту назначения фигура Христа с распростертыми руками. Это дает режиссеру возможность показать панораму Рима. Смотрятся эти кадры с большим интересом. Несколько раз пролетал я Рим и невольно всегда припадал к окошку самолета. На этот раз, когда вместе с советскими штангистами и стрелками я подлетал к Риму, невольно пришли на память первые кадры «Сладкой жизни». Да, Рим был именно таким, каким его показали в фильме. И даже позже, в часы открытия Олимпийских игр, смотря на фигуру какого-то святого, поставленную на одном из гребней высоких холмов, поднявшихся над стадионом, невольно думалось: уж не его ли тащил вертолет в фильме «Сладкая жизнь»? После церемонии открытия на стоянке автомашин я наблюдал разъезд зрителей. Уезжали и на новеньких больших открытых машинах, сверхдлинных, плывущих по мостовым, как черные дредноуты. Уезжали и на маленьких, что стоят подешевле. Перед разъездом долго разговаривали, шутили — невообразимые розовые женские брючки со штрипками, женоподобные юноши, женщины с глазами, обведенными яркой зеленой краской. И снова показалось, что этих людей я уже видел и пришли они на стадион из фильма «Сладкая жизнь». Но на этом, пожалуй, все ассоциации и кончились. И чем дальше шли Олимпийские игры, чем больше знакомились мы с Римом и его жителями, тем больше фильм уходил куда-то на задний план, тем меньше можно было его с чем-нибудь сравнить. Несколько лет назад, возвращаясь из Индии, я провел три дня в Риме. Срок очень короткий, и, конечно, мало что можно узнать. Но именно тогда как-то особенно стали памятны такие итальянские фильмы, как «Похитители велосипедов», «Два гроша надежды», «Под небом Сицилии». Римские окраинные кварталы, где на каменных мостовых черномазая, ободранная детвора с шумом гоняет тряпочные мячи, а поперек узеньких, без солнца, улиц развешано белье; где пожилые итальянки с изможденными лицами ожидают на улице прихода своих мужей с работы,— подтверждали близость кинохудожников Италии к той жизни, где эти лучики солнца, несмотря на жизненные тяготы, пробивались чаще чем через призму сладкой, даже приторной жизни.

Сразу же после начала Олимпийских игр советских спортсменов пригласили к себе в гости рабочие одного из окраинных районов Рима — Тибуртина Терца. В воскресный день, когда на играх был день отдыха, они прислали автобус со своими представителями.

— Просим в наш парк,— говорили итальянцы, радушно улыбаясь.

Послеобеденное время в Риме да еще в воскресенье имеет свои особенности. На улицах очень мало жителей. Только полицейские в белых касках и перчатках стоят, как дирижеры, на перекрестках, кистями рук плавно направляя машины. Но чем дальше автобус уходил от центральных кварталов города, чем больше он нырял по каменистым склонам, тем больше встречалось людей в простых одеждах. Автобус остановился возле двухэтажного дома. Мы были окружены шумной толпой. К нам тянулись десятки дружеских рук. Я оглядывался вокруг. Где парк? Парка не было. Был узкий двор, с двух сторон которого стояли двухэтажные здания с длинным балконом на втором этаже. На самом дворе были расставлены столики, возле которых хлопотали женщины в пестрых передниках. Нас пригласили в комнату. Шкафы с рядами книг стояли вдоль стены. Здесь был центр одной из групп строителей района Тибуртина Терца.

Кто-то из хозяев раскрыл шкаф и достал две зачитанные, что называется до дыр, книги. Одна из них была «Мать», другая — первая книга «Тихого Дона».

Кто мог предполагать, когда давался старт личной гонки на 175 километров, что золотую медаль получит не итальянский или немецкий гонщик, а советский спортсмен Виктор Капитонов? Ведь до этого наши велосипедисты не радовали нас своими победами.

Бег на 100 метров блестяще выиграл спортсмен объединенной немецкой команды А. Хари (второй слева). Вы видите его уверенный старт, завершившийся через 10,2 секунды победным финишем. Лишь американцу Д. Зиму удалось получить призовую медаль.

Много было огорчений и радостей в Риме.
На этом снимке вы видите, как ликовали бразильцы, выиграв матч...

— Очень любят у нас русские книги. Жаль, мы их мало имеем.

В это время буквально за руки нас потащили к столу. Было очень тесно в маленькой и душной комнате. В открытые окна заглядывали курносые черноглазые ребятишки. Они протягивали руки к нашим спортсменам: дайте советский значок. Получив, одни ребята исчезали, на их месте появлялись другие. Оказалось, что, кроме советских гостей, здесь была группа туристов из ГДР. Один из принимавших нас итальянских товарищей говорил:

— Мы принимаем вас, как своих братьев. Вы приехали из сравнительно далеких мест, но вы близки нашему сердцу. Мы здесь, в Италии, следим за прогрессом в ваших странах. Все это завоевано рабочим классом. Мы заверяем вас, что, мы также будем бороться за то, чтобы добиться таких же успехов!

Жены устроителей этой встречи подавали крупно нарезанные бутерброды. На столах стояли фрукты, воды. Наши спортсмены отодвигали столики с вином.

— Понимаем, понимаем. Не пейте, не пейте, а то скажете, что мы спаиваем вас,— шутили итальянцы.

В комнате появился гитарист. Среди наших товарищей нашелся певец, знающий итальянские песни. Вскоре все вышли во двор и были окружены десятками рабочих. Где с переводчиком, а где и просто так завязались беседы. Нас приглашали в рабочие кварталы попить кофе.

Это была рабочая Италия. Спокойные люди, оптимисты, не всегда разбирающиеся во всем. Сказывается неправильная информация, распространяемая буржуазной печатью. И не столько обобщения, сколько извращенные факты остались в умах наших друзей. Они поехали с нами в автобусе и где-то на половине пути вдруг запели «Катюшу». Тут уж, конечно, включились и наши спортсмены. Так мы и ехали по Риму с «Катюшей», которая выходила на берег крутой.

И не только эта встреча, но и многие другие, которые наслаивались одна на другую, и на трибунах спортивных сооружений и в олимпийской деревне, как-то все дальше отодвигали шумный и безжалостный фильм, который при всех своих положительных качествах не увидел главного — будущего.

А будущее кипело вокруг нас в братских встречах на улицах Рима. Будущее активно вторгалось в жизнь каждого участника игр и тех, кто сидел на трибунах стадиона. И это была настоящая жизнь, не такая, какой она мелькнула в «Сладкой жизни» в образе белокурой девочки с лицом мадонны, а в ее активном и широком проявлении и в том числе в спортивных встречах, ибо то, что происходит сейчас в Риме на Олимпийских играх, в какой-то степени является тем, к чему придет все человечество, когда очистится от империалистической скверны. Здесь, в Риме, во многом понять психологию советских людей помогают наши спортсмены.

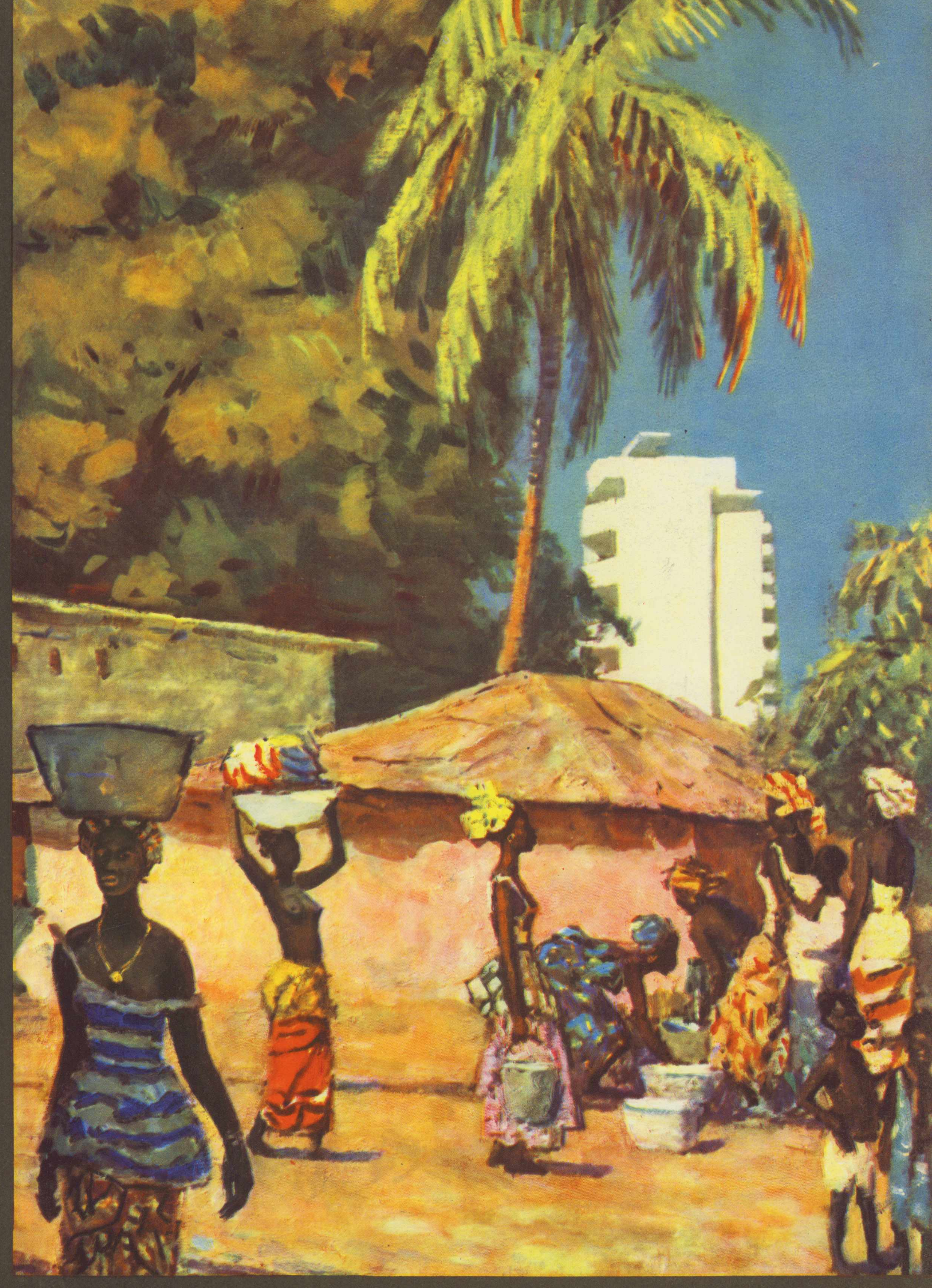
Сейчас еще рано подводить окончательные итоги Олимпийских игр 1960 года. Это еще впереди. Пока можно сказать, что советские спортсмены, несмотря на ряд неудач в отдельных видах спорта, с самого начала заняв лидирующее положение, сохраняли его все время, несмотря на то, что не только спортсмены Соединенных Штатов Америки, но и многие другие делегации ожесточенно сражались за золотые медали. Может, это особенно остро почувствовалось на главном олимпийском стадионе. В день, когда Джон Томас вместе с прыгунами в высоту из других стран вышел на зеленое поле стадиона, некоторые итальянские газеты дали широковещательные интервью и всяческие прогнозы с портретами Томаса — одного и с братом, которого он поил на снимках кока-кола, чтобы и младший брат был таким же спортсменом, как и прославленный старший. Известно, что Томас у себя на родине поставил новый мировой рекорд по прыжкам в высоту — 2. 22,8 метра. Правда, среди спортсменов ходил разговор о том, что в США площадка, на которой прыгал Томас, была сделана из какого-то специального состава, в который входит солома, пропитанная битумом, что делает ее пружинистой. Здесь, в Риме, Томасу предстояло прыгать на равных условиях с советскими и другими спортсменами. Когда спрашивали наших прыгунов: ну как, ребята,— они отвечали: трудно, но попробуем. И хмурились. Не надо спрашивать. Что может сказать настоящий спортсмен?..

Когда начались отборочные прыжки в высоту в одном из секторов стадиона, на них мало кто обращал внимание. Перед глазами проносились стайки бегунов. Мелькал барьерный бег и бег без барьеров. Вдруг стадион заметил, что в одном из забегов на четыреста метров спортсмен — негр из Кении бежит босиком и мало того, что не отстает, а перегоняет других. Правда, к финишу первым ему прийти не удалось, но этот бег вдруг запомнился среди других своей беззаветностью. И снова, не первый раз на этих играх, вдруг подумалось: по существу, для спорта появился новый резерв — спортсмены африканских стран. Если на предыдущих играх за редким исключением мы видели негров, выступающих в качестве боксеров и бегунов исключительно от Соединенных Штатов Америки, то теперь страны Африки начинают выдвигать на передовые спортивные позиции своих спортсменов, у которых еще нет настоящей выучки, но есть прекрасные физические данные и огромное желание защитить спортивную честь Африки, наносящей смертельные удары колониализму.

...А в это время планка у прыгунов поднималась все выше. Маленький электрический щиток, вертясь на оси, показывал 2 метра, потом 2.03. Возле планки шла на первый взгляд незаметная борьба. Кто-то пропускал эти пройденные для себя высоты. Чаще других это делал Томас. Он стоял в стороне, словно бы и не глядя на то, что происходит возле двух шестов с планкой посредине. Он ходил, подпрыгивал, разминался... Наши прыгали. Вот уже план-

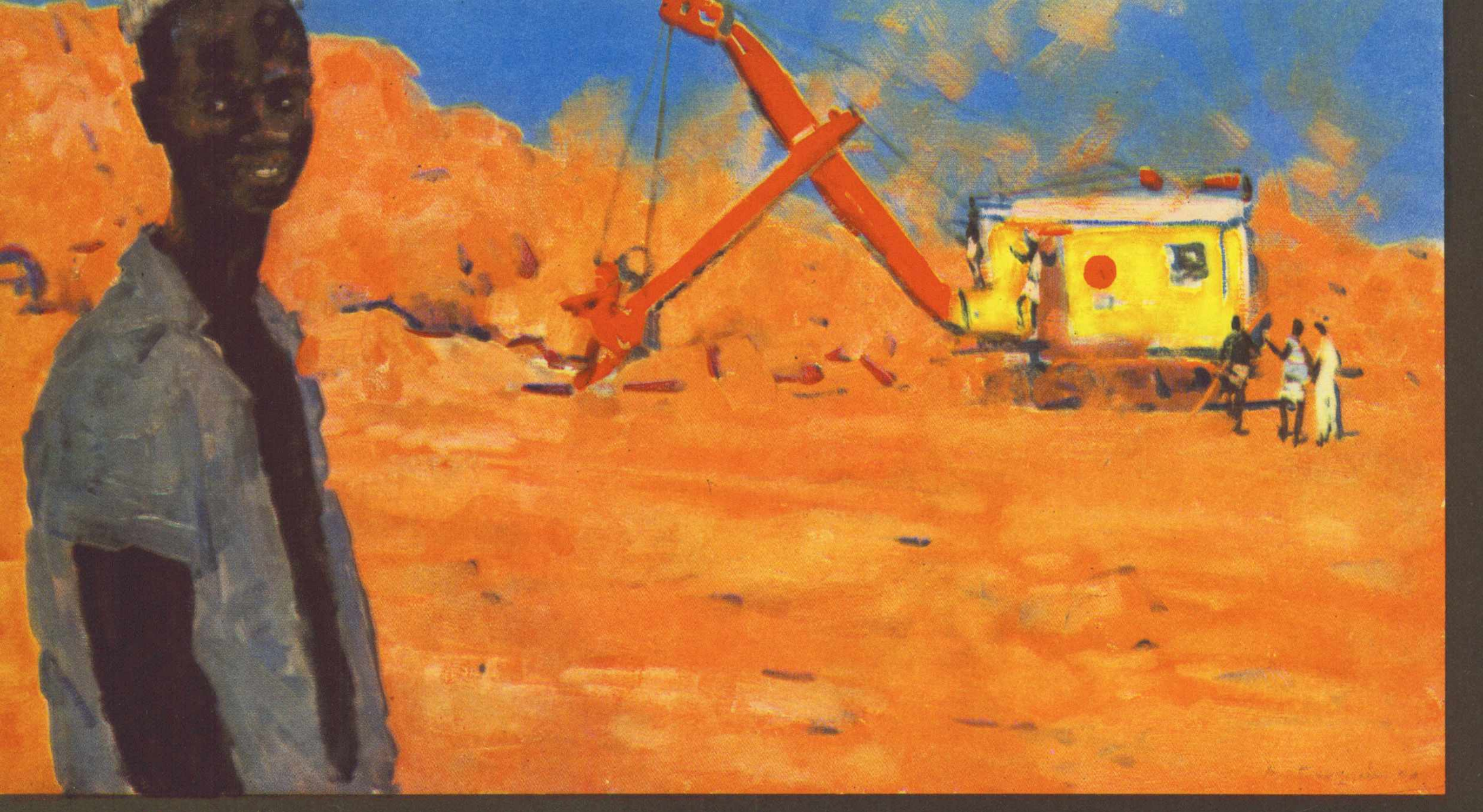
Продолжение на стр. 26.

Улица в Конакри.

ГВИНЕЯ, 1960

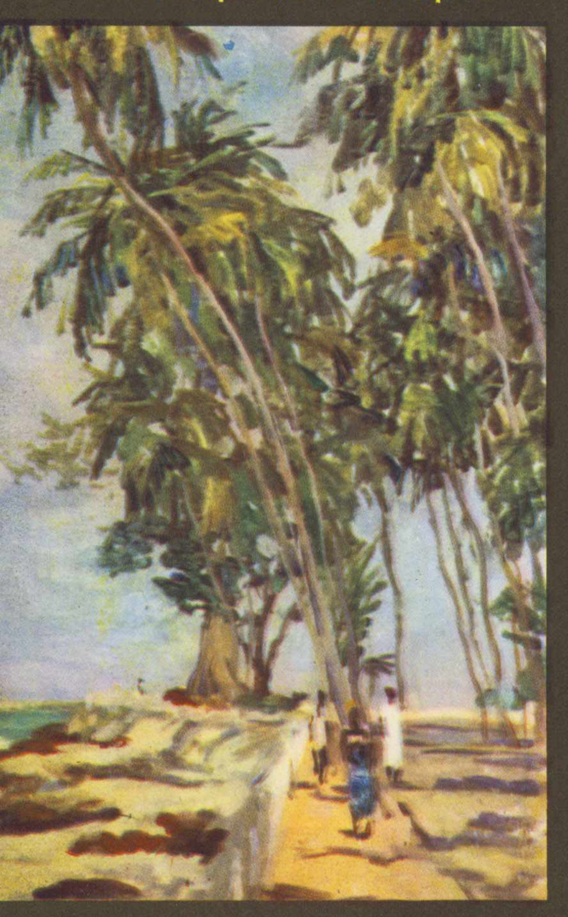
ЭТЮДЫ М. А. БИРШТЕЙНА.

Бокситы.

В гвинейской деревне.

Набережная в Конакри.

В середине марта, когда у нас на снегу самые синие тени и на площадях Москвы продают лимонную пушистую мимозу, мы вышли из самолета на аэродроме в Конакри — столице Гвинейской Республики.

Сильнейший свет, яркость красок — незнакомый чудесный мир Африки...

Конакри — город на берегу океана. На набережной красиво изогнутые, раскачиваемые ветром кокосовые пальмы невероятной высоты. По утрам на них с поразительной ловкостью взбираются мальчишки за орехами. Улицу затеняют огромные коричневато-зеленые деревья манго. Плоды их свисают на тоненьких ниточках и, созревая, падают, спелые, на асфальт. Цветут ярко, красными пылающими цветами акации.

Неправдоподобно громадны баобабы и сейбы, под кронами которых может поместиться небольшой квартал домов. В их тени уличные парикмахеры, накинув на клиента желтую ткань с изображениями красных слонов, подстригают шевелюры.

Рядом небольшой базар; здесь же столяры полируют низкие светлые стулья и портные шьют цветастые платья.

Дальше — Рыбный рынок на берегу океана, где продают груды розовых креветок, сине-серебряных тунцов, плоды манго, ананасы, бананы, апельсины, дрова — красное дерево.

Стройные, красивые женщины несут на голове то большие блюда с фруктами, то корзины или таз с водой; за спиной у них привязаны никогда не плачущие младенцы. Удивительны одежды женщин — яркие ткани с крупным рисунком, иногда с портретом президента республики Секу Туре. У водопроводной колонки всегда много народу, шумно, весело; бегают, плещутся ребятишки.

Комендант порта, стройный молодой гвинеец в белоснежных штанишках выше колен, показывает нам современный порт, где стоят под погрузкой и разгружаются суда разных стран. Здесь знают и любят советских моряков. Порт молодой республики расширяется, строится. Необычайно красиво сочетаются краны, индустриальные портовые сооружения с фоном — причудливым рисунком кокосовых пальм.

Красная земля Гвинеи богата железной рудой, бокситами, алмазами. На комбинате бокситов Фриа, акции которого еще принадлежат капиталистам многих стран, нас тепло встречают рабочие-гвинейцы.

Когда мы попали в гвинейскую деревню, невольно вспомнилось детство: мальчишеские мечты об Африке, джунглях, крокодилах, обезьянах.

Кажется, перед тобой ожившая и расцветшая чудными красками картинка из учебника географии: женщина, как скульптура из черного дерева, в тени конической хижины толчет в деревянной ступе корни маниоки, у ее ног играют дети, рядом мужчина с пудовой гроздью бананов в руке.

Наш автобус мчится дальше по шоссе — мимо саванны, мимо тропических лесов, деревень, затененных пальмами, мимо плантаций ананасов и бананов, недавно еще принадлежавших французским колонизаторам. Мы едем на встречу с профессорами-гвинейцами, преподавателями нового лицея. Молодая республика придает огромное значение образованию. При колониализме училось лишь пять процентов детей, в ближайшие годы предполагается ввести обязательное начальное обучение.

Художнику в гостеприимной Гвинее не всегда легко делать зарисовки, этюды. Сразу тебя окружает отнюдь не равнодушная толпа. А когда к тому же выяснится, что ты советский человек — «камрад», а не «патрон» — колонизатор, тебя тут же забросают вопросами и о спутнике, и о московском снеге, и об университете на Ленинских горах, где учится брат вот этой девчонки, которую я только что тщетно упрашивал позировать.

Никогда не забыть мне дней, проведенных в Гвинее! Не забыть чудесных людей молодой республики, сбросивших цепи колониализма.

М. БИРШТЕЙН,
художник

«АВТОБУС МНЕ, АВТОБУС!»

Благодарим редакцию и авторов фельетона «Автобус мне, автобус!», опубликованного в № 32, за справедливую критику работы городского транспорта. Надеемся, что руководители Башсовнархоза, прочитав этот материал, улучшат перевозку рабочих и населения города, тогда нам не придется ездить на крышах трамваев.

Рабочие нефтеперерабатывающего завода.

Уфа.

* * *

Омега относится к Сталинскому району Севастополя. Расстояние от центра до Омеги—10 километров. Время поездки по расписанию—22 минуты. Но автобус в Омегу ходит... три раза в день.

Летом расписание меняется. Автобус ходит каждый час. Но это только в том случае, если погода жаркая. Как только на небе появляются тучки, автобус с линии снимается.

Жители Омеги неоднократно писали, жаловались, просили. Но у начальника движения М. В. Кирилюка один ответ: «В Омеге народа мало, возить некого, план не выполняется».

Но ведь нельзя же за планом не видеть живых людей!

Л. ТИКЕР

Севастополь.

* * *

Всем известно, что машина с надписью «Неотложная медицинская помощь» должна быть использована по своему прямому назначению. Но не так обстоит дело в Одессе. Руководители лечебных учреждений города считают, что эти машины отданы им на откуп. Зачем возить больных, когда можно вызвать «Скорую помощь» и поехать с семьей и знакомыми на пляж, на дачу, на базар!

Нам кажется, что следовало бы на машинах «Неотложной помощи» оборудовать носилки, дабы они не были просто легковыми машинами. И необходимо строго наказывать руководителей лечебных учреждений за незаконное использование транспорта.

М. МОРЕНЕЦ-КУБАНСКИЙ,
фельдшер станции «Скорой медицинской помощи»

Одесса.

«МИН НЕТ. ПРОВЕРЯЛ ХАНУТИН»

На днях я посетил Дрезденскую картинную галерею. У входа в нее во время войны мелом было написано: «Музей проверен. Мин нет. Проверял Ханутин». Рядом прибита металлическая плитка с этим же текстом на немецком языке. Слова с подписью Ханутина встречаются и в других местах, в частности на развалинах замка.

Нас заинтересовал вопрос: жив ли Ханутин, кем и где работает он сейчас, кем был во время войны?

П. ИШУТОВ,
военнослужащий

●

Наша диетическая столовая № 14 расположена окнами на солнечную сторону. Цеха плохо вентилируются ввиду неудобного расположения производственных помещений. Все это создает сильную духоту и жару.

Прочитав статью доктора Петра Тучны (Прага) «Мозоли, настроение и эстетика» («Огонек» № 27), мы использовали предложенные им методы. Развели мел с синькой и забелили окна столовой с внутренней стороны и стены голубоватым цветом. Теперь солнечные лучи меньше проникают и в зал и в цех. Получилась тень, которая смягчает жару. Даже мухи залетают меньше. Это почувствовали и наши клиенты.

Спасибо доктору Петру Тучны за его работу.

Директор столовой **ШУМИЛОВА**,
зав. производством **СУРИКОВ**,
председатель месткома **КОМКОВА**

Горький.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ: МОЯ ЖИЗНЬ

Начало на стр. 4.

сферическую тригонометрию и проч[ее]. Но меня страшно занимали разные вопросы, и я старался сейчас же применять приобретенные знания к решению этих вопросов. Так я почти самостоятельно проходил аналитическую механику. Вот, например, вопросы, которые меня занимали.

1. Нельзя ли воспользоваться энергиею движения Земли? Решение было правильное — отрицательное.

2. Какую форму принимают поверхности жидкости в сосуде, вращающемся вокруг отвесной оси? Ответ верный: поверхность параболоида вращения. А так как телескопические зеркала имеют такую форму, то я мечтал устраивать гигантские телескопы с такими подвижными зеркалами.

3. Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором не было бы тяжести от центробежной силы?

4. Нельзя ли строить металлические аэростаты, не пропускающие газа и вечно носящиеся в воздухе?

5. Нельзя ли использовать в паровых машинах высокого давления мятый пар?

6. Нельзя ли применить центробежную силу к поднятию за атмосферу, в небесные пространства?

И я придумал такую машину. Она состояла из закрытой камеры или ящика, в котором вибрировали два перевернутых твердых эластических маятника, с шарами в верхних концах. Они описывали дуги, и центробежная сила шаров должна была подымать кабину и нести ее в небесное пространство. Я был в таком восторге от этого «изобретения», что не мог усидеть на месте и пошел развеять душившую меня радость на улицу. Бродил ночью час-два по Москве, размышляя и проверяя свое открытие. Но, увы, еще дорогой я понял, что заблуждаюсь: будет трясение машины, и только. Ни на один грамм ее вес не уменьшится. Однако недолгий восторг был так силен, что я всю жизнь видел этот прибор во сне: я поднимался на нем с великим очарованием...

Были у меня в Москве и случайные знакомые. Так, в Публичной библиотеке («Чертковской») мною заинтересовался кончающий по математическому факультету студент Б. Он раза два был у меня и посоветовал прочесть Шекспира. Шекспир тогда мне очень понравился, но когда я, уже стариком, вздумал его перечитывать, то бросил, как непроизводительный труд.

Читая книги, я увлекался в Москве прежде всего точными науками. Всякой неопределенности и «философии» я избегал.

Известный публицист Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе «Я». Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки... Все же это один из самых уважаемых мною моих учителей.

В беллетристике наибольшее впечатление произвел на меня Тургенев и в особенности его «Отцы и дети». (На старости и это я потом переоценил и понизил.)

В библиотеке много читал Араго.

Кстати, в Публичной библиотеке я заметил одного служащего с необыкновенно добрым лицом. Никогда я потом не встречал ничего подобного. Видно, правда, что лицо — зеркало души. Когда усталые и бесприютные люди засыпали в библиотеке, то он не обращал на это никакого внимания. Другой библиотекарь сейчас же сурово будил. Он же давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров — друг Толстого, изумительный философ и скромник. Он раздавал все свое жалованье беднякам. Теперь я вижу, что он и меня хотел сделать своим пенсионером, но это ему не удалось: я чересчур дичился. Потом я еще узнал, что он был некоторое время учителем в Б.[1], где служил много позднее и я. Помню благообразного брюнета, среднего роста, с лысиной, но довольно прилично одетого. Федоров был «незаконный» сын какого-то вельможи и крепостной. По своей скромности он не хотел печатать свои труды, несмотря на полную к тому возможность и уговоры друзей. Получил образование он в лицее.

* * *

...В Р[язани] я побывал в местах, где прежде жил. Все показалось очень маленьким, жалким, загрязненным. Знакомые — приземистыми и сильно постаревшими. Сады, дворы и дома уже не казались такими интересными, как прежде: обычное разочарование от старых мест.

Я еще не был учителем (в 1878 г.), когда меня притянули к исполнению недавно введенной всеобщей воинской повинности (в 1871 г.). Я понимал, что против рожна трудно пойти. Никто не догадался меня проводить в воинское присутствие. Благодаря глухоте получился неизбежный ряд комических сцен.

Раздели догола, унтер держал рубашку. Грудь не вышла. Заявил о глухоте: «Воздух продувался сквозь барабанные перепонки». Послушал доктор, как шумит в ухе воздух при продувании.

Не помню хорошо, освободили ли меня сразу, или отложили на год. Помню только, что губернатор остался недоволен приемной комиссией и захотел всех освобожденных переосвидетельствовать.

Он спросил меня: «Чем занимаетесь?» Мой ответ: «математикой» — возбудил ироническое пожимание плеч. Все же мою негодность подтвердил.

На следующий год я сдавал экзамен на учителя, так как в Р[язани] не имел уроков и жил оставшимся скудным запасом денег. В это время я занимал комнату у служащего Шапкина. Это был ранее сосланный в Сибирь поляк, теперь освобожденный.

На экзамен я боялся опоздать. Спрашиваю сторожа: «Экзаменуют?». Насмешливый ответ: «Только вас дожидаются».

Первый устный экзамен был по закону божию. Растерялся и не мог выговорить ни одного слова. Увели и посадили в стороне на диванчик. Через 5 минут пришел в себя и отвечал без запинки. В дальнейшем этой растерянности уже не было. Главное, глухота меня стесняла. Совестно было отвечать невпопад и переспрашивать тоже. Письменный экзамен был в комнате директора и в его единоличном присутствии. Через несколько минут я написал сочинение, ввернув доказательства совершенно новые. Подаю директору. Его вопрос: «Это черновая?» «Нет,— отвечаю,— беловая!» Удивился и заметил: «Скоро написали!»

Хорошо, что попался мыслящий молодой экзаменатор. Он понял меня и поставил хороший балл, не сделав ни одного замечания. Отметок их я не видал. Знаю только, что меньше «4» получать на экзамене было нельзя. Так сошли и другие экзамены.

Пробный урок давался в перемену, без учеников. Выслушивал один математик.

Отец был очень доволен. Решили помочь мне в снаряжении на предполагаемое место. На экзамене я был в серой заплатанной блузе. Пальто и проч[ее] — все это было в жалком состоянии, а денег почти не оставалось. Сшили вицмундир, брюки и жилет, всего за 25 рублей. (Все сорок лет я больше мундира не шил; кокарды и орденов никогда не носил. Ходил в чем придется. Крахмаленых воротников не употреблял). Сшили и дешевое пальто за 7 рублей. Пришили к шапке наушники, и все было готово. Истраченное я потом возвратил отцу, который, должно быть, на это немного обиделся.

Был у меня еще коротенький полушубок (куплен за 2 рубля). Под пальто, без ваты, он очень пригодился зимой.

Однако, несмотря на прошение, назначен я был на место только месяца через четыре.

Этот промежуток ожидания я провел в деревне у помещика М., занимаясь с его малыми детьми — учил грамоте.

Педагогия была для меня забавой. Главным же образом я погружался в законы тяготения тел разной формы и в те движения, которые вызывали относительную тяжесть. Лет через 30 я послал остатки этих вычислений и чертежей известному Перельману как биографический документ. Он упоминал о нем в своей книге обо мне (1932 года).

Каждый день я гулял довольно далеко от дома и мечтал о своих работах и о дирижабле. Меня предупреждали, что тут много волков, указывали на следы и даже на перья растерзанных кур. Но мне как-то не приходила мысль об опасности, и я продолжал свои прогулки.

Наконец после рождества (1880 г.) я получил известие о назначении меня на должность учителя арифметики и геометрии в Б[оровск]ое уездное училище.

Надел свои наушники, полушубок, пальто, валенки и отправился в путь.

В городе Б[оровске] остановился в номерах. Потом стал искать квартиру. Город был раскольнический. Пускали неохотно щепотников и табашников, хотя я не был ни тем, ни другим (я никогда не курил). Дома стояли пустые, и все же не пускали.

В одном месте приняли в огромный бельэтаж. Взял одну комнату и в первую же ночь страшно угорел. Бельэтаж отдали под свадьбу, меня же переселили в темную каморку, что мне не понравилось. Стал искать другую квартиру. По указанию жителей попал на хлеба к одному вдовцу с дочерью, жившему на окраине города, поблизости реки. Дали две комнаты и стол из супа и каши. Я был доволен и жил тут долго. Хозяин — человек прекрасный, но жестоко выпивал.

...В день венчания я купил у соседа токарный станок и резал стекла для электрических машин.

Я очень увлекался натуральной философией. Доказывал товарищам, что Христос был только добрый и умный человек, иначе он не говорил бы такие вещи: «Понимающий меня может делать то же, что я, и даже больше». Главное не его заклинания, лечение и «чудеса», а его философия.

Донесли в Калугу директору. Директор вызывает к себе для объяснений. Занял деньги, поехал. Начальник оказался на даче. Отправились на дачу. Вышел добродушный старичок и попросил меня подождать, пока он выкупается. «Возница не хочет ждать»,— сказал я. Омрачился директор, и между нами произошел такой диалог:

— Вы меня вызываете, а средств на поездку у меня нет...

— Куда же вы деваете свое жалованье?

— Я большую часть его трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

— Ничего этого вам не нужно... Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

— Правда, но ведь это есть в евангелии Ивана.

— Вздор, такого текста нет и быть не может!! Имеете ли вы состояние?

— Ничего не имею.

— Как же вы, нищий, решаетесь говорить такие вещи!..

Я должен был обещать не повторять моих «ошибок» и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода, по моему незнанию жизни, никакого другого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться. Итак, я возвратился к своим физическим забавам и к серьезным математическим работам. У меня сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации и светились вензеля. Толпа одновременно поражалась громовым ударам. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы. Волосы становились дыбом, выскакивали искры из всякой части тела. Кошка и насекомые также не избегали моих экспериментов.

Надувался водородом резиновый мешок и тщательно уравновешивался посредством бумажной лодочки с песком. Как живой, он бродил из комнаты в комнату, следуя воздушным течениям, подымаясь и опускаясь.

Окончание следует.

[1] Боровск, Калужской губернии (ред.).

Начало на стр. 1.

КОНТРАСТЫ ВЕКА

На трассе Иркутск — Качуга.

свет погасят, ну, черти на холстине и шебаршатся.

Электричества почти нигде не было. Поэтому, прежде чем показывать картину, сначала обычно приходилось «пошаманить» с электрической лампочкой. Покручу ручку динамо, лампочка загорится — все ахают. Беру ее, зажимаю в кулаке — все поражены: огонь, а не жжется! Как-то раз я даже брал горящую лампочку в рот. Эффект был потрясающий.

И все это было в тех самых краях, где строят Братскую ГЭС.

* * *

Потянуло меня на знакомые места. Как там сейчас? Решил так: возьму кинопередвижку и проеду по тем самым местам, что исколесил тридцать лет назад. Но оказалось, что ездить с кинопередвижкой незачем. Всюду имеются если не кинотеатры, то стационарные звуковые киноустановки. С кинопередвижкой можно податься разве только на полевой стан. И без всяких «культурно-просветительных замыслов» поехал я по гладкой асфальтовой дороге Иркутск — Качуга. Движение по ней не уменьшилось, хотя с постройкой новой железной дороги Тайшет — Лена мелководная пристань в Качуге, через которую раньше шли все грузы на Лену, потеряла всякое значение. Сейчас дорогой пользуются в основном близлежащие колхозы и совхозы.

Вот и Хомутово. То самое Хомутово, где в свое время заяц лихо расправился с годовым отчетом сельпо. Большое село. Советуюсь, что мне фотографировать. «А сходите,— говорят,— в нашу картинную галерею в старом клубе. Там сейчас занятия сельского университета культуры». Захожу. Местный художник, преподаватель средней школы Иван Васильевич Вологдин, читает колхозникам лекцию на тему «Как смотреть и понимать живопись». Потом ведет всех в соседний зал показывать свою персональную выставку картин и рисунков. Поговорил с ним немного, узнал, что нового в Хомутове.

Пока Вологдин жаловался, что местную кооперацию никак не заставишь торговать кистями и красками и за ними приходится частенько наведываться в город, из Иркутска приехала комиссия госавтоинспекции принимать экзамены. Желающих получить права набралось человек пятьдесят. Правда, среди них не оказалось Олега Федулова, наехавшего на меня на улице на своем автомобиле. Автомобиль пока еще только педальный, но все же автомобиль. Честно говоря, я позавидовал своему тезке. В наше время и велосипед был несбыточной мечтой. На все Хомутово была одна машина, и когда я попросил ее у хозяина, чтобы съездить по делу, он не дал: «Шутка сказать, я ее по велобизательству купил, больше года ждал. Сколько яиц перетаскал в кооперацию!» (Велосипеды продавали тогда только в обмен на куриные яйца.)

* * *

...У меня сохранились две старые фотографии старинного сибирского села Урик, где когда-то отбывал ссылку декабрист Муравьев. На одной — будка, крытая тесом. Это электростанция. На другой — сев в коммуне «Двенадцать Октябрей». (Фото на первой странице.) Спрашиваю: кто остался на селе из бывших коммунаров? Нашлось трое: Михаил Иннокентьевич Степанов, первый тракторист коммуны, Аграфена Васильевна Морозова, бывшая заведующая молочной фермой, и Михаил Иванович Давыдов. Посмотрели старики фотографии, разволновались. Вспомнили, как появилась на селе первая комячейка; как организовывалась коммуна; как кулаки убили уполномоченного из района; как утонул, спасая общественное добро, их первый председатель Максим Петрович Давыдов.

— Ну, а как артельные дела теперь?

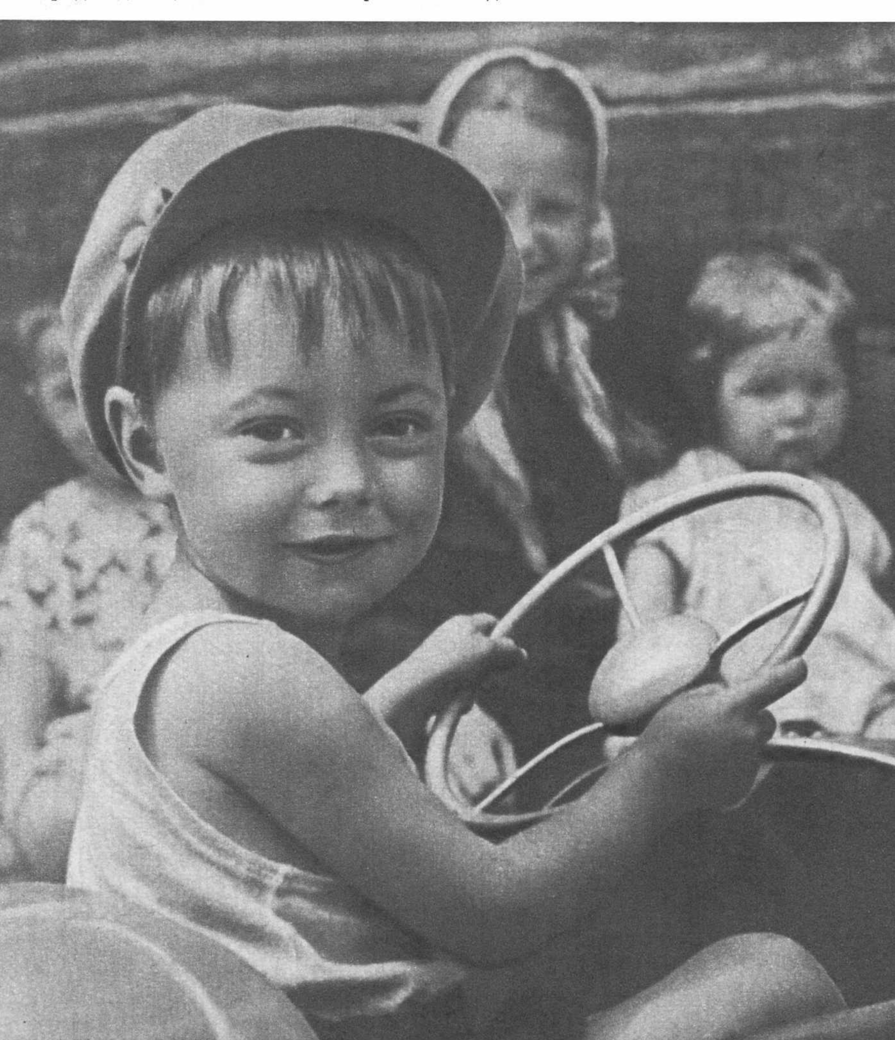
— Что теперь!.. В колхозе имени Ленина пятьдесят четыре тысячи гектаров земли. Человек тридцать наберется с высшим образованием. Сколько со средним, не считали. На территории колхоза одиннадцать школ, семь клубов, десять библиотек. Свою газету издаем — «Колхозная жизнь».

Бывшие коммунары А. В. Морозова, М. И. Давыдов и М. И. Степанов.

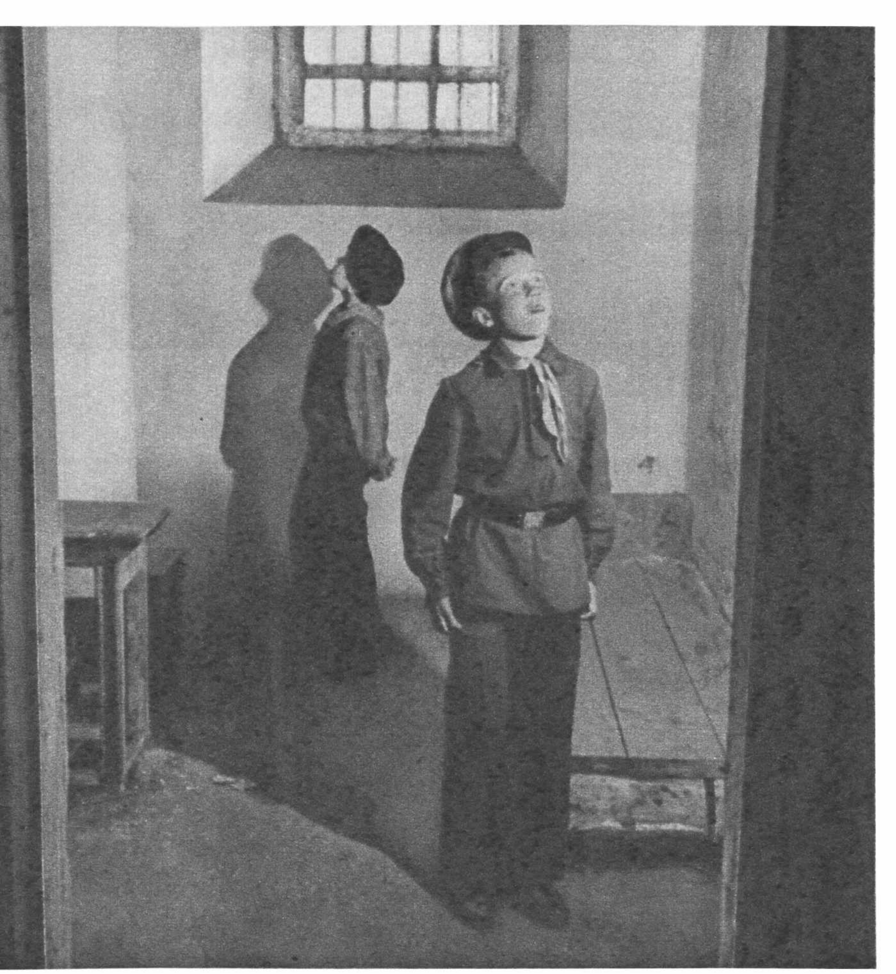

Идет занятие в сельском университете культуры.

Среди сдающих экзамены на права автоводителя Олега не оказалось.

Заведующий мастерскими Иван Николаевич Щербаков.

Интересно ребятам посмотреть, какой он, Александровский централ.

Усольские «Черемушки».

А ведь в этом селе, крутя картину про кооперацию, я читал надписи вслух, потому что половина зрителей была неграмотна. Однажды во время сеанса подвыпившие кулацкие сынки, раскачав бревно, выбили окно избы-читальни и поломали мне аппарат.

Вспомнили, как в село пришел первый трактор «Фордзон». Три дня никто ничего не делал. Всем селом катались на тракторе. Меня покатали тоже. И вот теперь на межколхозной ремонтной станции я неожиданно услышал продолжение истории этого трактора.

— Тот трактор, можно сказать, всю мою жизнь перевернул,— говорил мне заведующий мастерскими Иван Николаевич Щербаков.— Мы, мальчишки, вились вокруг него, как мухи: «Дяденька, покатай!» А тракторист нам: «Чем кататься-то, лучше присматривайтесь что к чему». Был он мужик покладистый и иногда давал нам подержаться за баранку. Попросился я съездить к колодцу долить воды в радиатор. Мальчишки бегут рядом, мрут от зависти. Вдруг треск, трактор остановился. «Дяденька, что-то мотор заглох». Посмотрели — шатун оборвался. Вот так и свела меня жизнь с техникой. Но «Фордзонов» теперь никто и не помнит. Своих столько машин, что скоро в них будем путаться. В одном колхозе имени Ленина 76 тракторов, 35 комбайнов и 50 автомашин.

...Старинная сибирская песня:

Далеко в стране Иркутской
Между двух огромных скал
Обнесен стеной высокой
Александровский централ.

Скажем прямо, огромные скалы — поэтическая выдумка. Нет их около централа. В этом я убедился еще тогда, когда, мотаясь с кинопередвижкой, впервые увидел стены зловещей царской тюрьмы. И вот я вновь у ворот централа. Сопровождают меня десятка два озорных мальчишек из ангарского пионерского лагеря. Мы долго ходили с ребятами по мрачным коридорам, заглядывали в камеры.

Тюрьмы теперь нет. Все здание реконструируется, а надо было хотя бы часть централа оставить музеем.

...От Александровска дорога через лес ведет к Ангаре. Место это я помню хорошо. На том берегу раньше была деревушка. Как-то ранней весной мне нужно было переправиться здесь через Ангару. Река только тронулась. Все отказываются: лед опрокинет лодку.

Вот так выглядела в конце двадцатых

Пришел продавец потребиловки: «Ребята, водку привезли, давай на тот берег!» — и сразу нашлись охотники, заодно перевезли и меня.

...Усолье был не город, а одно название. Полукустарные солеварни, спичечная фабрика «Байкал», и крошечный кожевенный завод. В 1940 году Усолье переименовали в Усолье Сибирское. С этого времени переменилось не только название, город стал совсем другим. На сбившиеся в кучку старые, потемневшие от времени деревянные домишки с трех сторон наступают громады светлых, многоэтажных домов. Солеварни закрыты. Вместо них построен современный завод. Его продукция — лучшая в Союзе столовая соль «Экстра» — знакома всем. Высятся корпуса завода горного оборудования.

Главный архитектор Николай Степанович Мецик показывает город. Узнав, что я раньше бывал в Усолье, он то и дело останавливает машину и говорит:

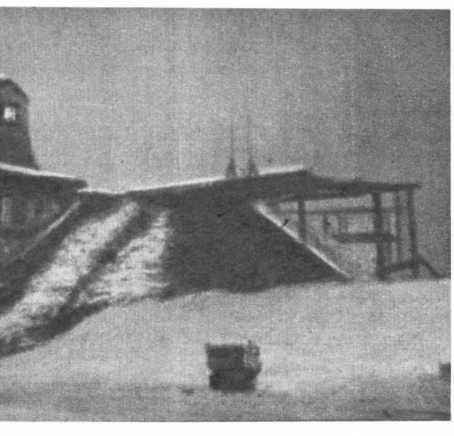
— Вот видите этот сквер? А помните, какая здесь была лужа?

— А помните, какая свалка была на этом месте? Видите, что мы с ней сделали?..

Чего греха таить, ни свалки, ни лужи я начисто не помню. Но делаю вид, что они и сейчас стоят у меня перед глазами. Иначе нельзя. Для человека, влюбленного в свой обновленный город, это было бы оскорблением. После благоустроенного двадцатого квартала и огромного больничного городка едем на строительство крупнопанельных зданий в третий квартал.

Участники усольских коллективов самодеятельности перед отъездом в Иркутск.

годов черемховская угольная шахта.

Черт возьми, да это же наши московские Черемушки! Такие же дома, те же могучие автомашины, груженные железобетонными конструкциями, те же краны, прямо с колес монтирующие дома из панелей.

...На улице — толпа, на солнце сверкает медь духового оркестра и пестреют разноцветные зонтики. Это участники городской самодеятельности едут выступать в Иркутск. Среди них много китайцев. Они приехали из Китая обучаться профессиям строителей. Живут уже три года, привезли семьи, работают на стройке. Здесь их считают совсем своими. Недавно они вместе с русскими поставили танцевальную сюиту «Великая дружба».

...Снова старая фотография. Группа босоногих ребят, пионеры коммуны «Пятилетка». Об этой фотографии я бы не вспомнил, если бы не побывал в прекрасном лагере «Пионерские ключи» на реке Белой.

...Черемховский угольный бассейн. Когда-то я спускался там в одну из шахт. Обушок и лопата — вот и вся механизация. Уголь к подъемнику подвозили в маленьких вагонетках, запряженных ослепшими под землей лошадьми. А иногда просто на санках, впрягались в них — и айда!

Нынешний главный инженер треста «Черемховуголь» Иннокентий Иннокентьевич Паншин оказался моим однокашником по иркутской школе. Правда, не совсем однокашником, окончил он ее тремя годами раньше меня. Поехал учиться в горный институт, «в Россию». Потом попросился работать в Черемхово. Послали его с удовольствием, добровольцев ехать в Сибирь считали, мягко выражаясь, чудаками. С тех пор он уже двадцать пять лет работает здесь.

— Хотите, я познакомлю вас с шахтером новой формации? — спрашивает Паншин и тут же продолжает:— Вот, Павел Григорьевич Жиделев, бригадир бригады коммунистического труда, машинист 14-кубового шагающего экскаватора, потомственный шахтер. Отец его был коногоном, откатчиком, забойщиком. Бригада сына — шесть человек — выполняет работу, на которую раньше потребовалось бы 7 тысяч рабочих. Посмотрите на машину, которой он управляет. Это же целый дредноут, начиненный сложнейшими механизмами! Уголь берем с поверхности открытым способом. Вот разрез. 14- и 20-кубовые экскаваторы снимают несколько метров пустой породы и обнажают слой угля. К нему подтягиваются рельсовые пути, и «маленький» 4-кубовый экскаватор грузит уголь прямо в вагон. Пустая порода переносится экскаватором назад на 100—150 метров. Людей в забое почти нет, производительность огромная, а себестоимость угля в четыре раза ниже. В ближайшие годы полностью перейдем на открытый метод добычи.

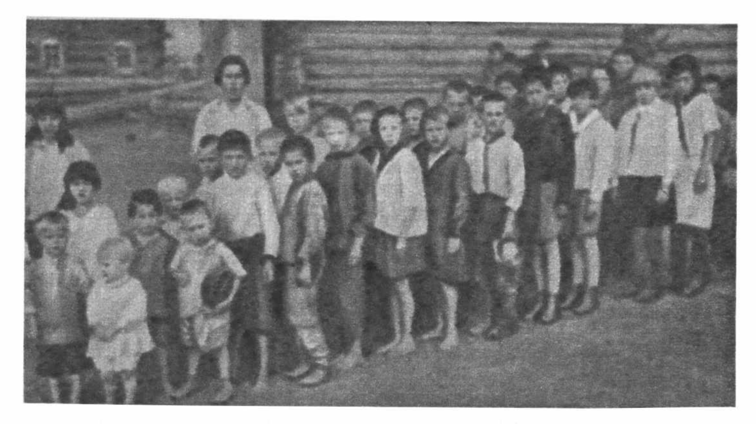
* * *

В самой восточной части маршрута меня поджидал новый сюрприз. Деревень Тальцы и Михалева в наличии не оказалось. На места, где раньше находились эти села, мне удалось посмотреть, лишь проезжая на быстроходном крылатом теплоходе «Ракета-4», курсирующем между Иркутском и Байкалом. Деревни остались на дне нового водохранилища Иркутской ГЭС.

Единственное место, где я когда-то мог себе позволить роскошь работать от электрической сети, без ручной динамо-машины, был Китойский лесопильный завод. Правда, у меня не было реостата, но я отлично заменял его бочкой с соленой водой, куда опускал контакты проводов. Сейчас я не мог разыскать старой лесопилки, так как она затерялась среди бесконечных пригородов замечательного социалистического города Ангарска, возникшего в этих местах.

Поэтому, бросив тщетные поиски, я отправился уже как зритель смотреть «Девичью весну» в роскошном широкоэкранном кинотеатре нового города.

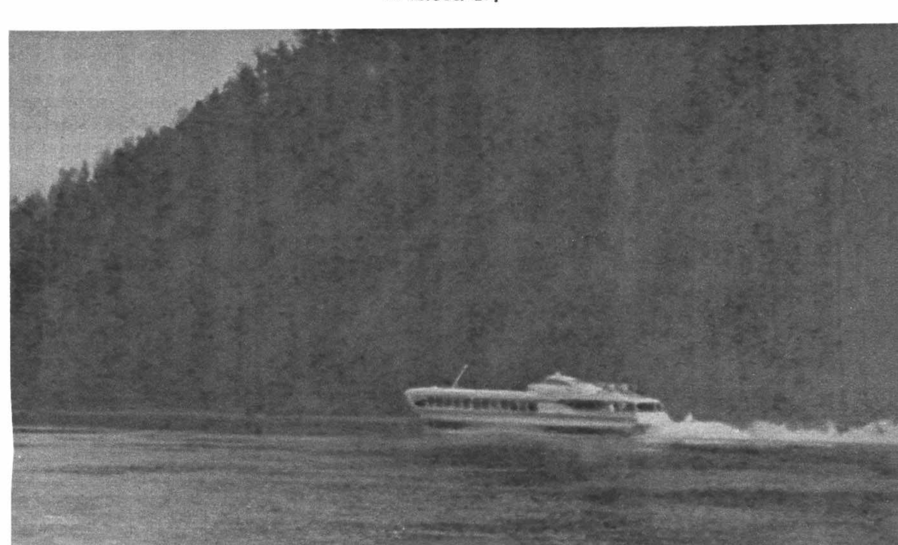
Этот экскаватор — на «вооружении» горняков «Черемховуголь».

Это из жизни сибирских ребят. Годы двадцатые: пионеры сельскохозяйственной коммуны «Пятилетка»; наши дни: в лагере «Пионерские ключи» на реке Белой.

«Ракета-4».

ЭХО

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки И. КУПРЯШИНА.

Синегория, берег, пустынный в послеполуденный час, девчонка, возникшая из моря... Этому без малого тридцать лет!

Я искал камешки на диком пляже. Накануне штормило; волны, шипя, переползали пляж до белых стен приморского санатория. Сейчас море стихло, ушло в свои пределы, обнажив широкую, шоколадную, с синим отливом полосу песка, отделенную от берега валиком гальки. Этот песок, влажный и такой твердый, что на нем не отпечатывался след, был усеян сахарными голышами, зелено-голубыми камнями, гладкими, округлыми стекляшками, похожими на обсосанные леденцы, мертвыми крабами, гнилыми водорослями, издававшими едкий, йодистый запах. Я знал, что большая волна выносит на берег красивые камешки, и терпеливо, шаг за шагом обследовал песчаную отмель и свежий намыв гальки.

— Эй, чего на моих трусиках расселся? — раздался тоненький голос.

Я поднял глаза. Надо мной стояла голая девчонка, худая, ребрастая, с тонкими руками и ногами. Длинные мокрые волосы облепили лицо, вода сверкала на ее бледном, почти не тронутом загаром теле с пупырчатой проголубью от холода.

Девчонка нагнулась, вытащила из-под меня полосатые, желтые с синим трусики, встряхнула и кинула на камни, а сама шлепнулась плашмя на косячок золотого песка и стала подгребать его к бокам.

— Оделась бы хоть...— проворчал я.

— Зачем? Так загорать лучше,— ответила девчонка.

— А тебе не стыдно?

— Мама говорит, у маленьких это не считается. Она не велит мне в трусиках купаться: от этого простужаются. А ей некогда со мной возиться...

Среди темных шершавых камней вдруг что-то нежно блеснуло — крошечная чистая слезка. Я вынул из-за пазухи папиросную коробку и присоединил слезку к своей коллекции.

— Ну-ка, покажи!..

Девчонка убрала за уши мокрые волосы, открыв тоненькое, в темных крапинах лицо, зеленые, кошачьи глаза, вздернутый нос и огромный, до ушей рот, и стала рассматривать камешки.

На тонком слое ваты лежали: маленький, овальный, прозрачный, розовый сердолик и другой сердолик, покрупнее, но не обработанный морем и потому бесформенный, глухой к свету; несколько камешков в фарфоровой узорчатой рубашке; две занятные окаменелости: одна в форме морской звезды, другая с отпечатком крабика; небольшой «куриный бог» — каменное колечко — и гордость моей коллекции — дымчатый топаз, клочок тумана, растворенный в темном стекле.

— За сегодня собрал?

— Да ты что?.. За все время!..

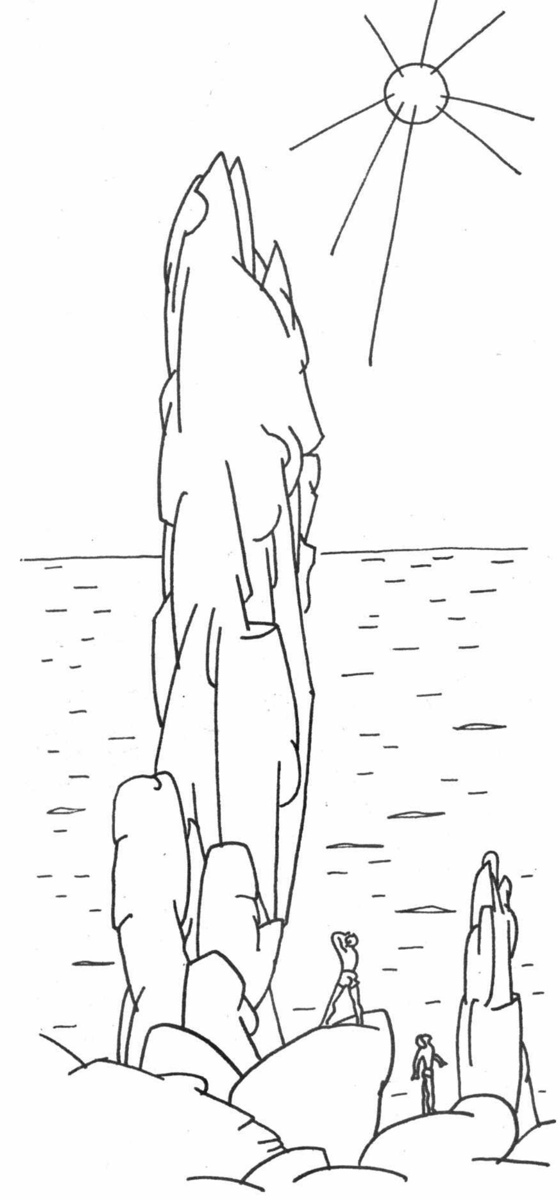
— Не богато.

— Попробуй сама!..

— Очень надо! — Она дернула худым шелушащимся плечом.— Целый день ползать по жаре из-за паршивых камешков!..

— Дура ты! — сказал я.— Голая дура!

— Сам ты дурачок!.. Марки, небось, тоже собираешь?

— Ну, собираю! — ответил я с вызовом.

— И папиросные коробки?

— Собирал, когда маленьким был.

— А что ты еще собираешь?

— Раньше у меня коллекция бабочек была...

Я думал, ей это понравится, и мне почему-то хотелось, чтобы ей понравилось.

— Фу, гадость! — Она вздернула верхнюю губу, показав два белых, острых клычка.— Ты раздавливал им головки и накалывал на картон?

— Вовсе нет, я усыплял их эфиром.

— Все равно гадость... Терпеть не могу, когда убивают.

— А знаешь, что я еще собирал? — сказал я, подумав.— Велосипеды разных марок!

— Ну да!

— Честное слово! Я бегал по улицам и спрашивал у всех велосипедистов: «Дядя, у вас какая фирма?» Он говорил: «Дукс», или там «Латвелла», или «Оппель». Так я собрал все марки, вот только «Эндфилда модели Ройаль» у меня не было...— Я говорил быстро, боясь, что девчонка прервет меня какой-нибудь насмешкой, но она смотрела серьезно, заинтересованно и даже перестала сеять песок из кулака.— Я каждый день бегал на Лубянскую площадь, раз чуть под трамвай не угодил, а все-таки нашел «Эндфилд Ройаль»! Знаешь, у него марка лиловая с большим латинским «Р»...

— А ты ничего...— сказала девчонка и засмеялась своим большим ртом.— Я тебе скажу по секрету, я тоже собираю...

— Что?

— Эхо... У меня уже много собрано. Есть эхо звонкое, как стекло, есть как медная труба, есть трехголосое, а есть горохом сыплется, еще есть...

— Ладно врать-то! — сердито перебил я.

Зеленые, кошачьи глаза так и впились в меня.

— Хочешь, покажу?

— Ну, хочу...

— Только тебе, больше никому. А тебя пустят? Придется на Большое седло лезть.

— Пустят!

— Так завтра с утра и пойдем. Ты где живешь?

— На Приморской, у болгар.

— А мы у Тараканихи.

— Значит, я твою маму видел. Такая высокая, с черными волосами?

— Ага. Только я свою маму совсем не вижу.

— Почему?

— Мама танцевать любит...— Девчонка тряхнула уже просохшими, какими-то сивыми волосами.— Давай купнемся напоследок!

Она вскочила, вся облепленная песком, и побежала к морю, сверкая розовыми узкими пятками...

Утро было солнечное, безветренное, но не жаркое. Море после шторма все еще дышало холодом и не давало солнцу накалить воздух. Когда же на солнце наплывало папиросным дымком тощее облачко, снимая с гравия дорожек, белых стен и черепичных крыш слепящий южный блеск, простор угрюмел, как перед долгой непогодою, а холодный ток с моря разом усиливался.

Тропинка, ведущая на Большое седло, вначале петляла среди невысоких холмов, затем прямо и сильно тянула вверх, сквозь густой пахучий ореховый лес. Ее прорезал неглубокий, усеянный камнями желоб — русло одного из тех бурных ручьев, что низвергаются с гор после дождя, рокоча и звеня на всю округу, но иссякают быстрее, чем высохнут дождевые капли на листьях орешника.

Мы отмахали уже немалую часть пути, когда я решил узнать имя моей приятельницы.

— Эй! — крикнул я желто-синим трусикам, бабочкой мелькавшим в орешнике.— А как тебя зовут?

Девчонка остановилась, я поравнялся с ней. Ореховая заросль тут редела, расступалась, открывая вид на бухту и наш поселок — жалкую горстку домишек. Огромное, серьезное море простиралось до горизонта водой, а за ним — туманными, мутно-синими полосами, наложенными в небе одна над другой. А в бухте оно притворялось кротким и маленьким, играя, протягивало вдоль кромки берега белую нитку, скусывало ее и вновь протягивало...

— Не знаю даже, как тебе сказать,— задумчиво проговорила девчонка.— Имя у меня дурацкое — Викторина, а все зовут Витькой.

— Можно Викой звать.

— Тьфу, гадость! — Она знакомо обнажила острые клычки.

— Почему? Вика — это дикий горошек.

— Его еще мышиным зовут. Терпеть не могу мышей!

— Ну, Витька так Витька, а меня — Сережа. Нам еще далеко?

— Выдохся? Вот мимо лесника пройдем, а там уже и Большое седло видно...

Но мы еще долго петляли терпко-медвянодушным орешником. Наконец тропинка раздалась в каменистую дорогу, бело сверкающую тонким, как сахарная пудра, песком, и вывела нас на широкий, пологий уступ. Тут, в гуще абрикосовых деревьев, ютилась сложенная из ракушника сторожка лесничего.

Едва мы подступили к уютному домику, как тишина взорвалась бешеным лаем. Гремя цепями, навешенными на длинную проволоку, на нас вынеслись два огромных, лохматых, грязно-белых пса, взвились на воздух, но, удушенные ошейниками, выкатили розовые языки, захрипели и шмякнулись на землю.

— Не бойся, они не достанут! — спокойно сказала Витька.

Зубы псов клацали в полушаге от нас. Я видел репьи в их загривках, клещей на храпе, раздувшихся с боб, глаза тонули в шерсти. Странно, из сторожки никто не вышел, чтобы унять псов. Но как ни кидались псы, как ни натягивали проволоку, они не могли нас достать. И когда я уверился в этом, мне стало

щемяще-радостно. Наш поход вел нас к скалам и пещерам, населенным таинственными голосами, не хватало лишь грозных стражей, драконов, преграждающих смельчакам доступ к тайне. И вот они, драконы, эти заросшие, безглазые, с красномясым зевом псы!

И опять мы петляем орешником по ниточно сузившейся тропе. Тут орешник не такой густой, как внизу, многие кусты посохли, на других листва изъедена в паутину мелким, блестящим, черным жучком.

Я устал и злился на Витьку, она знай себе вышагивала своими тонкими, прямыми, как палки, ногами с чуть скошенными во внутрь коленками. Но впереди вдруг просветлело, я увидел склон, поросший низкой, бурой травой; вдалеке тянулась кверху серая скала.

— Чертов палец! — на ходу бросила Витька.

По мере того, как мы подходили, серый скалистый торчок вздымался выше и выше, казалось, он вырастал несоразмерно нашему приближению. Когда же мы ступили в его темную прохладную тень, он стал чудовищно громаден. Это был уже не Чертов палец, а Чертова башня, мрачная, загадочная, неприступная. Словно отвечая на мои мысли, Витька сказала:

— Знаешь, сколько людей хотели на него забраться,— ни у кого не вышло. Одни насмерть разбились, другие руки-ноги поломали. А один француз все-таки залез.

— Как же он сумел?

— Вот сумел... А назад спуститься не мог, и сошел там с ума, и после от голода умер... А все-таки молодец! — добавила она задумчиво.

Мы подошли вплотную к Чертову пальцу, и Витька, понизив голос, сказала:

— Вот тут...— Она сделала несколько шагов назад и негромко крикнула: — Сережа!..

— Сережа...— повторил мне в самое ухо насмешливо-вкрадчивый голос, будто родившийся в недрах Чертова пальца.

Я вздрогнул и невольно шагнул прочь от скалы, и тут навстречу мне от моря звонко плеснуло:

— Сережа!..

Я замер, и где-то вверху томительно-горько простонало:

— Сережа!..

— Вот черт!..— сдавленным голосом произнес я.

— Вот черт! — прошелестело над ухом.

— Черт!..— дохнуло с моря.

— Черт!..— отозвалось в выси.

В каждом из этих незримых пересмешников чувствовался стойкий и жутковатый характер: шептун был злобно-вкрадчивым тихоней, морской голос принадлежал холодному весельчаку, в выси скрывался безутешный и лицемерный плакальщик.

— Ну чего ты?.. Крикни что-нибудь!..— сказала Витька.

А в уши, перебивая ее голос, лезло шепотом: «Ну чего ты?»,— звонко, с усмешкой: «Крикни!» — и как сквозь слезы: «Что-нибудь»...

С трудом пересилив себя, я крикнул:

— Синегория!..

И услышал трехголосый отклик...

Я кричал, говорил, шептал еще много всяких слов. У эха был острейший слух. Некоторые слова я произносил так тихо, что сам едва слышал их, но они неизменно находили отклик. Я уже не испытывал ужаса, но всякий раз, когда невидимый шептал мне на ухо, у меня холодел позвоночник, а от рыдающего голоса сжималось сердце.

— До свидания! — сказала Витька и пошла прочь от Чертова пальца.

Я устремился за ней, но шепот настиг меня, прошелестев ядовито-вкрадчиво слова прощания, и хохотнула морская даль, и голос вверху застонал:

— До свидания!..

Мы шли в сторону моря и вскоре оказались на каменистом выступе, нависшем над пропастью. Справа и слева вздымались отроги гор, а под нами зияла бездна, в которой тонул взгляд. Если бы Чертов палец провалился сквозь землю, он оставил бы за собой такую вот огромную, страшную дыру. В глубине провала торчали острые скалы, похожие на клыки великана, в них тараном било темное, с чернильным оттенком море. Какая-то птица, распластав недвижные, будто омертвелые, крылья, медленно, кругами падала в бездну.

Казалось, что-то еще не кончено здесь, не пришли в равновесие грозные силы, вырвавшие из недр земли гигантский каменный палец, расколовшие горную твердь чудовищным колодцем, изострившие его дно шипами скал и заставившие море раздирать о них свой нежный язык. Весь каменный громозд вокруг и внизу был непрочным, зыбким, в скрытом внутреннем напряжении, стремящемся к переделу... Конечно, я не умел тогда назвать то мучительно-тревожное ощущение, какое охватило меня на обрыве Большого седла...

Витька легла на живот у самого края обрыва и поманила меня. Я распластался возле нее на твердой и теплой каменистой глади, и сосущая, леденящая притягательность бездны исчезла, стало совсем легко смотреть вниз. Витька наклонилась над обрывом и крикнула:

— Ого-го!..

Миг тишины, а затем густой, рокочущий голос трубно прогромыхал:

— О-го-го-у!..

В голосе этом не было ничего страшного, несмотря на силу его и густоту. Видимо, в пропасти обитал добрый великан, не желавший нам зла.

Витька спросила:

— Кто была первая дева?

И великан, немного подумав, отозвался со смехом:

— Ева!..

— А знаешь,— сказала Витька, глядя вниз,— никому не удавалось спуститься с Большого седла к морю. Один дядька добрался до середины и там застрял...

— И умер с голоду? — спросил я насмешливо.

— Нет, ему кинули веревку и вытащили... А по-моему, спуститься можно.

— Давай попробуем!

— Давай! — живо и просто откликнулась Витька, и я понял, что это всерьез.

— В другой раз,— неловко отшутился я.

— Тогда пошли... Будь здоров! — крикнула Витька в пропасть и вскочила на ноги.

— Здоров!..— гоготнул великан.

Мне еще хотелось поговорить с ним, но Витька потащила меня дальше.

Новое эхо,— по слову Витьки, «звонкое, как стекло»,— гнездилось в узком, будто надрез ножа, ущелье. У эха был тонкий, пронзительный голос. Даже басом сказанное слово оно истончало до визга. И что еще противно: провизжав ответ, эхо не замолкло, а еще долго попискивало мышью в каких-то своих щелях.

Мы не стали задерживаться у расщелины и пошли дальше. Теперь нам пришлось карабкаться вверх по крутому склону, то покрытому бурой, жесткой травой и колючками, то голому, полированно-скользкому. Наконец мы оказались на уступе, заваленном огромными каменными глыбами. Каждая глыба что-нибудь напоминала: корабль, танк, быка, голову, которую победил Руслан, поверженного воина в доспехах, береговое орудие с отбитым стволом, верблюда, пасть ревущего льва, а то и части тела искромсанного гиганта: нос с горбиной, ушную раковину, челюсть с бородой, могучий, так и не разжавшийся кулак, босую ступню, лоб с завитками кудрей...

Все эти закаменевшие существа, части существ, предметы, одетые камнем, перебрасывались, будто мячом, прозвучавшим среди них словом, с мгновенной быстротой и резкой краткостью отражая гранями звук. Тут-то и обитало «гороховое» эхо...

Но самым удивительным было эхо, о котором Витька ничего не сказала мне. Мы не шли к нему, а ползли по круче, цепляясь за выступы, за лишайник, сухие кусточки. Из-под наших ног и рук осыпались камешки, увлекали за собой более крупные камни, позади нас творился непрестанный грохот. Когда я оглянулся, то подивился малости той высоты, которая кружила нам голову на обрыве. Море уже не казалось отсюда гладью: беспредельное, неохватное, оно сливалось с небом, образуя с ним единую сферу — купол, царящий над всем зримым простором. И Чертов палец, подчеркивая нашу высоту, вновь умалился до торчка.

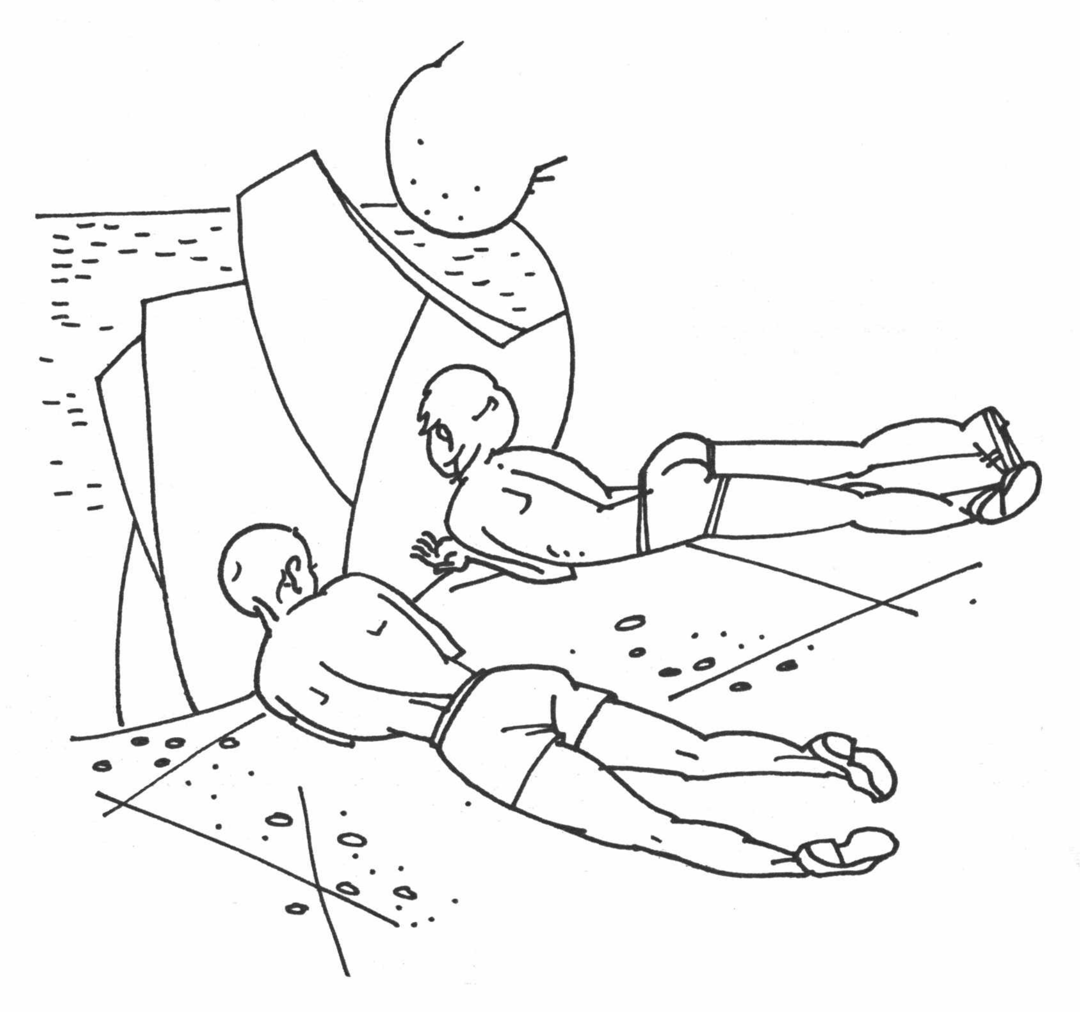
Витька остановилась у полукруглого темного провала, ведущего в глубь горы. Я заглянул туда и, когда глаза несколько привыкли к темноте, увидел сводчатую пещеру с длинными бородами каменных сосулек. Стены источали зеленое, красное, синее мерцание, из пещеры тянуло затхлостью склепа, и я невольно отшатнулся.

— Здравствуй! — крикнула Витька, сунув голову в дыру.

И будто заухали, сталкиваясь, пустые бочки под сводом, тяжко отдавалось: «Бом!»,— дребезжало по углам и низким охом наконец вырвалось наружу, словно сама гора испустила дух.

С почтительным изумлением глядел я на Витьку. Худая, крапчатая, с трепаными, сивыми волосами, острыми клычками в углах губ, с зелеными блестящими глазами, она сама казалась мне сейчас такой же сказочной, как и сокровенный мир, в который она ввела меня.

— А ну, крикни! — приказала Витька.

Я наклонился и «ахнул» в маленький черный рот горы. И опять там заухало, заверещало, а затем дохнуло мне в лицо нездешним холодом. Ужасное одиночество охватило меня вдруг, одиночество и беззащитность посреди этого каменистого, отвесного, из круч и падей мира, населенного загадочными, дикими голосами.

— Пойдем,— сказал я Витьке, выдавая свое смятение.— Пойдем отсюда!..

Дальнейший наш путь я воспринимал как бесконечное падение вниз. На этом пути мимо нас снова промелькнули и каменное кладбище, и Чертов палец, и больной, источенный орешник, и взлетающие на цепях, храпящие в удушье лесниковы псы, и другой, полный силы орешник. Наше падение оборвалось в сухой балке, огибавшей поселок со стороны гор...

— Ну что, интересно было? — спросила Витька, когда мы ступили на нашу улицу.

Я вновь чувствовал себя в безмятежной привычности, и Витька уже не казалась мне сказочной хозяйкой горных духов. Просто карзубая, костлявая, некрасивая девчонка. И перед этой-то девчонкой я праздновал труса!

— Интересно...— сказал я лениво.— Только какая же это коллекция?

— А тебе лишь бы в коробку да за пазуху?..

— Нет, отчего же... А только эхо каждому откликается, не тебе одной.

Витька как-то странно, долго посмотрела на меня.

— Ну и что же, мне не жалко! — сказала она, тряхнув волосами, и пошла к своему дому...

Мы подружились с Витькой. Вместе облазили Темрюк-кая и гору Свадебную и на Свадебной, в гротике, нашли квакающее эхо. А вот Темрюк-кая, с ее отрогами, мощными склонами и остро вонзающейся в небо вершиной, оказалась совсем бесплодной...

Мы почти не расставались. Я привык к тому, что Витька купается голая: она была добрым малым, товарищем, и я совсем не видел в ней девчонки. Смутно я понимал природу ее нестыдливости: Витька считала себя безнадежно уродливой. Я никогда не встречал человека, который бы так просто, открыто, с таким ясным достоинством признавался в своей некрасивости. Рассказывая мне как-то раз об одной школьной подруге, Витька бросила вскользь:

— Она почти такая же уродина, как я...

Однажды мы купались неподалеку от рыбацкой пристани, когда с высокого берега посыпала ватага мальчишек. Я немного знал их, но мои робкие попытки сблизиться с ними ни к чему не приводили. Эти ребята не первый год отдыхали в Синегории, считали себя старожилами и не допускали чужаков в свою ватагу. Коноводом у них был высокий, сильный мальчик Игорь.

Я уже вышел из моря и, стоя на берегу, вытирался полотенцем, а Витька продолжала резвиться в воде. Подкараулив волну, она высоко подпрыгивала и перекатывалась на животе через гребень. Ее маленькие ягодицы сверкали.

Ребята небрежно ответили на мое приветствие и хотели уже пройти мимо, как вдруг один из них, в красных плавках, заметил Витьку:

— Ребята, глядите, голая девчонка!..

Тут пошла потеха: крики, свист, улюлюканье. Надо отдать должное Витьке: она не обращала внимания на выходки мальчишек, но это лишь подливало масла в огонь. Мальчик в красных плавках предложил «загнуть девчонке салазки». Предложение было встречено с восторгом, и мальчик в красных плавках вразвалочку направился к воде. Но тут Витька с звериной быстротой нагнулась, нашарила что-то в воде, и когда выпрямилась, в руке у нее был увесистый камень.

— Только сунься! — сказала она, ощерив свои острые клычки.— Всю морду разобью!

Мальчик в красных плавках остановился и попробовал ногой воду.

— Холодная...— сказал он, и уши его стали краснее плавок.— Неохота лезть...

Подошел Игорь и уселся на песок у самой кромки берега. Мальчик в красных плавках без слов понял своего вожака и опустился рядом, остальные ребята последовали их примеру. Они цепочкой отрезали Витьку от берега, одежды и полотенца.

Витька долго испытывала их терпение. Она то уплывала далеко в море, то возвращалась назад, ныряла, барахталась в воде, затем сидела на подводном камне, накатывая на себя руками волны. Но холод наконец взял свое.

— Сережа! — крикнула Витька.— Дай мне трусики!

Все это время я, сам того не замечая, вытирался полотенцем. Надраенная кожа горела, словно от ожога, а я все тер и тер посуху, будто хотел протереть себя до дыр. В жалкой и унизительной растерянности, владевшей мной, билось лишь одно отчетливое желание: только бы остаться непричастным Виткиному позору.

— Сережа, подай своей даме трусики! — шутовским голосом пропищал мальчишка в красных плавках.

Повернувшись на локте, Игорь сказал мне с угрозой:

— Попробуй только!..

Напрасное предупреждение: я и так бы не двинулся с места. Витька поняла, что ей нечего ждать от меня помощи. Жалко скорчившись и закрывая руками свой худенький живот, лиловая и пупырчатая от холода, с покривившимся лицом, вылезла она из воды и бочком побежала к своим трусикам под хохот и свист мальчишек. То, чему она в чистоте своей души не придавала значения, предстало перед ней гадким, унизительным, стыдным.

Прыгая на одной ноге и все не попадая другой в кольцо трусиков, она кое-как оделась, подхватила с земли полотенце и побежала прочь. Вдруг она обернулась и крикнула мне:

— Трус!.. Трус!.. Жалкий трус!..

Из всех слов Витька выбрала самое злое, обидное и несправедливое. Должна же она была понять, что не кулаков Игоря я испугался! Но ей, видимо, хотелось вконец опозорить меня перед ребятами.

Не знаю, был ли то каприз вожака, не желающего идти на поводу у стаи, или что-то заинтересовало Игоря в Витьке, но только он вдруг спросил меня дружелюбно и доверительно:

— Слушай, она что, чумовая?

— Конечно, чумовая! — подался я весь навстречу этой доброте.

— А чего ты с ней водишься?

Вовсе не для того, чтобы обелить Витьку, лишь желая выгородить себя, я сказал:

— С ней интересно. Она эхо собирает.

— Что? — удивился Игорь.

В низком порыве благодарной откровенности я тут же выложил все Витькины секреты.

— Вот это да! — восхищенно сказал Игорь.— Третье лето тут живу, а ничего подобного не слыхал!

— А ты не загибаешь? — спросил меня мальчишка в красных плавках.

— Хотите, покажу?

— Все! — властно сказал Игорь, вновь становясь вожаком.— Завтра поведешь нас туда!..

С утра моросило, горы затянуло сизо-белыми, будто мыльными, облаками, к угрюмому шуму побуревшего, цвета горной травы моря примешивался рокот набухших ручьев и речек.

Но ватага Игоря решила не отступать. И вот снова вьется под ногой теперь уже знакомая тропка, а посреди нее, перекатывая гальку, бежит мутный желтый ручеек. Орешник пахнет уже не медово-сладким, с легкой пригорчью духом, а гнилью палой листвы, кислетью размытой земли, в которой перетлевает что-то, источая уксусно-винный запах. Идти трудно, ноги разъезжаются на мокрой земле, оскальзываются на камнях...

Возле лесникова дома встретили нас обычным истошным лаем сторожевые псы, но в волглом воздухе лай их звучит мягче, глуше, да и сами они уже не кажутся такими грозными в своей мокро свалявшейся шерсти. Видны их черные глаза, похожие на маслины.

А вот и больной, пораженный жучком орешник. Ветер и дождь пообрывали его слабую, источенную листву, он стоит оголенный, печальный, и сквозь него виднеется угрюмая протемь моря.

Чертов палец, затянутый облаками, долго не показывался, затем в недосягаемой выси прочернела его вершина, скрылась, на миг обна-

Наши вкладки

Разные судьбы, разные художественные манеры и одно стремление — заставить звучать музыку сегодняшнего трудового дня.

Большой советский художник Аркадий Александрович Пластов посвятил свое творчество колхозной деревне. Выходец из крестьянской семьи, он и сейчас продолжает жить и работать в родном селе Прислонихе. С односельчан пишет он своих героев, здесь находит и темы картин. Поэтому его искусство так убедительно, так сочно, «по-пластовски» передает сцены колхозной жизни.

В самом начале Великой Отечественной войны студент-дипломник Московского художественного института имени Сурикова Николай Обрыньба ушел добровольцем на фронт. В партизанском отряде, выполняя задания и участвуя в боевых операциях, он «завершал» свое художественное образование. Размноженные им от руки плакаты клеймили немецких прислужников, вызывали ненависть к захватчикам, звали народ на борьбу. В деревянном сарае, построенном по приказу партизанского командования, открылась первая выставка работ Обрыньбы. Большие, живописные полотна, документально точные, верные жизненной правде, рассказывали о боевых буднях и подвигах его соратников. Сейчас Николай Ипполитович Обрыньба пишет о труде, о хлебе, о целине.

Первые годы творчества Александра Павловича Бубнова прошли на Кузнецкстрое — крупнейшей в то время стройке страны. По окончании Высшего художественно-технического института два года прожил он там в одной рабочей семье. Его первое большое произведение, «Октябрины», было экспонировано в 1937 году на выставке «Индустрия социализма».

В творчество Бубнова прочно вошла тема колхозной деревни. Оптимистичны, декоративно-ярки полотна художника.

Ленинградец Г. Харитонов только входит в искусство. Его полотно «На Братской ГЭС» — дипломная работа.

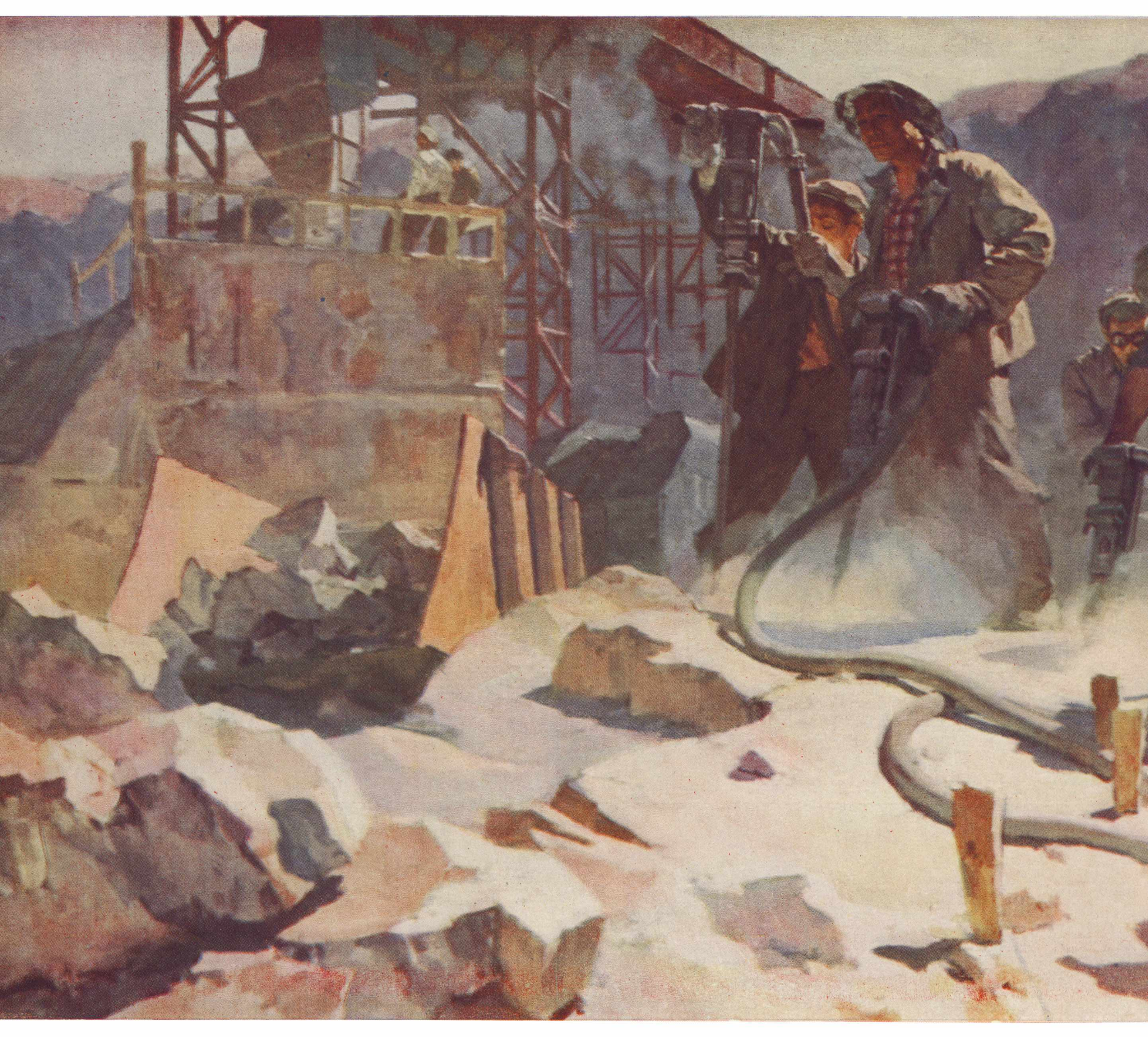
Юрий Петрович Кугач — ровесник Октября. Еще студентом Московского художественного института он обратил на себя внимание острыми психологическими портретами современников. Но Кугач известен и картинами — панно, большими композициями из жизни страны, историческими полотнами. На выставке «Советская Россия» представлены его произведения «Летом 1941 года», «Собираются на новоселье», «Весенний день».

Л. ПОЛИВНИК

А. Пластов. ЛЕТО.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

А. Бубнов. НА ПОЛЕ.

Г. Харитонов. НА БРАТСКОЙ ГЭС.

Н. Обрыньба. ОБЕД В ПОЛЕ (Целинный хлеб).

Ю. Кугач. СОБИРАЮТСЯ НА НОВОСЕЛЬЕ.

жился во весь рост его ствол и вмиг истаял в клубящемся воздухе. Странно, ветер рвал к морю, а легкие, как пар изо рта, облака тянули с моря. Они скользили по самой земле, накрывали нас влажной дымкой и вдруг исчезали, оседая росой на склонах.

Наконец из облачной мути вновь выдвинулся Чертов палец и преградил нам дорогу.

— Ну, подавай свои чудеса в решете,— без улыбки сказал Игорь.

— Слушайте! — произнес я торжественно, чувствуя, как знакомо холодеет позвоночник, сложил ладони рупором и закричал:

— Ого-го!..

В ответ — тишина, ни зловеще-вкрадчивого шепота, ни хохочущего всплеска с моря, ни жалобы в выси.

— Ого-го! — крикнул я еще раз, подступив ближе к Чертову пальцу, и все ребята вразнобой подхватили мой возглас.

Чертов палец молчал. Мы кричали и еще, и еще, и хоть бы малейший отзвук! Тогда я кинулся к пропасти, ребята за мной, и что было мочи заорал в клубящуюся глубь. Но и великан не отозвался.

В растерянности я заметался от пропасти к Чертову пальцу, от Чертова пальца к расщелине, и снова к пропасти, и снова к Чертову пальцу. Но горы безмолвствовали...

Я жалко стал уговаривать ребят подняться наверх, к пещере, уж там-то мы наверняка услышим эхо. Ребята стояли передо мной, молчаливые и суровые, как горы, потом Игорь разжал губы, чтобы сказать одно только слово:

— Трепач!

И, круто повернувшись, он пошел прочь, увлекая за собой всю ватагу.

Я плелся позади, тщетно пытаясь понять, что же произошло. Меня не заботило сейчас презрение ребят, я хотел лишь постигнуть тайну своей неудачи. Неужто горы отзываются только на Витькин голос? Но когда мы были с ней вместе, горы послушно откликались и мне. Может, она впрямь владеет ключом, позволяющим ей запирать в каменных пещерах голоса?..

Наступили печальные дни. Витьку я потерял, и даже мама осудила меня. Когда я рассказал ей загадочную историю с эхом, мама смерила меня долгим, чуждым, изучающим взглядом и сказала невесело:

— Все очень просто: горы отзываются только чистым и честным...

Ее слова открыли мне многое, но не загадку горного эха.

Дожди не прекращались, море как бы поделилось на две части: в бухте оно было мутно-желтым от песка, наносимого реками и ручьями, в отдалении блистало чистым телом. Непрестанно дул ветер. Днем он размахивал серой простыней дождя, ночью, всегда ясной, в мелких белых звездах, он был сухим и черным, потому что обнаруживал себя в черном: в мятущихся сучьях, ветвях, стволах, в угольных тенях, пробегающих по освещенной земле.

Несколько раз я мельком видел Витьку. Она ходила на море в любую погоду и сумела набрать от скудного, редкого солнца густой шоколадный загар. От тоски и одиночества я каждый день сопровождал теперь маму на базар, где шла торговля местными продуктами: овощами, абрикосами, козьим молоком, вареньем. Раз я повстречал на базаре Витьку. Она была одна, на руке у нее висела плетеная сумка. Я смотрел, как она ходит среди лотков и бидонов в своих желто-синих трусиках, решительно отбирает помидоры, сама шлепает на весы шматок мяса, и с болью чувствовал, что потерял хорошего друга.

Утром в первый солнечный день я бродил по саду, подбирая палые, с мягкой гнильцой абрикосы, когда кто-то окликнул меня. У калитки стояла девочка в белой кофточке с синим матросским воротником и синей юбке. Это была Витька, но я не сразу ее узнал. Ее сивые волосы были гладко причесаны и назади повязаны ленточкой, на загорелой шее ниточка коралловых бус, на ногах туфли из лосиной кожи. Я бросился к ней.

— Слушай, мы уезжаем,— сказала Витька.

— Почему?..

— Маме тут надоело... Вот что, я хочу оставить тебе свою коллекцию. Мне она все равно ни к чему, а ты покажешь ребятам и помиришься с ними.

— Никому я не покажу! — горячо воскликнул я.

— Как хочешь, пусть она останется у тебя. Ты догадался, почему у вас ничего не вышло?

— А ты откуда знаешь, что не вышло?

— Слышала... Так догадался?

— Нет...

— Понимаешь, самое главное, это с какого места кричать.— Витька доверительно понизила голос.— У Чертова пальца — только со стороны моря. А ты, наверное, кричал с другой стороны, там никакого эха нету. У пропасти надо свеситься вниз и кричать прямо в стенку. Помнишь, я тогда тебе голову нагнула?.. В расщелине ори в самую глубину, чтобы голос дальше ушел. А вот в пещере всегда отзовется, только вы туда не дошли. И у камней тоже...

— Витька!..— начал я покаянно.

Ее тонкое лицо скривилось.

— Я побегу, а то автобус уйдет...

— Мы увидимся в Москве?

Витька мотнула головой.

— Мы же из Харькова...

— А сюда вы еще приедете?

— Не знаю... Ну, пока!..— Витька смущенно склонила голову к плечу и сразу побежала прочь.

У калитки стояла моя мама и долгим, пристальным взглядом глядела вслед Витьке.

— Кто это? — как-то радостно спросила мама.

— Да Витька, она у Тараканихи живет.

— Какое прелестное существо! — глубоким голосом сказала мама.

— Да нет, это Витька!..

— Я не глухая...— Мама опять посмотрела в сторону, куда убежала Витька.— Ах, какая чудесная девчонка! Этот вздернутый нос, пепельные волосы, удивительные глаза, точеная фигурка, узкие ступни, ладони...

— Ну что ты, мама! — вскричал я, огорченный странным ее ослеплением; оно казалось мне чем-то обидным для Витьки.— Ты бы видела ее рот!..

— Прекрасный большой рот!.. Ты ровным счетом ничего не понимаешь!

Мама пошла к дому. Я несколько секунд смотрел ей в спину, потом сорвался и кинулся к автобусной станции.

Автобус еще не ушел, последние пассажиры, нагруженные сумками и чемоданами, штурмовали двери. Я сразу увидел Витьку с той стороны, где не открывались окна. Рядом с ней сидела полная черноволосая женщина в красном платье, ее мать.

Витька тоже увидела меня и ухватилась за поручни рамы, чтобы открыть окно. Мать что-то сказала ей и тронула за плечо, верно, желая усадить Витьку на место. Резким движением Витька смахнула ее руку.

Автобус взревел мотором и медленно пополз по немощеной дороге, растянув за собой золотистый хвост пыли. Я пошел рядом. Закусив губу, Витька рванула поручни, и рама со стуком упала вниз. Мне легче было считать Витьку красивой заглазно: острые клычки и темные крапинки, раскиданные по всему лицу, портили тот пересозданный мамой образ, в который я уверовал.

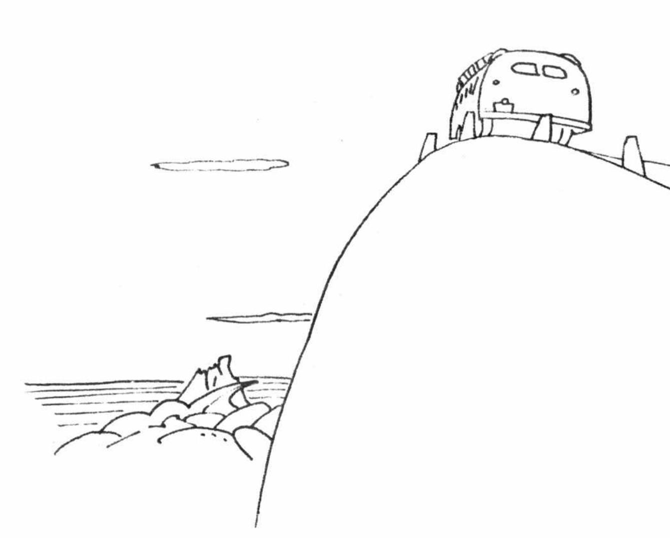
— Слушай, Витька,— быстро заговорил я,— мама сказала, что ты красивая! У тебя красивые волосы, глаза, рот, нос... — Автобус прибавил скорость, я побежал.— ...руки, ноги, правда же, Витька!..

Витька только улыбнулась своим большим ртом, радостно, доверчиво, преданно, открыв в этой большой улыбке всю свою хорошую душу, и тут я своими глазами увидел, что Витька и верно самая красивая девчонка на свете.

Тяжело оседая, автобус въехал на деревянный мосток через ручей, границу Синегории. Я остановился. Мост грохотал, ходил ходуном, но передние колеса автобуса уже ухватили дорогу. В окошке снова появилась Витькина голова с трепещущими на ветру пепельными волосами и острый загорелый локоть. Витька сделала мне знак и с силой швырнула через ручей серебряную монетку. Сияющий следок в воздухе сгас в пыли у моих ног. Была такая примета: если кинешь тут монетку, когда-нибудь непременно вернешься назад...

Мне захотелось, чтобы скорее пришел день нашего отъезда. Тогда я тоже брошу монетку, и мы снова встретимся с Витькой.

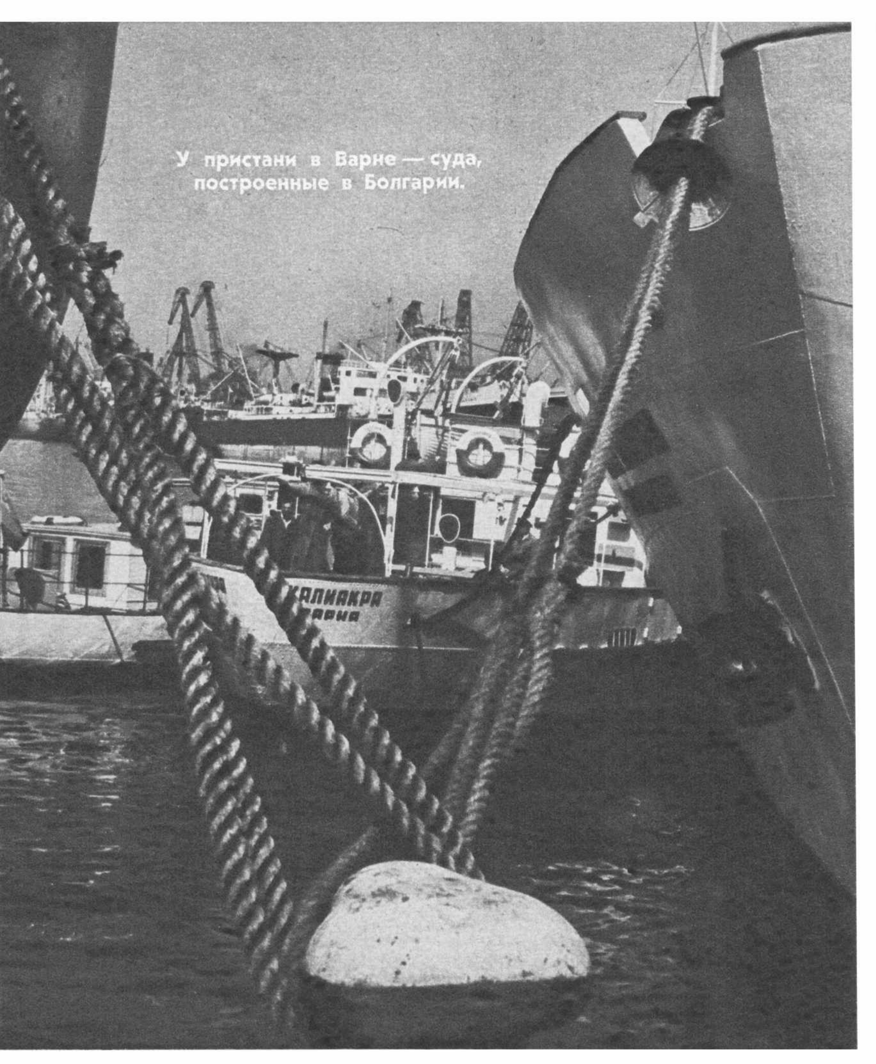
Но этому не суждено было сбыться. Когда через месяц мы уезжали из Синегории, я забыл бросить монетку.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Валентин СИДОРОВ

В безмолвье даль погружена,
И землю сон объемлет.
Еще в дубравах тишина.
Еще деревни дремлют.
А под окном заря горит,
Кричит сердитый кочет,
Как рыцарь, шпорами гремит,
Как хлебосол, хлопочет.
Нам на заре не видеть снов.
Рычит движок кургузый,
И начинает в пять часов
Работать радиоузел.
Еще Москва покой хранит,
Спят улицы пустые,—
Он будит землю:
«Говорит
Колхоз «Заря России»!»
Плывут над хатой провода,
Как будто паутинки.
И ставит диктор, как всегда,
Знакомые пластинки.
Встаем.
Водою ледяной
Окатываем тело.
А солнце даже на ладонь
Над рыжеватой лебедой
Подняться не успело.
В лощине прячется село,
Окружено буграми.
Лежит дорога, как стекло,
Звенит под сапогами.
Янтарной тяжестью зерна
Нам нынче полнить закрома.
Земля порадовала нас
Ядреным урожаем.
Мы в летний день
на целый час
Москву опережаем.

У пристани в Варне — суда, построенные в Болгарии.

В городе Пловдиве строится новый мост через реку Марицу. Он будет готов к 18 сентября, когда здесь откроется традиционная международная ярмарка. Мост свяжет Пловдив с ярмарочным городком.

КУЙБЫШЕВ

После отречения

Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. Оффенгендена.

По совести говоря, я и не собирался писать об Александре Скибицком: зачем бередить его старые раны? Только, мягго выражаясь, странная реакция на Сашино письмо побудила меня поведать историю нелегкой жизни молодого человека...

Кто он, Александр Скибицкий, и что это за письмо?

Свел меня с ним случай. Попав по делам в Куйбышев, я узнал от коллеги-журналиста, что в этом городе живет бывший активный деятель той самой Красноярской секты «пятидесятников», о которой года полтора назад писал «Огонек».

— Помните, у вас в журнале был напечатан очерк «Мать ли она?».

Я, конечно, помнил этот очерк, вызвавший много откликов: читатели негодовали, требовали отнять у матери-изуверки, сектантки Бурцевой, дочь ее, Люду. Увы, не одна Люда запуталась в сетях, широко раскинутых сектантами! Вот и Саша... Вместе с ней он постился, часами стоял на коленях, истязая себя в молитвах.

Для него теперь это все в прошлом. Я и не расспрашиваю Скибицкого об этом прошлом. Оно мне уже известно из короткого Сашиного письма, опубликованного в местной комсомольской газете: он отрекся от секты. Но, видимо, ему легче становится на душе, когда еще один человек выслушает его тяжелую исповедь.

Моему собеседнику 22 года. Слушаю парня и думаю о том, сколько важных, светлых дел уже успели свершить на земле его сверстники. А вот Александр сызмальства ложился спать и вставал с именем бога на устах. Фанатиками были мать, отец, родные, все, кто приходил в их дом молиться, кто изо дня в день убеждал мальчика: отрешись от всего земного во имя счастья загробного. Для этих людей весь слитный гул жизни большого сибирского города стлался где-то далеко-далеко, как устрашающий глас сатанинский. Школа, радио, кино, театр, книги, наука — все от него, от дьявола. И когда сей дьявол однажды «попутал» юношу — как-то летом он со своим другом Васькой Костюченко после моления в душной, битком набитой комнате, не удержавшись от соблазна, забрел в клуб,— его отлучили от секты. Две недели никто не здоровался с ним, мать с отцом не сажали рядом с собой за стол...

Скибицкий рассказывает обо всем этом неторопливо, а то вдруг совсем умолкнет и сидит, весь какой-то свернувшийся, задумчивый, с лицом, на котором нетрудно прочесть: «Ой, худо мне было!»

Облегчение пришло вместе с самыми трудными днями в его жизни. Так иногда бывает.

Скибицкого арестовали. За что? За отказ от выполнения священного долга советского гражданина. Когда настал час службы в Советской Армии, он по наущению главарей секты, по требованию отца и матери написал заявление со ссылками на закон божий, запрещающий ему держать в руках оружие.

С этого, собственно, и начинается то, во имя чего мы и решились ворошить прошлое Александра Скибицкого. Я поинтересовался:

— Как отнеслись к вашему отказу в военкомате?

Саша пожимает плечами.

— А как они могли отнестись? Разговор короткий был: «Не пойдешь служить — дело в суд передадим». Ну вот и судили.

Никто не попытался — ни в военкомате, ни в суде — побеседовать с парнем раз, другой, третий, переубедить его, поколебать его веру в счастье загробной жизни, стать на позицию терпеливого воспитателя.

Трудно сказать, чего здесь было больше — равнодушия, формализма, или попросту людям не хватало необходимых в таких случаях опыта, знаний. Ведь не так-то просто переубедить сектанта-фанатика: тут и опростоволоситься можно, если знаний маловато.

Так или иначе, красноярцы уклонились от битвы за Сашину душу. Упустили парня, как говорится, без «боя» — проследовал он в место заключения. А далее все шло по пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». В колонии нашлись люди душою пощедрее тех, кто передал в суд дело Александра Скибицкого. В общем, битва состоялась. И исход ее, как говорится, документально зафиксирован в Сашином письме: «Более других я, конечно, благодарен администрации и работникам культурно-воспитательной части места заключения, где я находился. Осторожно, тактично, но настойчиво вели они меня по пути разоблачения сказок и мифов о боге и Христе».

Выпустили его на свободу досрочно. Собирался в путь-дорогу с твердым решением: в секту не возвращаться. Впрочем, и домой тоже. Он не поехал в Красноярск, хотя и зазывали его сектанты, сманивали, сулили великие блага. Нет, не нужны ему такие блага! Решительно порвал он с темной жизнью «пятидесятников» на Ени-

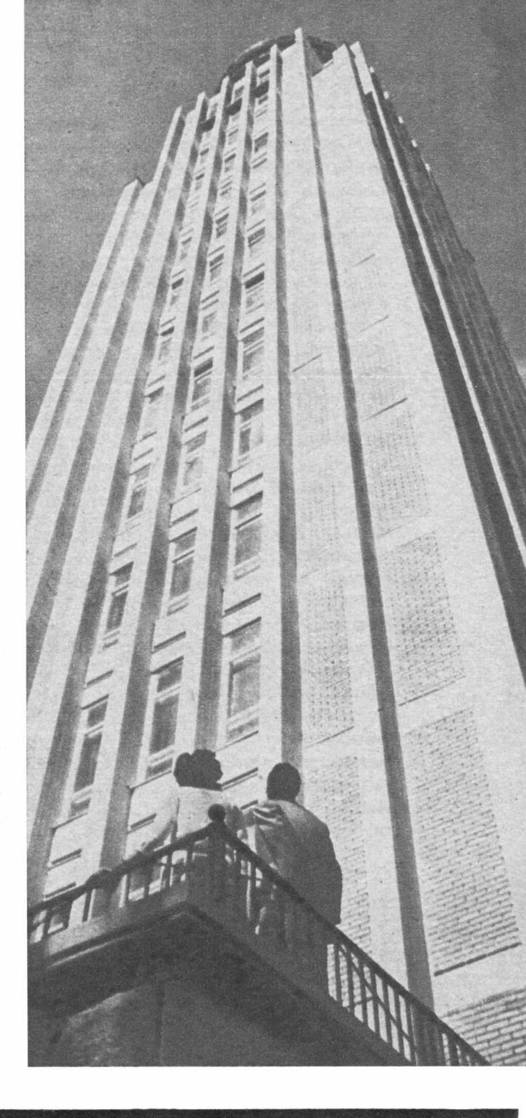
Плоды земли и солнца — традиционный предмет болгарского экспорта.

Хороша страна Болгария

Сентябрь в Болгарии — месяц праздников. Девятого сентября страна отмечает День свободы, а пятнадцатого — годовщину провозглашения народной республики.

Как всегда, юбиляр — родная страна — на праздник получает подарки от своего народа.

В эти дни, например, вступил в строй новый цементный завод, начал действовать первый паровой котел на ТЭС «Марица—восток» — одной из крупнейших строек третьей пятилетки. Радуют родину своими успехами и труженики полей. Вместе с ними радуются расцвету народной Болгарии советские люди и от всего сердца шлют в эти дни поздравления братской стране.

Башня нового телевизионного центра в Софии.

сее, чтобы начать новую, светлую — на Волге! Поехал в Куйбышев, к замужней сестре Наде Зайцевой, единственной среди трех сестер Скибицких, чудом уцелевшей от сетей изуверов.

Поехал Скибицкий заново жизнь строить, поняв наконец, сколь жалким и отвратительным был тот мир, что много лет окружал его в Красноярске. Парня бы тут сразу поддержать, помочь ему: ведь где-то там, в глубине души, возможно, еще и живет посеянный мерзкими людьми слепой страх перед карой божьей. Но поначалу в Куйбышеве все получилось нескладно и весьма огорчительно. Бегают по разным учреждениям, из сил выбиваются супруги Зайцевы: все какие-то закавыки появляются на Сашином пути, прописывать не хотят. Может, права такого Скибицкий не имеет — в Куйбышеве жить? Нет, имеет. Так в чем же дело? Метра не хватает в той комнате, куда определили его хорошие люди. Метр площади — и судьба человека, только-только вырвавшегося из омута. Метра действительно не хватало, и букве закона все соответствовало.

— Откуда приехал, где раньше жил, пусть туда и возвращается... В Красноярск... Там, где был прописан...

Формально работник милиции, вероятно, был прав, когда отвечал так на просьбу Зайцевой: «Спасите брата!», — на доводы коммуниста Зайцева: «Поймите, его снова могут вовлечь сектанты».

А довод веский, серьезный. Ведь там свора «пятидесятников» только и ждет того, что здесь, на Волге, не примут Сашу и он снова вернется в Красноярск, — тогда уж они все пустят в ход: «Никто тебе, братец, в минуту трудную не помог. А мы помогли. Бог все прощает...»

Высший закон нашего общества, закон доброжелательного отношения к человеку, восторжествовал. Нашлись в Куйбышеве люди, которые во всем разобрались, все правильно поняли. Скибицкому предоставили возможность заново строить свою жизнь. Он поселился недалеко от сестры, в прекрасном районе. Работает слесарем на мясокомбинате. Учится в вечерней школе — в десятый класс перешел.

Я полюбопытствовал: а как реагировали вожаки комсомольцев мясокомбината на опубликованное в молодежной газете Сашино письмо. Кто и о чем беседовал с ним? Кто постарался увлечь его общественными делами? Ведь общественность многие годы рисовалась Скибицкому этаким дьявольским наваждением.

Он не сразу ответил. Минуту-другую молчал, а потом как-то неохотно буркнул:

— Никто ни о чем со мной не говорил. Не знаю, может, и не читали моего письма. А может...

Я простился со Скибицким и тут же поехал на мясокомбинат.

В проходной сидела девушка, ответившая на мой вопрос: «Как пройти в комитет комсомола?» — вопросом: «А вам по какому делу?» Мы познакомились. Вера Редькина — заместитель секретаря комитета комсомола, член горкома ВЛКСМ.

— Скибицкий? Александр? Нет, не знаю такого. Письмо? Нет, не читала. К нам в комитет не поступало... Не обсуждали. Ах, в газете? Не может быть, как же так!.. Вы уверены, что он у нас на комбинате? Не ошибка ли? Сейчас Володю разыщу, это наш секретарь... Возможно, он в курсе дела.

Пока Вера разыскивает инженера Володю Чебкасова, секретаря комитета ВЛКСМ, я иду в завком. Михаил Васильевич Карасев, заменяющий председателя завкома (тот в отпуске), знает о Скибицком и его письме не более Веры Редькиной. Секретарь парткома Василий Иванович Иванов впервые услышал о бывшем сектанте от меня. И по сему поводу не без основания сокрушается:

— Нехорошо получилось! Упустили человека из виду.

Это тем более обидно ему, что совсем недавно в парткоме шел тревожный разговор: на мясокомбинате орудуют баптисты.

— Тут как-то одна наша работница на сорок шестом году жизни креститься вздумала. Чую, дело рук сектантов. Не без их участия пришла эта блажь в голову женщине. Вот бы и напустить на таких Скибицкого. Ему и карты в руки.

И секретарь тяжело вздыхает — понимай как хочешь тот вздох: и себе в укор, и вам, Вера Редькина, и вам, товарищ Карасев.

А я вспоминаю про разговор со Скибицким, про то, какая злость в нем большая кипит. «Я бы теперь всех наших «братцев» и «сестричек» за ушко да на солнышко вытащил, — говорил он. — Чувствую, сила во мне такая есть. Сектанта в споре на обе лопатки уложу». И тут же объяснил, что это за сила: «Чтобы с верующим человеком спорить, надо хорошо библию знать. Иначе он тебя одолеет. А я ее на зубок... Я бы показал им».

Вспоминаешь этот разговор со Скибицким, и как-то неловко становится за товарищей с мясокомбината. Мракобесы здесь тайком пробираются к людским сердцам, а рядом, в цехе, за верстаком стоит парень, который не похвальбы ради говорит: «Любого сектанта в споре на обе лопатки уложу».

Но это только одна сторона дела. А есть еще и другая, очень важная.

Саша отрекся от всего старого, чтобы по-новому «делать жизнь». А кто с ним рядом шагает сегодня по этой жизни, с кем он дружит, где бывает, что читает? Кого обеспокоили эти вопросы? Надежду Зайцеву, сестру Александра.

— Тревожно бывает мне иногда. Смотрю, брат один-одинешенек бродит. Грустный, задумчивый, без товарищей. Почти нигде не бывает. Вот только разве в клуб иногда вместе с нами пойдет.

О чем думает, о чем грустит Саша? Разве не комсомольским активистам ведать об этом надлежит? И может, из всех молодых людей мясокомбината его, Скибицкого, как-то по-особому следует опекать. Между прочим, еще и потому, что не складывают оружия изуверы, вновь хотят к рукам прибрать тех, кто от них отрекся...

В той же Куйбышевской области, в городе Отрадном, живет шофер автотранспортной конторы треста «Первомайбурнефть» Анатолий Клочинов. Тоже порвал с

религией — с сектой адвентистов седьмого дня. Тоже пожелал заявить об этом во всеуслышание, написал в газету: «Избавившись от веры в несуществующего бога, я почувствовал себя словно излеченным от тяжелого недуга... У меня исчезло гнетущее чувство страха перед «концом света».

Исчезло? Значит, надо страху поддать. И шлют адвентисты Клочинову анонимные письма, угрожают, увещевают. И через весь лист красным карандашом: «ВЕРНИСЬ!»

Не вернулся к ним Клочинов. Уж больно много мерзкого и такого, что в тайне хранилось, стало явным. Прослышал он и про дела Казимира Короленко. Там, в Гиссаре, где впервые Анатолия заманили в секту, Казимира звали «братом Филиппом». Этого проповедника адвентисты почитали за посланца самого бога. А на поверку он оказался хапугой, запускавшим грязную лапу в ту самую общинную кассу, куда Анатолий аккуратно вкладывал десятую долю своего заработка: «брат Филипп», получая 280 рублей пенсии по инвалидности,— ревматизм был

нажит во время обряда «крещения» — построил себе дом за 60 тысяч рублей, сложил в сундуки сотни метров разных тканей, десятки пар новенькой обуви, дорогие ковры, ящики с мылом. На суде выяснилось, что проповедник сей развращал молодежь, занимаясь гомосексуализмом...

В общем, все теперь ясно Клочинову: опутали его «братья» и «сестры». Более года назад отрекся он от них. Анатолий рассказывает, как он впервые собрался пойти в кино («Четыре раза подходил к клубу и все не решался войти — такого ужаса нагнали на меня «братья»), как однажды срезался с проповедником Кайзером, приезжавшим в Отрадное на гастроли («Я его вопросами шпыняю, а он приказывает замолчать, говорит, на все вопросы отвечу наедине»).

Я слушаю рассказ Клочинова, а кажется мне, что сидит рядом со мной Скибицкий: такой же молодой, такая же у него судьба и так же рвется в бой. Цитируя библию, он устраивает необычный диспут — сам с собой. И тут уже распаляется вовсю: «Эка напускают туману «братцы»!» И так же, как Скибицкий, долго молчит, когда я интересуюсь, какова реакция руководителей автобазы на письмо Клочинова в газету.

— Не предлагали ли вам выступить перед товарищами по работе, рассказать о своей жизни, о «брате Филиппе»?

Нет, никому здесь и мысль такая не приходила в голову.

Мои собеседники — заместитель секретаря парткома В. Шевырев, председатель месткома И. Таран — читали письмо Анатолия в газете, слышали о шофере, который «дал жару» адвентистам. Ну и что же? Старательно перечисляют они «мероприятия по антирелигиозной пропаганде». Поставлены галочки в графе «лекции на атеистические темы», прочитанные работниками автобазы. Не могу ничего предосудительного сказать об этих лекциях: не слышал их. И, возможно, люди старательно готовились к ним. Но как можно забыть при этом о таком ныне архивоинствующем атеисте, как Анатолий Клочинов?

Да, поразительно схожи судьбы этих двух молодых людей — и до и после отречения. В автобазе к Клочинову, как и на мясокомбинате к Скибицкому, никто не подошел с добрым словом после появления его письма в газете — встряска-то какая, отречься от всего, во что слепо верил!

В автобазе, как и на мясокомбинате, серьезного интереса не проявили и к тому, с кем дружит сейчас этот парень, порвавший с адвентистами, где бывает, как живет Клочинов, человек в общем-то духовно покалеченный. Правда, был такой случай. Анатолий вспоминает, что однажды ему позвонили из отдела кадров: «Тебя товарищ Таран просит в местком зайти». Но время было горячее, и Анатолий выбраться не смог. Так и не состоялся разговор «профруководителя» с членом вверенного его заботам коллектива...

«У нас шоферы дружат по маркам машин»,— вполне серьезно отвечает Шевырев на вопрос о друзьях Анатолия. «Разве уследишь, что делает человек после работы! Людей у нас поболее тысячи. Как тут быть?» — вступает в разговор председатель месткома Таран. И тут же, не замечая, как он обличает самого себя, рассказывает о происках отрадненских адвентистов. Сегодня им не удалось снова заманить Анатолия. А что будет завтра? Трудно нам ответить на этот вопрос, учитывая расстановку сил: бездействие, пассивность одних и непрестанную активность других, тех, кто шлет письма: «ВЕРНИСЬ!». Знают ли в автобазе душевные терзания Клочинова, жена которого по-прежнему боготворит адвентистов и хулит мужа, «совращенного дьяво-

лом». «Бога я на тебя сменять не могу»,— говорит она ему. До чего же неспокойно сегодня в доме Клочиновых! Смотришь, и собьет кто-нибудь с толку человека. А товарищ Таран будет твердить свое: «Их поболее тысячи... Разве уследишь... Как тут быть?»

...Как тут быть? Люди, живущие здесь же по соседству, в Куйбышеве, отвечают товарищу Тарану.

Случилось так, что в этом волжском городе я встретился еще с одной жертвой красноярских «пятидесятников», Ниной Глазовой-Тарасовой. Она была в той же секте, что и Александр Скибицкий, вместе с ним принимала «водяное крещение». Горячо любящий ее человек, Николай Тарасов, сумел вырвать девушку из мерзких тенет.

Он полюбил ее еще до того, как пошел служить в армию: вместе на заводе трудились. А потом узнал: покинула Нина родной город, уехала к отцу в Красноярск.

Стал солдат получать письма с севера, тревожные, полные каких-то недомолвок,— неладное, видимо, что-то творится с девушкой. «Многое из того, что я вижу рядом с собой,— писала она,— печально и тоскливо... А писать мне тебе нельзя...»

Сразу же после демобилизации Николай Тарасов помчался в Красноярск. При первой же встрече все понял: люди с нечистой совестью опутали Нину. Они и его увещевали: «Любишь Нину — молись, постись, уповай на бога, он все видит, всем помогает...»

Пришлось хитрить, выслушивать бесконечные разговоры о бренности мирского, басни о божьих чудесах, внимать истошным воплям фанатиков.

Медленно, терпеливо шел он к цели — очищалось сознание девушки. Перед силой большой любви не устояла сектантская нечисть.

...Я сижу в светлой, уютной комнате Тарасовых. Нина только что вернулась с работы. Николай в отпуске, возится с сыном. Супруги, в особенности Нина, неохотно говорят о минувшем. И это понятно. Зато в подробностях рассказывают, как тепло их встретили в Куйбышеве после красноярской эпопеи. И на заводе, где работает слесарем комсомолец Тарасов, и в Нининой швейной мастерской удивительно заботливы, добры и внимательны к ним друзья, старшие товарищи. Не назойливо, с большим тактом следят, как по-новому, хорошо складывается жизнь Нины.

О черных днях ей приходится вспоминать, пожалуй, лишь тогда, когда она выступает на собраниях в новом для себя качестве — лектора на антирелигиозные темы. Бывает это, правда, не часто: времени свободного мало. Зато Николай преуспевает на этом поприще: он окончил семинар-школу атеистов. И когда однажды в цехе решили провести собрание с несколько необычной повесткой дня — «О роли коллектива в борьбе с пережитками прошлого», то уж, конечно, дело не обошлось без активного участия Тарасова. И хотя многим в цехе уже известна история его поездки в Красноярск, но слушают рассказ Николая так, будто в первый раз узнают про то, как проник он в «логово зверя» — в дом Бурцевых. Горячо говорит комсомолец Тарасов — живой свидетель страшных обрядов, доводящих человека до отупения, до отречения от всего земного. И до чего яростна его схватка с баптистом Костюченко, решившим в открытую здесь, на рабочем собрании, поратовать за веру в господа бога!..

Эх, побывать бы на таком собрании товарищам с автобазы! Вот и ответ на вопрос: «Как тут быть?..»

* * *

Сколько усилий прилагают наши пропагандисты, агитаторы, в частности в том же Куйбышеве, чтобы предупредить попытки церковников, сектантов склонить на свою сторону неустойчивых, чтобы помочь людям вырваться на свет из мрака разных «пятидесятников» и адвентистов. И обидно, когда порой случается так: человек порвал с религией, прошел день, другой, а о нем и забыли. Опасная это забывчивость!

В ТАЙГЕ

Рассказ

Юрий ГОРБАЧЕВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

1

Солнце уже взошло, но в распадке было сумеречно и холодно. Сырой воздух сгущался у самой земли в плотные клубы тумана. Трава, матовая от испарений, поникла под тяжелым бусом.

Прежде чем выйти к ручью, лосиха замерла. Ее длинные серые уши чутко вздрагивали, и в такт вздрагиваниям подергивалась кожа на спине. Бледные глазки скосились в сторону густых зарослей бузины, откуда ей послышался шорох. Чуть вытянув шею, лосиха принюхивалась.

Маленький, похожий на осла лосенок тоже застыл, покачиваясь на несоразмерно длинных, тонких ногах.

Лосиха подалась назад, готовая одним прыжком скрыться в чаще, и в этот момент грохнул выстрел. Передние ноги лосихи подкосились, и она рухнула на землю. Лосенок стрелой рванулся в чащу, в колючий кустарник.

Из зарослей бузины, треща ветками, вышел человек.

Лосиха судорожно захрапела, пачкая пометом разъезжающиеся дрожащие ноги, попыталась подняться.

Человек вскинул ружье и еще раз выстрелил. Лосиха повалилась на бок, задергалась в судорогах. Человек подошел вплотную, нагнулся и пилящим движением ножа перерезал горло животного. На мокрую траву хлынула дымящаяся кровь.

— Готова, стерва! — Человек вытер о штанину нож, круто выругался, перезарядил ружье.— Эка здорова,— продолжал он бурчать себе под нос по привычке людей, живущих в одиночестве.— Пудов двадцать пять потянет.— Он наклонился, попытался приподнять тушу. Это ему не удалось.— Четыре бумаги да шкура.—Он отступил на шаг в сторону, чтобы не испачкать в крови сапоги.

Неожиданный шорох заставил его обернуться. Шагах в двух стоял лосенок, вернувшийся к матери. Его живые раскосые глаза, светлое пятно на лбу, все его слабое тело выражали растерянность и испуг.

Глаза человека сверкнули хищным огоньком:

— Еще полбумаги,— проговорил он тихим, вкрадчивым голосом.— Ах ты, хороший! Ну иди сюда, иди... иди...— Человек медленно и плавно пододвинулся к лосенку, доставая из-за пазухи топор.

Лосенок задрожал всем телом, но остался на месте. Он давно умчался бы в лес от этого странного существа, от кисловатого, незнакомого запаха, исходящего от красной лужи рядом с матерью, но сама мать не убегала и всем своим спокойным видом говорила, что бояться нечего. Чуть склонив голову, лосенок смотрел в гипнотизирующие глаза человека.

— Ну, ты не боись, не боись! — приговаривал человек, стараясь придать своему грубому голосу возможную мягкость, и потихоньку поднимал топор над головой.— Не боись, не боись!..— продолжал он все тем же голосом и вдруг резким движением опустил топор на светлое пятно над глазами лосенка. Лосенок с раскроенным черепом упал на траву.

— Вот...— Человек отшвырнул в сторону топор.— Надо уметь кошку есть, чтоб она не царапалась...— Он довольно хмыкнул.

В кустах хрустнула ветка. Охотник схватил ружье, минуту стоял, прислушиваясь. Потом успокоился, не выпуская ружья, нарубил веток и слегка прикрыл туши животных.

— Вот так-то лучше, а теперь и за телегой...

Уверенной, неторопливой походкой хорошо поработавшего человека он двинулся в лес. Но не прошел и десятка шагов, как сзади снова хрустнула ветка. Человек резко обернулся, сорвал с плеча ружье... И на этот раз звук больше не повторился.

— Чегой-то ты нервный стал. Ружьишко-то тебе для чего дадено?

Он протер рукавом черные блестящие стволы и двинулся дальше. Многие сотни километров прошел он по тайге с тех пор, как

лет семь назад его, непутевого паренька Ваську Молохова, несколько взрослых охотников познакомили с лихой профессией браконьера.

Для Молохова уже давно перестал существовать задор охоты, он только старался представить, сколько килограммов мяса бежит на него, сколько червонцев выскочит из леса.

В округе его считали медвежатником, но он промышлял лосятину, что легче, безопаснее и, главное, доходнее.

Лосятину он сбывал неопытным горожанам как особенно качественную медвежатину.

Василий давно привык к своей незаконной профессии, однако, сознавая, что за убийство самки лося ему грозит тюрьма, он чувствовал себя неспокойно.

Тревога усиливалась еще тем, что с того самого момента, как он пошел за телегой, позади или где-то сбоку слышались шорохи, а иногда и треск веток. Один раз он даже повернул обратно, но, пройдя метров сто, никого не нашел. Наконец он решил, что просто намаялся за последние три дня. Однако беспокойство не проходило.

Неожиданно Василий увидел впереди маленького красно-бурого зверька, притаившегося за пнем. Зверек, занятый охотой, не замечал человека. «Ласка!» — Василий сорвал плотную зеленую шишку. От звука оборвавшейся ветки ласка встрепенулась и повернула к Василию злую мордочку с черными, похожими на зернышки глазками.

До Василия было не больше десяти метров, но ласка и не думала убегать. Напротив, сев на задние лапки, зверек с любопытством рассматривал человека. Вытянувшийся в струнку, со сложенными на брюшке короткими лапками, он очень напоминал ровный красновато-бурый пенек от молодой сосенки.

Василий сделал шаг вперед. Ласка немедленно опустилась на все четыре лапы и, угрожающе ощетинившись, подвинулась к нему. Он остановился. Ласка подвинулась еще ближе.

— А ты шустрая! — удивился Василий и кинул в ласку еловую шишку. Ласка ловко увернулась, юркнула в траву.

— Ростом с гниду, а тоже туда! — усмехнулся Василий, проходя мимо пенька, за который только что прятался зверек.

Встреча с лаской ненадолго отвлекла его мысли, но постепенно беспокойство вернулось.

Сзади снова хрустнула ветка. Василий вздрогнул, но не обернулся. Попытался думать о другом.

С того момента, как он убил лосиху, прошло часа два с половиной. Солнце поднялось довольно высоко, и редкий перелесок, через который он шел, был весь залит ярким солнечным светом. Утро выдалось безветренное и такое знойное, что даже птицы попрятались и их пение не нарушало тишины. Только кузнечики стрекотали без перерыва, но ухо уже не воспринимало этого назойливого звука.

Чтобы разрушить гнетущую тишину, Василий свистнул в два пальца, и, как бы в ответ на его свист, из густых зарослей таволожки метрах в двадцати от него с шумом вылетел тетерев.

Василий шарахнулся в сторону. Сердце резко забилось. Кто поднял тетерева? Тетерев будет тихо сидеть под кочкой, пока не наступишь ему на хвост. Когда же взлетит, то всегда кинется в сторону от охотника, но никак не на него. Значит, тетерева вспугнул не он... Так кто же?

Лес молчал. Ни один посторонний звук не нарушал тишины. Кусты таволги замерли в ленивой дреме, розовея густыми метелками цветов.

«Рано распустились»,— подумал Василий и тут же удивился, что может в такую минуту думать о каких-то цветах.

Теперь он уже не сомневался, что за ним следят. Но кто, зачем?.. Человек или зверь?..

Медведь?.. Василий знал случаи, когда медведь из интереса следил за человеком, но следил он из укромного места и не смог бы столько времени красться, ни разу не зашумев.

Может, рысь?.. Нет, рысь забегает вперед и подстерегает, схоронясь на толстом суку над тропой; крадется она так тихо, что не услышишь, и промышляет ночью.

Значит, человек... Василий даже остановился от неожиданности. Человек? Но на кой ляд он выслеживает его, зачем не стреляет?

Василий почувствовал, как липкий пот выступил у него на лбу. Внутри будто что-то оборвалось. Он вдруг представил себе этого человека, наводящего ружье, представил черный глаз дула, уставившийся на него, и почувствовал, как тяжелой пеленой обволакивает его ужас.

Он с трудом проглотил жесткий комок, застрявший в горле. Сразу почему-то охрипнув, крикнул:

— Эй, кто здесь, выходи!

Никто не ответил.

Тогда Василий неуверенно, спотыкаясь, зашагал в сторону от еле заметной петляющей тропы.

Каждое мгновение он ощущал на своей спине взгляд незнакомца, и от этого его шаги становились еще неуверенней. Пройдя метров пятьдесят, он упал на землю. Здесь, в чаще, окруженный со всех сторон кустарником, он чувствовал себя спокойнее.

Переведя дыхание, Василий лег на живот и, не выпуская ружья из рук, пополз.

Он полз быстро, выбирая места, где трава гуще, кустарник чаще.

Ползти оказалось тяжело. Трава резала руки, ветки царапали лицо. Василий мог без остановки пройти десять километров таежными тропами, но сейчас каждые десять метров давались с трудом. Руки устали и сделались, как ватные, лицо, обожженное крапивой, горело. Он попал рукой в муравейник, и теперь все тело зудело. Но Василий полз. Полз по крапиве и колючкам, петляя между кустами и деревьями, полз прочь от страшных глаз, сверлящих ему спину.

Полчаса Василий двигался, не останавливаясь, не поднимая головы и даже не прислушиваясь. Он уже давно не приближался к своей телеге, а, напротив, уходил в сторону. Наконец, совсем обессилев, остановился. Вот уже минут пять он полз по сосняку. Здесь приходилось еще труднее. Ноги скользили по опавшей хвое, иглы больно впивались в тело. К тому же здесь не было травы, в которой можно укрыться. Василий вдруг представил себя ползущего по голой земле, открытого со всех сторон, и ужас вновь охватил его. Он застыл на месте, прислушался.

Стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит какой-то зверек недалеко от него; пчела, неизвестно как попавшая в сосновый лес, с беспокойным гудением носилась между деревьями.

Прошло минут десять. Ни один новый шорох не нарушил тишины леса. Василий облегченно вздохнул:

— Ушел от гада...

Спокойствие возвращалось к нему. Достав кисет, закурил. Руки дрожали то ли от пережитого волнения, то ли от усталости.

«Теперь ищи ветра в поле!» — подумал он со злорадством.

Отдохнув еще несколько минут, Василий встал и, пригнувшись, петляя между кустами, зашагал еще дальше в лес, в сторону от того места, где мог встретить незнакомца.

Стараясь идти тише, часто останавливаясь и прислушиваясь, он прошел еще с час, пока не уверился окончательно, что никто больше за ним не следит.

Теперь можно было отдохнуть. В густом волчнике Василий уселся на своей старой телогрейке, свернул цигарку. Пошарив в кармане, вытащил спички.

Лучше было бы поесть, но на худой конец неплохо выкурить цигарку натощак. Он сплюнул попавший в рот табак, наклонился, чтобы прикурить, и так и замер с горящей спичкой в руках. Где-то совсем рядом он вновь услышал шорох, который запомнил еще с утра.

Василий почувствовал, как страх снова стягивает петлей его горло. Значит, давешний охотник, выслеживающий охотника, снова здесь, рядом? И как бы в ответ в соседнем кустарнике щелкнул затвор.

Догоревшая спичка обожгла пальцы.

Охота продолжалась.

2

Прошло семь или восемь часов с тех пор, как Василий укрылся в густом волчнике.

Смеркалось.

Солнце село, и просвечивающее сквозь густую хвою небо на северо-западе отливало багрянцем. Назавтра следовало ожидать перемены погоды.

С недалекого болота тянуло сыростью. Было тихо. Изредка доносилось глухое «хворканье» и «цыканье» вальдшнепов.

Густой запах смолы и хвои раздражал голодный желудок.

Сильно хотелось есть. Перед самым лицом соблазнительно краснели большие, ядреные волчьи ягоды.

Василий в сердцах сорвал ближайшие ветки и откинул в сторону. Неплохо пожевать листья, но и они у волчника ядовиты.

Утром Василию было не до еды, а уходя за телегой, он оставил мешок с харчами.

О том, чтобы вывезти из лесу туши животных, он уже не думал. Лошадь с телегой тоже, видать, придется оставить на несколько дней.

Василий больше не надеялся скрыться от своего преследователя днем и ждал ночи.

Он так и не знал, кто за ним следит. Скорее всего это был здешний лесник Дымов.

Рассказывали, что однажды в лесу какой-то браконьер всадил ему в живот заряд картечи. Полуживого Дымова привезли из леса на третьи сутки, а стрелявшего так и не нашли (в местах, где от деревни до деревни шестьдесят — семьдесят километров, найти человека трудно). После этого случая Дымов не окликал браконьера в лесу, а шел за ним, пока не встречал кого-нибудь или не приходил в деревню.

Василий не раз слышал рассказы о Дымове. Знакомый охотник Васька Пегов говорил, что Дымов видит в темноте, как рысь (недаром глаза у него желтые).

После долгих сомнений Василий уверил себя, что за ним следит Дымов, и от этого ему было вдвойне не по себе.

Сковывающий ужас первых минут давно прошел, но где-то внутри свинцовой тяжестью лежал страх.

Есть хотелось до тошноты, но лесник не подавал признаков жизни.

«Ничего, голод не тетка, вылезет»,— подумал Василий, чувствуя, как при мысли о леснике в нем закипает злоба.

К ногам упала прошлогодняя шишка. Василий посмотрел вверх. На красноватом фоне соснового ствола не сразу заметил рыжую векшу.

Векша настороженно рассматривала Василия. Он погрозил ей пальцем. Векша стремительно по спирали скользнула на самую вершину сосны и оттуда снова уставилась на незнакомое существо.

Василий поднял шишку. Несколько чешуек векша не успела открыть. Он отковырнул одну из них, раскусил крохотное крылатое семя. Во рту остался слабый вкус кедрового ореха. Он проглотил слюну.

— От такой жратвы сыт не будешь...

Уже совсем стемнело. Сквозь хвою там и здесь виднелись первые звезды. Лес, отдохнувший от дневного зноя, раскрывался для ночной жизни. Из темноты то и дело вырывались летучие мыши и, чуть не наткнувшись на кустарник, взмывали вверх.

У Василия пересохло во рту.

За время своей долгой бродячей жизни он приучил себя пить лишь утром и вечером. Весь день пить не хотелось, но сейчас, к вечеру, он почувствовал жажду.

«Ничего, скоро напьюсь»,— подумал Василий, усмехаясь случайному совпадению слов.

Было уже совсем темно. Всматриваясь, он с трудом различал кусты, в которых притаился лесник. Василий с минуту лежал, прислушиваясь; медленно и осторожно раздвинул кусты.

«Пора, темней не будет».

Поминутно останавливаясь и прислушиваясь, Василий двинулся вперед. Но не прополз он и десяти метров, как сзади послышался шорох. Василий остановился. Несколько минут лежал, затаив дыхание. Потом двинулся дальше.

Теперь он полз не в одном направлении, как утром, а петляя и путая следы. Метров сто двигался на восток. Потом поворачивал на север, потом снова на восток.

Сначала он полз по дну широкого распадка, а затем стал подниматься по щеке. Это было особенно тяжело.

Сосняк кончился. Пошел пологий склон, заросший невысокой росистой травой. Одежда сразу намокла. Несмотря на напряженность движений, Василий озяб. Все тело пронизывала дрожь. Он уже не мог ползти так же бесшумно, как раньше.

Позади то и дело слышались шорохи, и, хотя они теперь ничем не отличались от обычных лесных шорохов, Василий был уверен — лесник рядом.

И все же он полз. Полз как завороженный, с холодным ожесточением, не думая, куда и зачем ползет.

Наконец он остановился.

Руки устали настолько, что уже не могли приподнять и продвинуть вперед обмякшее тело.

Василий обхватил небольшой пень, прижался щекой к влажной шершавой коре. Первый раз за сегодняшний день выпустил из рук ружье. В наступившей тишине он явственно услышал, как тяжело, ломая сухие ветки, ползет лесник. Василий приподнялся, до рези в глазах всмотрелся в ту сторону и скорее почувствовал, чем увидел, длинную, темную фигуру, распластавшуюся на земле.

Кровь бросилась в голову. Сразу стало жарко. Уже хорошо осознав, что хочет делать, Василий поднял ружье. Лесник, потеряв, видимо, след, остановился. Василий спокойно, методично, как на учении, прицелился, задержал на мгновение дыхание — нажал спуск. В темноте полыхнуло пламя. По притихшему лесу гулко разнесся выстрел.

Василий прижался к пню. Мучительно напрягаясь, всмотрелся в темноту.

Убил?.. Нет?..

С минуту в лесу было тихо, потом откуда-то из-за кустов, метров на пятнадцать левее того места, куда он стрелял, раздался хриплый голос:

— Кончай баловать! Клади ружье! Живодер!..

3

Светало. Солнце еще не взошло, но уже было ясно, что день выдался холодный. Сквозь хвою проглядывало серое небо. В воздухе пахло сыростью и близким дождем. От мокрой, преющей одежды поднимался парок.

Василий озяб. Хотелось спать. Во рту было горько и противно. Он попытался сплюнуть — плевка не получилось. Несколько раз он принимался лизать жесткие, царапающие язык пучки травы, покрытые капельками росы, но это не облегчало.

Василий неподвижно лежал за пнем, изредка протирал глаза мокрыми от росы пальцами.

После попытки убить лесника он не пробовал скрыться, решил ждать, когда лесник не выдержит холода, голода, жажды, желания спать и уйдет. Что лесник уйдет, Василий не сомневался: не будет же он из-за сотни рублей награды лежать здесь, пока не подохнет с голоду.

Василий думал теперь о леснике спокойно. Он как бы привык к его незримому присутствию. Ночная злоба прошла, но желание убить лесника осталось. Теперь это был не неожиданный злобный порыв, а осознанное решение.

Несмотря на холод, Василий лежал неподвижно, уставясь покрасневшими от бессонницы, слезящимися глазами в одну точку.

Совсем рядом что-то слабо зашумело, словно кто-то стряхивал пыль с одежды. Василий скосил на звук глаза. Из еле заметной норы показалась белая мордочка с двумя черными разводами. Подслеповатые свиные глазки беспокойно забегали по сторонам. Василий затаил дыхание, почувствовал во рту вкус жаренного с луком барсучьего сала.

Барсук подвигал усами, повел носом и, видимо, почуяв Василия, скрылся в норе.

— Гад! — Василий зло поморщился.— Вот сжарить-то... да шкурка...

Как-то незаметно начался дождь. Не успевшая просохнуть одежда снова намокла. У самого лица образовалась лужа. Жажда больше не мучила, но стало холоднее. Вода проникала за воротник, противными струйками растекалась по всему телу.

Стало так холодно, что хотелось вскочить и, забыв обо всем, бежать, бежать без остановки, пока не согреешься.

«Бежать...» Он вздрогнул от неожиданной мысли.

Как он не смекнул раньше! Надо бежать. Вскочить и бежать, пока хватит сил. Пусть лесник попробует угнаться за ним, здоровым парнем. Стрелять он не будет, иначе стрелял бы раньше.

Василий чуть приподнялся на локтях, вслушался. Лесник не подавал признаков жизни.

— Лежишь? Ну лежи, лежи...

И вдруг, вскочив на ноги, Василий побежал. От долгого лежания он весь обмяк, и бежать было трудно. Ноги то и дело разъезжались по мокроте. Теперь уже хотелось упасть на землю и лежать, как лежал за минуту до этого. Но он бежал, не останавливаясь, не обращая внимания на ветки, больно хлещущие по лицу, на мокрый, колючий кустарник.

Сзади Василий слышал треск сучьев.

Обернувшись, Василий впервые увидел своего врага. Он не успел его рассмотреть, но

Соловей

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Шли, как в концерт,— к восьми.
Толпились тополя.
Он взял сначала «ми»,
Потом и «до» и «ля».
Молчал родник лесной,
Не шелохнулся лист...
Вот он, передо мной,
Прославленный солист.
Пускай о соловьях
Нам критикой давно,
Особенно в стихах,
Писать запрещено,
Но ведь не грех порой,
Забыв дела свои,
Послушать, как весной
Ликуют соловьи.
Веселый пересвист,
Переполох сердец...
Собою неказист
Наш признанный певец.
Он в сером зипуне,
Закутан до бровей.
Темнее — на спине,
На горлышке — светлей,
Каемка на крыле,
Две крапинки у глаз...
На этой вот земле
Запел он в первый раз.
Заметил соловей,
Что люди рядом с ним,
Но не вспорхнул с ветвей,
Где пел весенний гимн.
Он только карий глаз
Доверчиво скосил.
Для нас и ради нас
Старался что есть сил.
Ничуть не оробел,
Смущенье — ерунда.
Он жил, как пел,
А пел,
Как он поет всегда.
Пускай вокруг народ,
К чему ему робеть!
Он знал: как он поет,
Так никому не спеть.
Он знал, что люди ждут
Его — весну свою,
И с первых же минут
Запел в родном краю.
За громом — тишина,
За свистом — тонкий звон.
То флейта,
То струна,
То колокольчик он.
Хрустальные лучи
Срывались в синеву,
Звенящие лучи
Струились сквозь листву.
Задерживалась в ней
Прозрачная капель...
Чем пауза длинней,
Тем долгожданней трель.
Я в тот волшебный миг
Решил, про все забыв,
Что соловей велик,
Что соловей красив.
Он, видят небеса,
Царь птиц.
Что царь!
Он бог.
И вот не написать
Об этом я не мог.

заметил, что у лесника немолодое, опухшее лицо и бежит он, тяжело переваливаясь, размахивая руками.

«Ну попробуй, догони!»

Василий ускорил бег. Теперь он приноровился бежать, делая большие шаги, ступая сразу на всю ступню и толкаясь немного вверх.

Стало тепло. От разгоряченного тела повалил пар. Сейчас Василий чувствовал даже удовольствие от бега.

«Ну как?» Он обернулся. Лесник заметно отстал. Василий больше не сомневался, что уйдет от него.

Лес кончился. Пошел невысокий густой кустарник.

Бежать стало еще ловчее.

Неожиданно кончился и кустарник. Впереди была небольшая поляна, заросшая осокой.

Болото...

Не успев остановиться, Василий с разбегу плюхнулся в зыбкое месиво. Руки по локоть ушли в черную вонючую грязь.

Медленно, то и дело увязая в тине, Василий попятился назад. Где-то совсем рядом услышал треск веток. Видимо, лесник потерял его в кустах.

Василий почувствовал, как слезы, будто в детстве, подкатываются к горлу:

«Найдет, теперь найдет...»

Минуту он лежал, ощущая, как его медленно засасывает в холодную грязь.

Метрах в ста от себя увидел лесника, вышедшего к болоту.

Василий судорожно рванулся назад, пытаясь дотянуться ногами до кустов. Плотная грязь не отпускала.

Лесник осторожно, выбирая твердые места, зашагал к нему.

Василий распластал руки; медленно, изгибаясь всем телом, загребая руками, стал продвигаться к кустам. Лесник успел уже пройти половину расстояния. Василий закрыл глаза, почти полностью погрузив голову в грязь, уперся подбородком в скользкий полугнилой корень; продвинулся еще немного назад и почувствовал, что ноги касаются твердой земли.

Когда он выбрался на берег, лесник был метрах в сорока. Василий вскинул ружье. Лесник шагнул за старую раскидистую ель со сломанной вершиной.

— Слушай, ты! — Голос лесника прерывался: видимо, бег дался ему с трудом.— Слушай, брось ружье! Все едино не уйдешь! — Лесник минуту помолчал и каким-то странным голосом добавил: — Лес-то, он тоже против тебя!

Василий с трудом оторвал руку от ружья, подавляя ноющее желание всадить дуплет в старую ель. Переводя дыхание, крикнул:

— Зря ты человека за сотню рублей изничтожаешь! — Он сплюнул прилипшую к губам грязь.— Ну сиди здесь, пока не сдохнешь!..

Прошло несколько часов. Дождь кончился, соединив болотные «окна» в огромную зловонную лужу. Пить больше не хотелось, но голодная тошнота сменилась непрерывной резью в животе. На стеблях травы Василий нашел несколько улиток в хрупких белых раковинах. Раздавив им головы прикладом, не задумываясь, съел. Улитки оказались совсем пресными. Во рту остался привкус ржавчины. Василий поискал вокруг себя, но больше улиток не нашел.

Постепенно погода разгулялась. Показалось солнце. От болота повалил густой пар. Стало жарко. У Василия начался голодный понос, и в воздухе стоял резкий запах человеческих испражнений.

Василий лежал на животе, опершись головой на руки. От жары тело разомлело, страшно хотелось спать. Он мог отползти куда-нибудь в кусты и заснуть, но знал, что во сне громко храпит, и это его пугало.

Чтобы не спать, он старался думать о чем-нибудь интересном, но перед глазами все время вставал расплывчатый образ лесника. Прерывающийся голос твердил в самые уши:

— Лес тоже против тебя, живодер!..

Василий не сомневался, что лесник долго не выдержит и не будет до бесконечности морить себя голодом и бессонницей из-за денег. Может быть, уже сейчас он спит или даже незаметно ушел.

Василий слегка зашуршал кустами, отполз на несколько метров в сторону.

За старой елью хрустнула ветка, и верхушки кустов на ней закачались.

— Здесь, гад!.. Ну все едино уйдет!

А если нет?.. Если не уйдет, останется тут, пересидит его?.. Василий зажмурил глаза, тряхнул головой.

— Уйдет... Должен уйти.

Солнце сильно пригревало. Еще больше хотелось спать. Василий опустил голову на руки. Земля сразу закачалась, повернулась как-то боком и медленно поплыла в сторону. Стало необыкновенно хорошо. И только где-то в глубине зашевелилось беспокойство. Мгновенно разросшись, оно вдруг взорвалось, резануло хриплым голосом:

— Живодер!

Василий рванулся вперед. Схватил ружье. Широко раскрыв слипающиеся глаза, огляделся.

— Заснул...

Василий подполз к краю болота, наклонился. В бурой маслянистой воде увидел свое лицо — черное, стянутое засохшей грязью. Только белки глаз ярко выделялись на черном. Василий сунул голову в вонючую жижу, промыл глаза, попытался смыть грязь. Спать все равно хотелось. Он полез в карман, где лежал кисет, но карман был набит еще не засохшей грязью.

Время тянулось томительно медленно. Стало совсем жарко. По всему телу разлилась болезненная слабость.

Василий лежал в полузабытьи, вконец измученный болью в животе.

Время от времени сознание прояснялось, и он отползал на три-четыре метра в сторону, чтобы проверить, не ушел ли лесник. И всякий раз лесник оказывался на месте.

Это приводило Василия в замешательство. Он никак не мог понять, откуда берутся силы у лесника. В какой-то момент он подумал, что лесником руководит не жадность, а что-то другое, незнакомое ему, Василию. Но эта мысль была слишком расплывчата и скоро ушла, оставив неясное беспокойство.

Прошло еще несколько часов. День клонился к вечеру. Вода, поднявшаяся после утреннего дождя, в лучах заходящего солнца казалась кроваво-красной. Над болотом вились тучи мошки, и ее гудение мерно разливалось в спокойном вечернем воздухе.

Василий надел на голову сетку, спрятал руки в рукава телогрейки.

Он не знал, сколько прошло времени. Иногда ему казалось, что все случившееся — тяжелый сон.

В голове теснилось странное, навязчивое. Василий лег на бок, попытался сосредоточиться на мыслях о доме. Но откуда-то из глубины всплыло опухшее лицо лесника:

— Живодер!

Василий до боли сжал ладонями виски — видение не исчезало.

Он поднял глаза.

У старой расщепленной ели, опираясь на ружье, стоял лесник. Он был так высок и худ, что даже плотная ватная телогрейка висела на нем.

Василий потянулся к ружью.

Лесник выпрямился:

— Не трожь!

Василий замер, почувствовал, что не может взять ружье.

Лесник прислонился к еловому стволу, тихо спросил:

— За сотню говоришь? За сотню... Эх, да нешто в том дело!..

Он махнул рукой, отвернулся.

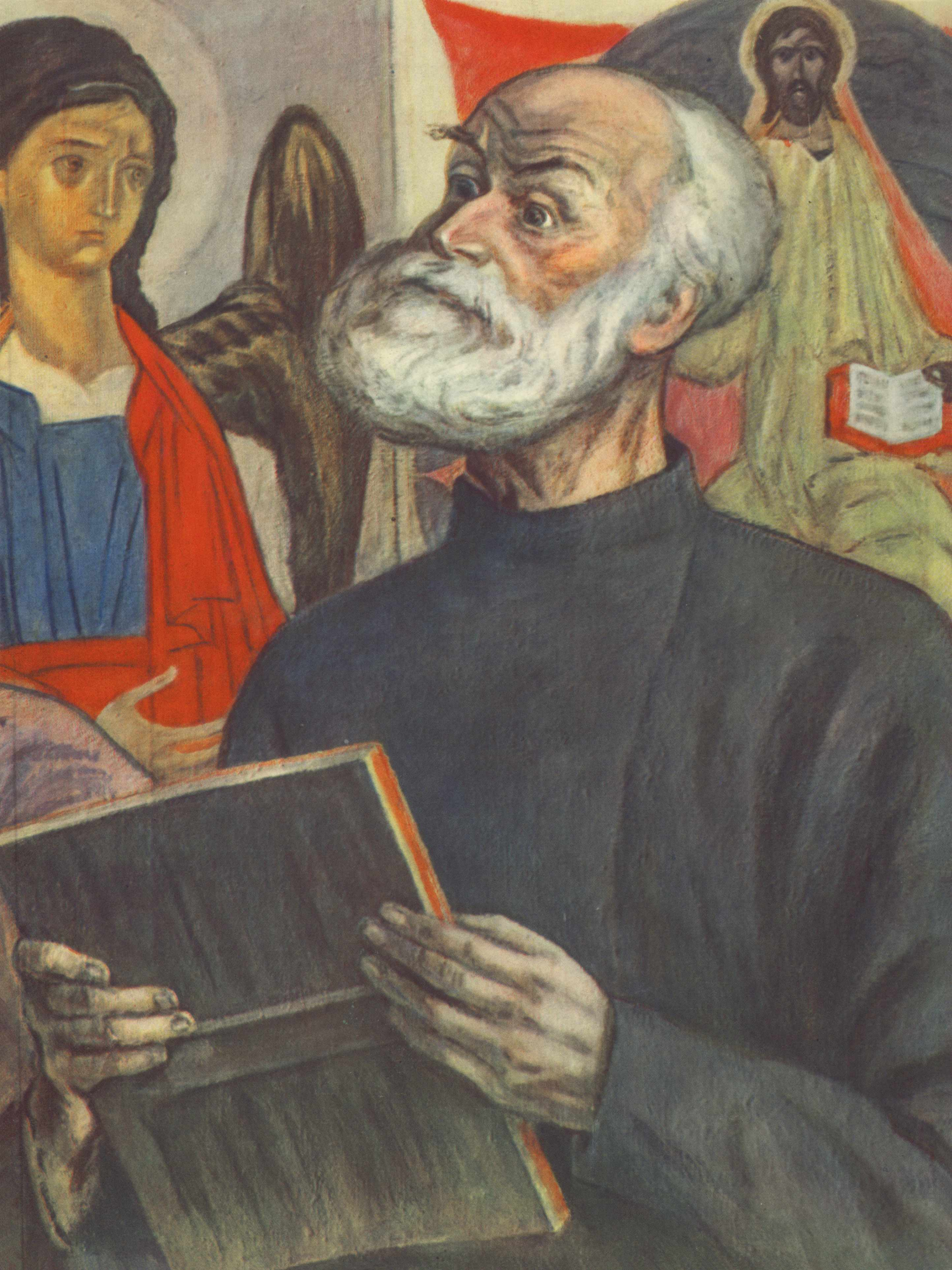
Василий сел, достал из кармана залепленный грязью, все еще влажный кисет, попытался закурить. Сырой табак не раскуривался. И вдруг он ясно понял, что больше не может, что лесник оказался сильней.

От того, что все скоро кончится, стало легче.

Василий поднялся. Обманутые его неподвижностью лягушки гулко плюхнулись в воду. С минуту он топтался на месте, разминая затекшие ноги. Затем тряхнул головой, резким движением отшвырнул от себя ружье, пошатываясь, слегка прихрамывая на ушибленную ночью ногу, побрел к старой ели с расщепленной вершиной.

ОСЕННЯЯ ОХОТА.

Фото В. Гиппенрейтера.

СКВОЗЬ ДАЛЬ ВЕКОВ

Всемирный Совет Мира принял решение 15 сентября праздновать 600-летие со дня рождения замечательного художника Андрея Рублева.

Творчество Андрея Рублева — блестящая страница истории мировой живописи. Художник преодолел средневековый аскетизм и в своем искусстве воспел земной мир, человеческую красоту и благородство. Его образы проникнуты глубоким гуманизмом.

Эмоциональное и жизнеутверждающее искусство Рублева полно веры в красоту и совершенство человека.

Мы не знаем, когда точно родился Рублев. Известно только, что в 1405 году ему довелось вместе с другими художниками расписывать Благовещенский собор в Московском Кремле — придворную церковь московских князей. Вероятно, к этому времени Рублев был уже сложившимся художником. В 1408 году он делал росписи в древнем Успенском соборе города Владимира. Работал также в Троице-Сергиевом и Андрониковом монастырях. Похоронен он в Андрониковом монастыре в Москве около 1430 года. Вот и все то немногое, что мы знаем о художнике.

И тем не менее Андрею Рублеву посчастливилось: его имя не было забыто, как были забыты имена многих его современников.

Летописи с уважением называют его «живописцем преизрядным, всех превосходящим в мудрости». Более чем через сто лет после смерти художника издается государственное постановление: писать иконы, «как писал Андрей Рублев».

Андрей Рублев как художник формируется в то время, когда, одержав победу на Куликовом поле, Московское княжество готовилось к окончательному свержению татаро-монгольского ига.

На крутых берегах рек Московского княжества высились белокаменные соборы. Для простых людей того времени, при их религиозном мировоззрении, они были символом борьбы против поработителей. С икон и фресок, украшавших соборы, на простого человека смотрели библейские герои. В них он видел друзей и врагов, воинов, своих заступников и строгих судей.

Некоторые из этих соборов расписывал, как мы знаем, Андрей Рублев.

Прошло несколько веков. Многие из произведений знаменитого художника исчезли, другие покрылись многочисленными слоями поздних росписей. Но имя его осталось жить. Уже в XIX веке слава Андрея Рублева была настолько велика, что собиратели древнерусской живописи мечтали иметь «иконы письма Рублева».

О произведениях, по традиции приписываемых Андрею Рублеву, писались статьи и исследования.

С 1918 года началась систематическая реставрация памятников живописи, связанных с именем знаменитого художника. Большая роль в этом принадлежит И. Э. Грабарю, возглавившему Всероссийскую реставрационную комиссию, А. Анисимову, Г. О. Чирикову, Е. И. Брягину, Н. А. и И. А. Барановым, В. О. Кирикову и др.

Благодаря деятельности этой комиссии были возвращены к жизни многие произведения Андрея Рублева.

По старым городам, в монастырях, заброшенных церквах, на чердаках домов, в сараях лежали давно забытые творения.

Уже одна из первых экспедиций увенчалась блестящим успехом. В 1918 году был обследован Благовещенский собор в Кремле. Считалось, что произведения Рублева и других художников, сотрудничавших с ним в 1405 году, погибли, так как в 1447 году Благовещенский собор горел. Летописец специально отметил, что «иконы Рублева письма сгорели».

В июле 1918 года из иконостаса собора был вынут ряд икон. Первые же пробные расчистки показали, что под несколькими слоями краски сохранилась первоначальная живопись. Все написанное при участии Андрея Рублева оказалось цело. Вероятно, его произведениями уже тогда очень дорожили и уберегли их от огня.

Советские реставраторы возродили этот великолепный памятник древнерусской живописи. Иконы Благовещенского собора — самые ранние из дошедших до нас произведений Андрея Рублева.

Другой замечательной находкой были три иконы из Звенигорода. На берегу реки Москвы стоит белокаменный собор XV века, недалеко от него расположен Саввино-Сторожевский монастырь. Здесь свой город строил князь Юрий Звенигородский. Лучших строителей и живописцев приглашал он к себе. Неизвестно, работал ли в Звенигороде Андрей Рублев, но в дровяном сарае близ одного из соборов найдены три его иконы. Теперь они висят в залах Третьяковской галереи.

Особое внимание было уделено реставрации икон из Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, где, по преданиям, Андрей Рублев написал знаменитую «Троицу».

Долгое время были известны только многочисленные копии «Троицы», сделанные в конце XV и XVI веке. Сама икона в 1600 году заключена была в золотой оклад, который надолго скрыл ее от зрителей... Лишь в 1904 году реставратор-иконописец В. П. Гурьянов вынул «Троицу» из оклада. За годы, прошедшие со времени написания, икону трижды подновляли, и ничто уже не напоминало к тому времени в ней живопись XV века. Гурьянов пишет об этом: «Когда с этой иконы снята была золотая риза, то каково же было наше удивление! Вместо древнего памятника мы увидели икону, совершенно записанную в новом стиле». Гурьянов не довел реставрации до конца. Тем не менее это первое раскрытие рублевской живописи было подлинным праздником для любителей древнерусского искусства.

Вскоре «Троица» была вновь облачена в золотой оклад, и лишь 23 ноября 1918 года окончательно вынута и полностью расчищена. Икона эта по праву считается лучшим произведением древнерусской живописи. Традиционные образы «Троицы» Рублев наполнил переживаниями современников, идеей единения, близкой и понятной людям XV столетия.

Икону передали в Третьяковскую галерею, а для Троицкого собора художник-реставратор Н. А. Баранов сделал копию.

В мае 1923 года по постановлению ВЦИК СССР из села Васильевского были вывезены иконы, некогда украшавшие иконостас Успенского собора во Владимире. Они попали в село в 1775 году, когда по приказу Екатерины II в древнем Владимирском соборе фрески переписывались масляными красками и сооружался новый грандиозный иконостас во вкусе XVIII века.

Попытки расчистить стенопись Успенского собора были в XIX веке, но осуществлено это было только в 1918 году. К сожалению, фрески сохранились не полностью, но есть основания считать их работой Рублева.

Плохо сохранились и иконы из Васильевского, реставрация которых идет и в наши дни. Сказались небрежное хранение и варварское обращение с ними последующих поколений. Но среди нагромождения красок многих времен выделяются своей звучностью свободно положенные мазки художников, работавших под руководством великолепного живописца Андрея Рублева.

Г. ПОПОВ

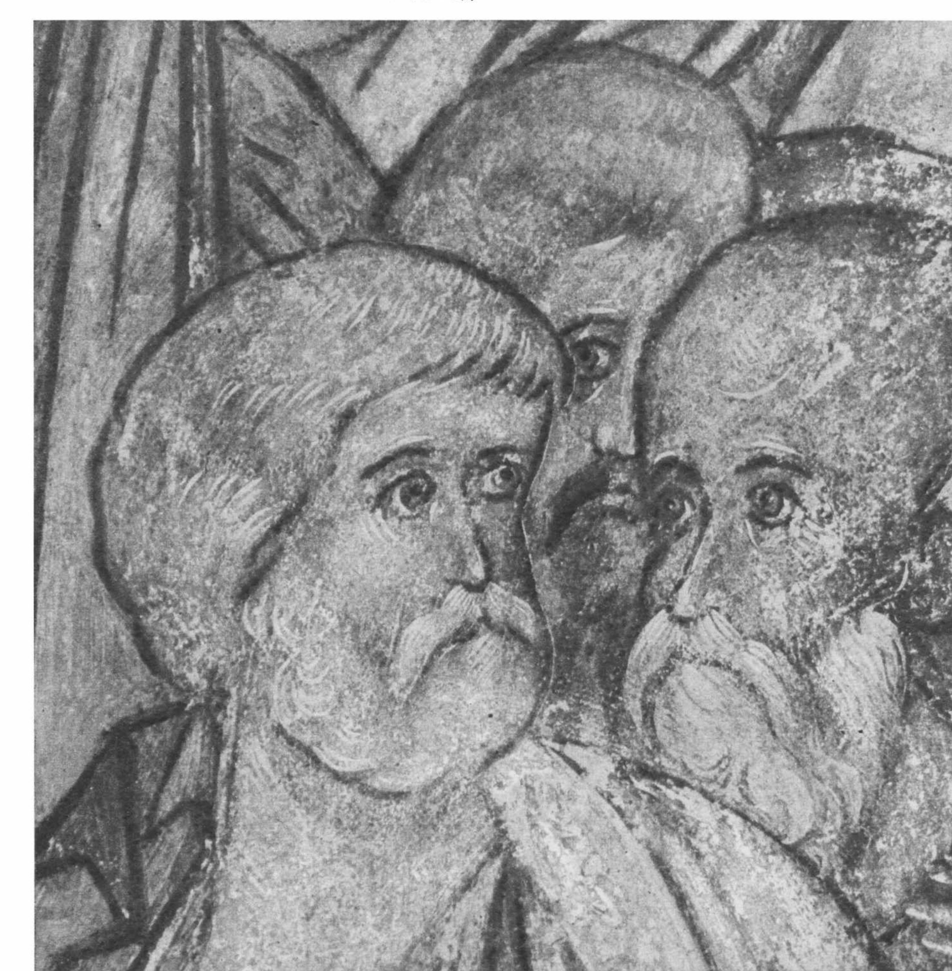
←

Н. М. Чернышев. АНДРЕЙ РУБЛЕВ. (Фрагмент картины «Даниил Черный и Андрей Рублев»).

Икона «Троица» после реставрации.

Апостолы Петр и Иоанн — роспись Успенского собора во Владимире, 1408 год.

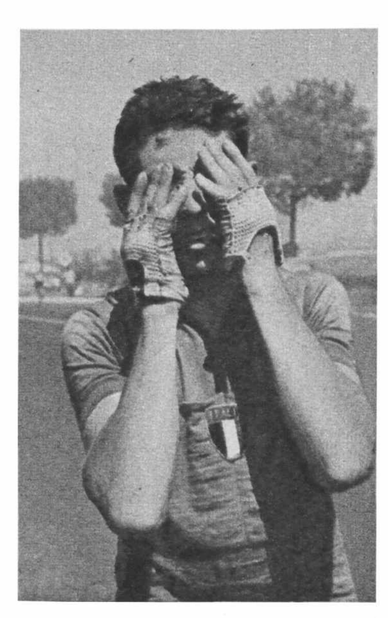

Вильма Рудольф (США) завоевала золотую медаль в беге на 100 метров для женщин.
Фото Ассошиэйтед пресс.

„Сладкая жизнь" и жизнь настоящая

Начало на стр. 6.

ка поставлена на высоту 2,06. Прыгает Роберт Шавлакадзе. Высота взята. Прыгает Валерий Брумель. Высота взята. Прыгает Большов... Высота взята. Красные майки, как маленькие язычки пламени, взвились над планкой и мягко упали в песок. Стадион разражается аплодисментами. И тут же отвлекается. Заканчиваются соревнования по метанию копья для женщин. Сделав бросок в 55,98 метра и установив новый олимпийский рекорд, ленинградская студентка Эльвира Озолина завоевывает первое место. В этот день над стадионом первым зазвучал Гимн Советского Союза.

Очень был огорчен итальянец Ливио Траппе, когда уступил первенство Виктору Капитонову!..

Но вот уже на старте бегуны на 100 метров. До последнего года это была коронная дистанция американских спортсменов. Сейчас на старте и немецкий спортсмен Хари. Известно, что он пробежал стометровку ровно в десять секунд. В эти же секунды пробежал и канадский бегун у себя на родине. Но сейчас он лежит на траве, судорожно хватая себя за ногу. К нему бегут врачи. Взяв старт в полуфинале, он растянул себе связки. Врачи массируют ему ногу, но... бесполезно. Опершись на их плечи, канадец безнадежно покидает стадион. Среди американских спортсменов оживление: из игр выбыл один из возможных претендентов на золотую медаль. А в это время уже вторично сорван старт второго полуфинального забега на 100 метров. На этот раз его сорвал как раз Хари. Прозвучали один за другим два выстрела. Фальстарт. Взвинченные до предела бегуны рванулись, но их вернули, и вот они теперь ходят, приводя нервы в порядок. Снова стартер вызывает их на место. Вот они на колене, вот приподнялись. И одновременно с выстрелом вперед выносится Хари. Удивительное чувство старта! Сколько длятся десять секунд? Хари первым разрывает ленточку финиша.

...А в это время планка у прыгунов уже поднята на 2,12 метра. Томас махнул рукой, он пропускает и эту высоту. Зрители стадиона втянулись в напряженную игру. Если раньше на стадионе было шумно, то сейчас с каждым прыжком, по мере того, как повыбывали все остальные спортсмены и остались трое советских и один американский прыгун, зрители перед каждым прыжком затихают. И даже если кто зашумит, немедленно раздается негодующее «тсс-тсс». И вот уже планка поднята на высоту 2,14 метра. Все смотрят на огромный щит, на котором зажигаются цифры. Эту высоту не сразу, но берут все. Томас осваивает ее со второй попытки. Еще один этап пройден. На поле стадиона четверо. По рядам проносится: трое против одного. И так и не так. Прыгает каждый порознь. Высота 2,16. Роберт Шавлакадзе разгоняется и легко переносит тело через планку. Стадион оглушительно вздыхает. Несмотря на то, что солнце уже ушло за горизонт, ни один человек не покидает своего места. Прыгает Томас и сбивает планку. Брумель? Сбивает планку... Большов сбивает... Снова Томас. Неудача. Брумель берет высоту! Последняя попытка Томаса неудачна. Не осваивает высоту и Большов. Стадион замер. Тишина, словно произошло трагическое событие. Впрочем, что-то произошло.

Во всех интервью, в беседах американцы заявляли: «Золотая медаль по прыжкам в высоту наша». Многолетняя гегемония в этом виде спорта приучила их к снисходительному отношению к спортсменам других стран... И вот крушение. На трибуну почета неторопливо идут три человека: Шавлакадзе, Брумель, Томас. Большов занял четвертое место (у него было больше попыток, чем у Томаса). И снова в уже темнеющем небе под звуки Гимна Советского Союза поднимается алый флаг.

Напряженнейшее соревнование. Победы наших прыгунов вызвали, прямо скажем, разочарование среди тех, кто избрал для себя кумиром американский спорт. Большая неприятность ожидала их еще и в финальном забеге на 100 метров. Хари завоевал золотую медаль. Вообще следует отметить, что объединенная команда Германии оказалась хорошо подготовленной во многих видах спорта. Видимо, поэтому римская газета «Куотидиано», известная своими проамериканскими симпатиями, выступила со статьей, в которой прямо обращается к немецким спортсменам: что вы делаете? В Риме идет битва между двумя системами, а вы выигрываете у американцев. Опомнитесь! Вы играете на руку Советам! Немцы, перестаньте выигрывать у американцев! А газета «Коррьера делло спорт» обращается к американцам: не зазнайство ли это? Местные шутники говорят: «Какие же это Соединенные Штаты? Это разъединенные штаты. У них, кто хочет, тот и растаскивает медали».

Сейчас, повторяю, когда пишутся эти строки, еще рано предсказывать окончательные результаты. Здесь все помнят, что все хотят выигрывать не только у спортсменов Соединенных Штатов, но и у наших и у других.

Ральф Бостон (США) — победитель в прыжках в длину. Он установил олимпийский рекорд — 8 метров 12 сантиметров.

Друг у друга. Это закон спорта. Закон Олимпийских игр. Но то, что завоевано и отвоевано, уже немало. Наши ребята стараются.

А вокруг спортивной жизни кипит обычная, настоящая жизнь, в которой праздники перемешиваются с буднями, в которой новое пробивается иногда там, где меньше всего его ожидаешь. В день, когда спортсмены отдыхали от Олимпийских игр, с одним итальянским другом побывал я в интереснейшем городе Италии, расположенном на холмах Тосканы, Сиене, где происходил народный праздник, заслуживающий специального рассказа. Сопровождаемые секретарем горкома коммунистической партии Альдо Сапери, мы осмотрели достопримечательности города. В здании муниципалитета Сиены, где расположены картины XIV и XV веков, мы познакомились с сенатором, секретарем итальянского комитета защиты мира Лючиано Менкаралия. Указывая на одну деревянную гравюру, сделанную на церковной скамье в XV веке и прекрасно сохранившуюся, Менкаралия сказал:

— Вот рисунок первого спутника. Смотрите, бог посылает на землю архангела Гавриила сообщить деве Марии, что она подарит миру Христа. Гавриил и был первым спутником Земли.

Мы вместе посмеялись с секретарем над его шуткой. А в тот же день в городке-музее Сан-Джиминиано, состоящем из узких каменных улиц и высоких серых башен, где на маленьких площадях открыты маленькие лавочки с медной посудой и местной керамикой для туристов, на одной из стен мы увидели вырезку из газеты, на которой была изображена ракета с Белкой и Стрелкой.

Сапери сказал:

— Эту стенную газету выпускают молодые коммунисты города Сан-Джиминиано. У нас хорошие, боевые ребята.

И вдруг по-другому, показалось, засияли блики солнца на высоких башнях, и почувствовалось, что и здесь, среди толстых крепостных стен, бьется кипучая и горячая, настоящая жизнь.

Рим. Сентябрь 1960 года.

РОМАН В НОВЕЛЛАХ

Лев СЛАВИН

Небольшой пятачок земли, несколько летних месяцев, две-три семьи, бесхитростный рассказ десятилетнего пастушка. Но какая картина страны, эпохи, страстей, характеров!

Дело, оказывается, не в грандиозных эпопейных масштабах, не в многоплановом, многотемном и многотомном размахе, а в точном и глубоком изображении реальных отношений между людьми. То, что глубоко, то и широко. «Проданные годы» Юозаса Балтушиса — это та знаменитая капля, в которой отражается мир.

Досоветская Литва была захолустным уголком Европы, который Англия усиленно «данизировала», то есть превращала ее при помощи местной буржуазии в подобие Дании, в свою молочную и мясную ферму. Трудовое крестьянство разорялось и обезземеливалось. Крестьянин без земли — бессмыслица. Но так было, и обнищавшие литовские хлеборобы «продавали» кулакам в пастухи своих малолетних детей. На таком фоне разыгрывается действие романа Ю. Балтушиса.

По глубине психологического анализа, по силе изображения страстей, владеющих старым кулаком Дирдой (скупость, коварство, жестокость), образ этот дорастает до героев классических произведений Гарпагона, Плюшкина, Гобсека. Автор беспощаден к Дирде, но разоблачает его не своими сентенциями, а поведением самого героя. И когда однажды в образ старого мироеда врывается на мгновение живое человеческое чувство, это еще нагляднее обнажает его страшную нравственную опустошенность.

Без нажима, тонкими, чуть ироничными, чеховскими штрихами набрасывает Балтушис портрет другого кулака, Тякониса. При всем лаконизме изобразительных средств образ его — исчерпывающий трактат о моральной деградации человека, гоняющегося за чистоганом.

Не забудем при этом, что все подается как рассказ десятилетнего мальчика. Есть два способа изобразить юную душу. Один — показом ее изнутри, переселившись в нее целиком, в ее время, в ее язык, в ее представления. Другой — изображать детство с вершин зрелости, с позиций сегодняшнего дня, как воспоминание, как пережитое, а не как переживание. Юозас Балтушис пользуется первым приемом, лишь изредка прибегая ко второму. Но все слито с таким совершенством, что художественная цельность повествования не нарушается.

Точными штрихами обозначен рост сознания маленького пастушка. Когда хозяин вознамерился подвергнуть его телесному наказанию, батрак, большевик Пятрас, вступился за него и вызволил мальчика. А потом преподал запуганному пастушку первый урок человеческого достоинства.

«— Ты человек, — сказал он строго. — Пастушка вместо собаки держат, но он — человек. А человека бить нельзя. Понял?».

С какой сатирической силой описаны похороны старого Дирды, этот базар жадности, тщеславия, лицемерия и лжи! Как живо выглядит другой пастушок, Ализас, в образе которого потрясающе сочетались ирония и трагизм. Сколько острой наблюдательности вложено в образы кулацкой дочки Салямуте и батрачки Оны, изваянных со скульптурной выразительностью! Ю. Балтушис превосходно владеет искусством портрета, притом не неподвижного, не прикрепленного к одному месту, а динамичного, развивающегося на всем протяжении романа. Так, поначалу кузнеца Повилёкаса можно принять за бесшабашного малого, своего рода литовского Ноздрева. И только постепенно, путем накапливания художественных деталей, он раскрывается во всей своей сложности — смешении душевности, артистичности, жизнерадостности, но и моральной нечистоплотности, взбалмошности.

Язык романа меток и живописен. В то же время в нем сохранена и наивная детская интонация рассказчика — мальчика: «С шумом вытаскивала она из печки пироги: пухлые, с лопнувшей сбоку корочкой, пышущие жаром и пахнущие так, что понюхай только — и сыт, и есть не надо».

Как пример зоркости писательского глаза можно привести картину наступления весны, описанную в мировой литературе несчетное число раз:

«Из-под тающих сугробов и снежных завалов стали показываться вовсе неожиданные вещи: у косогора, окруженный ивняком, появился пруд, весь затянутый илом и тиной... За гумнами, в глубине рощиц, в зарослях сирени неожиданно показывалась на дневной свет лачужка или же сарайчик с зеленой замшелой кровлей...»

Это изображение весны как великого проявителя доселе невидимых вещей — вновь найденный художественный прием, подлинное маленькое открытие. «Проданные годы» изобилуют тонкими картинами природы, воссоздающими прекрасную Литву лесов и озер.

Следует отметить высокие качества перевода К. Келы и образцовую редактуру З. Кульмановой. Это чистый и веский русский язык, время от времени тактично окрашенный литовской интонацией.

«Проданные годы» — первая книга романа. Читатель с нетерпением будет ждать продолжения этого талантливого, полнокровного произведения.

Юозас Балтушис. Проданные годы. Роман в новеллах. Гослитиздат Литовской ССР. 376 стр. «Дружба народов» №№ 1—3, 1960.

Гравюры на дереве С. Красаускаса.

Автор—строитель

Роман Юрия Боксермана «Голубое пламя» примечателен не только тем, что посвящен беспокойной кочевой жизни строителей газопроводов. О них, тружениках подземных стальных магистралей, действительно мало написано в нашей литературе. И не только тем примечательна книга, что издана в Якутске. Примечательно то, что ее написал строитель, специалист по газопроводам. Отсюда достоверность жизненного материала, положенного в основу книги, отсутствие надуманных сюжетных поворотов, литературщины. Книге веришь — в этом ее неоспоримое достоинство.

И неугомонный Василий Марков, обуреваемый новыми замыслами, и талантливый Леонид Бакулин, погибший от руки диверсанта, и геолог Семен Крайнюк, не давший врагу ни одной тонны советской нефти,— это люди, одержимые страстью постоянных творческих поисков. Их борьба с холодными чиновниками типа профессора Кленова или начальника главка Мысева накаляется до предела, но она изображена без нервозности, без истерики. Веришь в правоту Маркова и Бакулина, потому что события описаны с точки зрения умного, опытного человека, знающего строителей, их будни и праздники.

Интересны страницы, посвященные семье старого рабочего-нефтяника Федора Потаповича Крайнюка. Казалось бы, они не являются центральными в романе, но они много говорят о советском образе жизни.

Роман «Голубое пламя» обращен к тем, кто хочет больше знать о нашей современности. Можно надеяться, что скромный тираж книги не помешает ей завоевать прочные читательские симпатии.

В. АННЕНКОВ

Юрий Боксерман. Голубое пламя. Роман. Якутское книжное изд-во. Якутск. 1960. 296 стр.

«Я люблю человечество...»

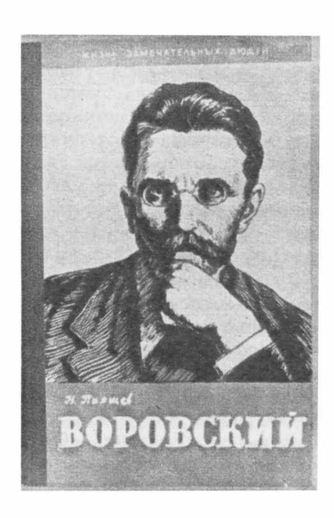
«Я люблю человечество и отдаю ему свои последние силы»,— так писал Вацлав Вацлавович Воровский, выдающийся деятель нашей партии.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет книгу Н. Пияшева о жизни и деятельности В. Воровского.

Широко используя архивные материалы, воспоминания, беседуя со старыми большевиками, знавшими Воровского, автор воссоздал образ скромного, обаятельного и твердого в своих убеждениях большевика-ленинца.

Шаг за шагом прослеживается в книге жизненный путь Воровского. Вот он студент Московского технического училища, выступает перед своими сверстниками с призывом бороться против царской деспотии. Он еще не смел в большой аудитории, его цели еще туманны и робки. Но первые стачки рабочих Москвы, марксистская литература и знакомство с произведениями В. И. Ленина помогают ему найти свое место в жизни: он прочно связывает свою судьбу с судьбой русского пролетариата и его авангарда — с партией большевиков-ленинцев. Последующие затем тюрьмы и ссылки только убедили его в правильности выбранного пути.

В. И. Ленин постоянно ощущал помощь В. В. Воровского в борьбе против меньшевиков, ликвидаторов, троцкистов. «Ленин глубоко любил остроумного, мягкого, культурного в истинном значении этого слова, Вацлава Вацлавовича,— вспоминал И. И. Скворцов-Степанов.— Он знал, что на этого человека можно положиться...».

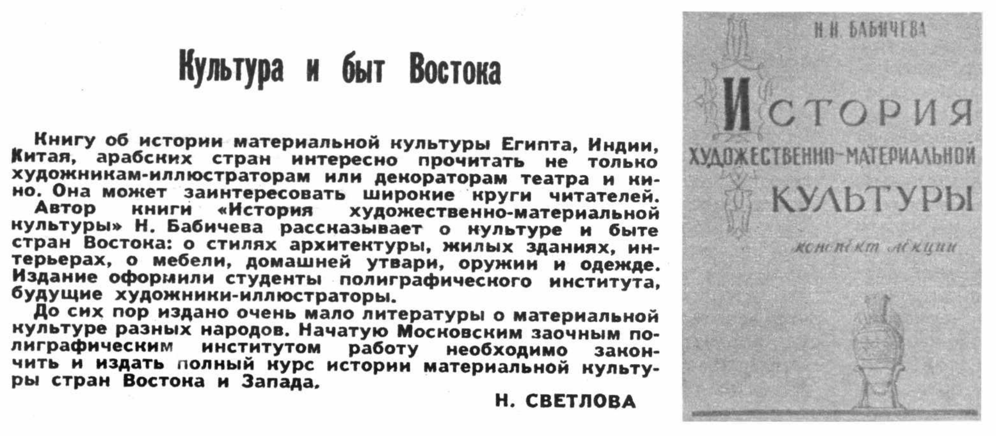

Приведенные автором документы свидетельствуют о плодотворной работе Воровского в Риме, куда он был назначен полномочным представителем в 1921 году. В книге показана трудная обстановка на Генуэзской и Лозаннской конференциях, где Воровский проявил недюжинные способности дипломата. Воровский ловко расстраивал козни империалистов и, несмотря на угрозы и шантаж, продолжал стоять на страже интересов Советского государства.

Книга, раскрывающая образ Воровского, верного ученика и соратника Ленина, будет воспитывать молодое поколение строителей коммунизма.

М. СУЛИМОВА,
член КПСС с 1905 года

Н. Пияшев. Воровский. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1959. 301 стр.

Культура и быт Востока

Книгу об истории материальной культуры Египта, Индии, Китая, арабских стран интересно прочитать не только художникам-иллюстраторам или декораторам театра и кино. Она может заинтересовать широкие круги читателей.

Автор книги «История художественно-материальной культуры» Н. Бабичева рассказывает о культуре и быте стран Востока: о стилях архитектуры, жилых зданиях, интерьерах, о мебели, домашней утвари, оружии и одежде. Издание оформили студенты полиграфического института, будущие художники-иллюстраторы.

До сих пор издано очень мало литературы о материальной культуре разных народов. Начатую Московским заочным полиграфическим институтом работу необходимо закончить и издать полный курс истории материальной культуры стран Востока и Запада.

Н. СВЕТЛОВА

ХУДОЖНИК. ЭТОГО МАЛО!

Нет, театр будет жить!

Мы продолжаем разговор о театре настоящем и будущем, начатый статьей М. Шагинян.

Слово предоставляется народному артисту РСФСР Р. Я. ПЛЯТТУ.

Нынешней весной, во время гастролей Театра имени Моссовета в Ленинграде, мне довелось увидеть несколько ленинградских спектаклей, примерно столько же, сколько видела их этой же весной М. С. Шагинян, описавшая свои впечатления в статье «Ленинградские вечера». Мариэтта Сергеевна смотрела главным образом балеты; я — все больше спектакли театров драматических: зов цеха, так сказать, «голос крови»... Тянуло узнать, что и как играют мои ленинградские товарищи, что делается в «лагере конкурентов», самом опасном для театров Москвы. Пожалуй, я напрасно взял в кавычки слова «лагерь конкурентов»: разве не соревнуются у нас в стране города по различным показателям? И разве нет неписаного соревнования в области искусства, театрального в частности? Конечно, есть! И хотя для каждого из нас, работников того или другого театра, советский театр в целом есть наше общее, кровное и пожизненное дело и все мы призваны отвечать за его судьбу, «боление» за творческий успех своего города нам не противопоказано. Да и невозможно без этого, пока живы страсти в каждом из нас!

В самом деле, разве театралы-москвичи, сидя на чудесном спектакле воронежцев «Алексей Кольцов», не думали про себя: «Ах, черт возьми, жаль, что это не у нас!» А когда ленинградцы получили Ленинскую премию за спектакль «Оптимистическая трагедия» и мы, москвичи, как и все работники советских театров, гордые тем, что искусство театра отмечено столь высокой наградой, поздравляли Товстоногова и Толубеева, разве не досадовали мы где-то в глубине души, что герои дня не москвичи? Это если говорить по совести.

Так вот, по совести говоря, моему московскому патриотизму пришлось претерпеть некоторые испытания во время весеннего рейда по театрам Ленинграда, так как лагерь конкурентов оказался достаточно укрепленным, и жадная мысль «Жаль, что это не у нас» посещала меня неоднократно. Причем не как бедного родственника: театральная Москва достаточно богата, и нам есть чем гордиться,— а, скорее, как коллекционера, которому все хорошее хочется иметь у себя. Добавлю здесь для тех, кому может послышаться нечто «частнокапиталистическое» в моей интонации: конечно, полные радостных впечатлений от чьей-либо творческой удачи, мы прежде всего думаем: «Как хорошо, что это есть!» А потом уже нас начинают одолевать соображения местного патриотизма.

И вот я думаю: «Как хорошо, что, будучи в Ленинграде, я смог увидеть и совсем молодую Алису Фрейндлих в пьесе Б. Ласкина «Время любить» на сцене Театра имени Комиссаржевской, и среднее поколение артистов-ленинградцев в «Пяти вечерах» в Большом драматическом, и Черкасова в двух его последних ролях в Театре Пушкина — словом, все поколения актеров и разные театры образовали эту радостную вереницу бесспорных удач». Было и такое, что мне не понравилось, но сейчас я буду говорить только о хорошем: негативные впечатления не стали у меня главными. Разумеется, мною названы здесь явления не одного порядка: прелестная работа Фрейндлих, привлекающая к себе внимание своеобразием и остротой, свойственными индивидуальности этой молодой актрисы, и мощные создания Черкасова — явления разного масштаба, но звенья одной цепи удач. Это-то и радует.

Как интересно соседствуют в сегодняшнем репертуаре Черкасова совершенно полярные роли! Смотришь подряд «Бег» и «Все остается людям» и в прямо противоположных ракурсах воспринимаешь актера: будто бы оглянулся он назад и, пошарив брезгливым взглядом где-то в потемках, в какой-то дряни, выудил оттуда своего командующего белым фронтом Романа Хлудова, бледно-желтого, агонизирующего, кривляющегося, печального и страшного... Живет еще Хлудов, но, в сущности, мертв. А потом будто отряхнулся актер, распрямил стан, обратил взгляд вперед — и вот уже перед нами академик Дронов, приговоренный болезнью к смерти, но весь — сама жизнь: быстрый, деятельный, красивый, светлый — весь в полете мысли, в мечте о будущем. И что самое принципиально ценное в этой работе Черкасова, ведь всяких академиков видала-перевидала сцена, да и самого Черкасова подстерегала тень Полежаева,— он очень **современен** в этой роли, его академик целиком принадлежит сегодняшним дням, дням наших космических завоеваний.

Также особого разговора заслуживает, на мой взгляд, исполнение актерами «Пяти вечеров» в отличной постановке Товстоногова. Я уже не помню, чем разрешились полемические бури, разразившиеся в свое время вокруг этой пьесы Володина. В то время я пьесы еще не читал и на сцене ее не видел. А весной, в тихой атмосфере марта 1960 года, мне показалось, что в пьесе, пожалуй, есть свой гуманизм, хотя меня лично «метания» центрального персонажа, Ильина, как-то не взяли за душу. К прекрасной игре Копеляна мое замечание не относится. Да и Копелян, и Шарко, и Макарова, и Николаева, и Лавров играют, что называется, концертно! И это было тем более приятно, что смотрел я рядовой-прерядовой спектакль, в понедельник, в самый не бойкий в кассовом смысле день, но зрителей было много.

Правда, переполненные зрительные залы обычны в Ленинграде. Любят ленинградцы свои театры! И когда «бил театральный час», по выражению М. С. Шагинян, всегда хотелось приостановиться где-нибудь, скажем, на Невском, и последить за тем, как в определенных направлениях торопятся толпы принаряженных людей: кто в сторону «Александринки», кто в Театр комедии, кто в БДТ, кто в Театр имени Комиссаржевской...

Тут, собственно говоря, я мог бы поставить и точку. Читатель «Огонька», знакомый со статьей М. С. Шагинян, уже, очевидно, догадался, что все это написано мной с целью противопоставить мои ленинградские вечера шагиняновским и тем самым внести свою долю в полемику, завязавшуюся на страницах «Огонька». Мне же, по правде говоря, теперь только и хочется начать разговор.

В чем же дело? Чем именно так разволновала статья Шагинян работников театрального фронта?

Должен сказать, что никто не просил меня заступаться за ленинградцев. Мне просто хотелось убедить Мариэтту Сергеевну, что она не успела добраться до хорошего в театральном Ленинграде, если даже согласиться с тем, что все виденное ею дурно. Но тут возникает новый вопрос, который, мне думается, следует обсудить для общего блага.

В этот же свой приезд я тоже, как и Шагинян, видел «Двенадцатый час» в Театре Пушкина. Спектакль не произвел на меня сильного впечатления в целом, и поэтому я не включил его в список удач. Но в спектакле есть Честноков. Он играет кондитера Дора и играет чрезвычайно выразительно. Совсем не по Арбузову — не «коренастый», не «плотный», не «с красным лицом», а, наоборот,— скорее бледный, сухой, подчеркнуто-корректный, в своем смокинге, в пенсне, прикрывающем острые, умные, злые глаза, с пронзительной и точной манерой выговаривать текст. Он не типичный нэпман по виду; он не похож на тех нэпманов, что в обилии изображались на плакатах и в карикатурах. Честноков своим решением укрупняет роль, делает очень ощутимой опасность Дора, поднимающего в финале пьесы бокал за «нашу (Дора и иже с ним.— **Р. П.**) неистребимость в будущем!».

Так как же быть? По Шагинян, Честнокова не существует в природе применительно к данному спектаклю, она о нем даже не упоминает. По-моему, Честноков — основной трофей спектакля. Кто же из нас прав? Который раз задумываешься над тем, какая это скользкая вещь — критерий личного вкуса в вопросах искусства, эта субъективность и произвольность оценок! Невозможно оспорить квалификацию, скажем, токаря шестого разряда: он на своем станке расточит соответствующим образом деталь — и, пожалуйста, готово! Перед вами деталь, выполненная по такому-то разряду. Факт — упрямая вещь! А в нашем деле по сей день царствуют слова «нравится», «не нравится»... Кто же из нас прав вообще в своих впечатлениях о театральном Ленинграде сегодня? Если Шагинян — тогда надо бить в набат и созывать народ на похороны профессионального театра! Если я — то тогда рушится конструкция статьи Шагинян, обнаруживается ее случайность и, следовательно, необязательность ее конечных выводов!

Многоуважаемая Мариэтта Сергеевна! Все добрые слова, сказанные в ваш адрес в письме Черкасова,— о вашем масштабе писателя, жизненном опыте, мастерстве, страстности и увлеченности — отнюдь не комплименты, приличествующие резкому ответу оппонента. Все это правда, как и слова об общем уважении к вам, и мне хочется ко всему этому присоединиться. Больше того, мне захотелось, чтобы вы почаще выступали со статьями, посвященными проблемам театра: настолько заразительно и ярко говорите вы о явлениях искусства, а этого как раз нам не хватает! Настолько заразительно и ярко, что, честное слово, на «Спартак» в Ленинграде я уже не пойду. И не в том беда, что вы «разгромили» несколько ленинградских спектаклей. Кто-то будет возражать вам, спорить, как спорю я о Честнокове, ну, а в спорах, как известно, рождается истина. Беда в другом. В том, что появился второй раздел вашей статьи, где противопоставляется самодеятельность профессиональному театру.

По этому поводу вам уже развернуто ответил Черкасов, мне хочется только добавить следующее: шефство над самодеятель-

ностью, помощь народным театрам — такое же наше кровное дело, как и собственная профессиональная работа. И не может быть иначе, раз мы строим коммунистическое общество, раз мы боремся за нового человека, налаживая массовые формы художественного воспитания народа. Тут роль самодеятельности огромна! Не забудем и о другой роли ее — резервуара, из которого в нашей стране пополняется профессиональный театр. Но мне иногда кажется, что то внимание, которое партия и правительство уделяют самодеятельности и народным театрам, не всеми верно понимается, и у иных людей возникают скороспелые тенденции пропагандировать замену «умирающего» профессионального театра свежими силами художественной самодеятельности. И, как это ни странно, даже вы в своей статье хоть и не говорите об этом прямо, но на это ориентируете! А между тем я убежден, что все те участники ленинградской художественной самодеятельности, которыми вы, очевидно, справедливо восхищаетесь, с бо́льшим, чем вы, уважением относятся к мастерам ленинградской сцены и учатся у них, как могут.

Перед профессиональным театром, точнее, перед советским профессиональным театром, задачи и цели которого огромны и почетны, всегда стояли, стоят и будут стоять всяческие трудности, связанные с проблемами мастерства... И я повторяю еще раз: мастерства не как самоцели, а как той степени вооруженности, при которой, и только при которой, театру окажется по плечу выполнение его идейных функций, по плечу роль активного помощника партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся.

В жизни отдельных наших театров, да и всего советского театрального организма в целом, бывают естественные в живом деле взлеты и падения, но вряд ли нужно кому-нибудь доказывать, что советское театральное искусство котируется достаточно высоко, и не только в своей стране, но и за рубежом. Однако сами себе, и именно сегодня, мы должны предъявить довольно длинный и неприятный счет. В нем будут и вопросы мастерства, и проблемы новаторства в работе режиссера и актера, и вопрос о смене, о воспитании театральной молодежи, и задачи технического оборудования наших театров — область, в которой мы порядочно отстали, много всего в нем будет, и оплатить этот счет следовало бы поскорее. Ведь на театр сейчас ведут наступление и кинематограф, и телевидение, и самодеятельные театры, и радио, и зарубежные гастролеры.

Итак, театр атакуют. Способ защиты есть — это спектакли. Побольше спектаклей — хороших, отличных, потрясающих! Считаю, что есть режиссеры, актеры, художники, композиторы, способные такие спектакли создавать. Есть и драматурги. А пьесы? Н-да, вот тут мое перо немеет, тем более, что кажется, все виды споров между драматургами и театрами на тему «кто виноват» уже совершились — и завершились... ничем. Однако будем верить в лучшее: пьесы будут!

Но защищать театр только со сцены мало. Сегодня мало! Его надо защищать и с трибуны, и в печати, и в личных беседах. Хотя, впрочем... Вот я уже слышу ехидную реплику сердитого на нас зрителя: «Да вы играйте получше, да пьесы ставьте поинтереснее — вот и будет все в порядке!» Всегда ли это так? Мы, практики театра, знаем, что зачастую явно хороший спектакль на тему, которая почему-то заранее кажется зрителю неинтересной, посещается плохо, и требуются специальные усилия администрации, чтобы заполнить зал. Как ни грустно, происходит это, очевидно, потому, что если афиша спектакля не обещает **гарантированного** удовольствия, то зритель легко отсеивается, благо соблазнов, кроме театра, много.

Вот, Мариэтта Сергеевна, среди таких забот, крупных и мелких, мы — профессиональный театр — сейчас живем, работаем, озабоченно совещаемся и... надеемся на полный расцвет: есть на то силы!

Не случайно именно сейчас на одну и ту же тему — судьба советского театра сегодня и его будущее — появляются в печати отклики крупнейших мастеров наших: и страстная статья С. Г. Бирман «И театру нужны крылья» в «Известиях» и глубокие размышления А. Д. Попова, который на страницах августовского номера журнала «Театр» делится и своей тревогой за судьбу театра и полной убежденностью в том, что театр не умрет никогда.

Да, не умрет никогда! Каким он будет в ближайшие годы? Не знаю. У меня нет сейчас точных мыслей об этом. Может быть, появятся новые материалы для декораций, может быть, невиданно изменятся принципы электрооборудования, может быть, появятся пьесы необычной формы, которые потребуют особого оформления, новых мизансцен,— все может быть. Хотя иногда мне кажется, что уже нельзя найти такой принцип оформления или такие мизансцены, которые смогут показаться новыми. Уверен я в одном: новым, всегда новым, вечно новым, способным удивлять и потрясать, может оказаться только одно — высокое искусство актера, его жизнь в образе, его глаза, трепет его души, которую он раскроет перед зрителем, делясь с ним чем-то сокровенным, заражая его силой чувств, богатством мыслей, высотой идей — словом, те мгновения актерского вдохновения, ради которых, по мысли Владимира Ивановича Немировича-Данченко, и существует театр! Ради встречи с таким искусством зритель не изменит театру, потому что ни в кинозале, ни на экране телевизора он не увидит живого актера, творящего сегодня, здесь, сейчас, и именно для него, вот этого своего зрителя, сегодня пришедшего в театр.

Такой театр всегда будет любим народом; такой театр на веки веков сможет остаться учителем жизни, и неизбежно в кругу его друзей и поклонников объявится новый Белинский, который, как некогда неистовый Виссарион, произнесет о театре слова, полные веры в него и любви к нему!

А может быть, все-таки эти слова произнесете вы, Мариэтта Сергеевна?

РЕТИВЫЙ ПРОКУРОР

Фельетон

Алла **ТРУБНИКОВА**

Рисунки В. **СИГАЧЕВА**.

Знакомство с городом, в котором отныне предстояло вершить дела, прокурор Алиев начал с экскурсии. В качестве гида он избрал завкоммунхозом Гейдарова.

— Начнем с окрестностей. Знаете, что писал Есенин? — восторженно было заикнулся сопровождающий.

— Вот что, уважаемый,— сухо осадил его прокурор,— я еще дел не принимал. И что писал этот ваш Есенин, само собой разумеется, не читал, попозже ознакомлюсь. А сейчас меня больше интересует, например, вон то здание.

— Это Дом культуры.

— Жаль. Немного великоват. Не подойдет.

— Для чего не подойдет? — не понял Гейдаров.

— Ай, ай, товарищ Гейдаров! Смышленый цыпленок и в яйце пискнет. Неужели ты мог даже предположить, что новый прокурор поселится в старом доме! Кстати, что это за особнячок?

— Нотариальная контора. Тоже не жилфонд.

— Ну, жил или не жил, как говорится, поживем — увидим,— усмехнулся прокурор.

— Но ведь по закону...

— По закону? Ой, насмешил! Кто законы пишет, тот их и ломает. Понял? А тебе мой добрый совет: не ставь забор на пути всадника...

...Прошло всего несколько дней, и к особняку подкатили грузовики. На них навалом побросали своды законов Уголовного гражданского кодекса. Следом появились рабочие и ретивый прораб в лице прокурорской супруги. Она вгоняла в краску маляров, надрывалась, крича на каменщиков, настоятельно требовала, чтобы все было, как у начальника милиции Мамедова: бассейн во дворе, двухкомнатные бани, облицованные белым кафелем, и высокий забор, за которым ничего не будет видно.

— И это называется забор! — возмущенно всплескивала она руками.— Мой муж как-никак занимает более высокое положение чем Мамедов. Наш забор должен быть выше!

В 61 180 рублей влетели горсовету прокурорские апартаменты. Что же касается того, кому надлежало неукоснительно блюсти законы, то, судя по всему, он и дальше не прочь был функционировать на государственный счет. А недальновидный завкоммунхозом, вместо того чтобы смотреть на все это сквозь пальцы, взял да и поставил забор на пути всадника.

— Много воды утекло с тех пор, как вы здесь живете, надо бы уплатить, а заодно и задолженность за свет погасить,— напомнил он как-то.

— Платить? Мне? — В голосе прокурора — металл.— Слушай, Гейдаров, а тебе не кажется, что тот, кто ищет иголку, теряет верблюда?

Однако на другой день прокурор позвонил сам.

— Приходи в милицию, я с тобой расплачусь.

Гейдаров обрадовался. Наконец-то заговорила в человеке совесть. Странно только, почему, чтобы рассчитаться за канализацию, прокурор вызывает его в милицию?

Переступив порог кабинета начальника милиции, Гейдаров убедился, что не только место, но и время было выбрано прокурором неудачно. Его приход был явно некстати. В кабинете, помимо Мамедова и Алиева, собрались помощник прокурора Нуриев, следователь Чальян, оперуполномоченный Ильясов, уполномоченный Бакшиев, старшина милиции Бабаев. По всему видно было, что обсуждалось мероприятие незаурядной важности.

— Не буду мешать.— Гейдаров положил жировки на стол и направился к двери.— Здесь точно проставлено, сколько полагается за свет, сколько за воду, сколько пени.

— Слушай, коммунхоз! — Громовой голос прокурора заставил его вздрогнуть.— Запомни раз и навсегда: кто плюет против ветра, тот попадает себе в лицо. Так вот, если ты не перестанешь темнить и мутить воду, то пеняй на себя! Скажи-ка лучше, куда ты дел насос? Тот самый, который принадлежит бане. Не вздумаешь же ты уверять, что у тебя его нет!

— Я брал его только на два часа.

— Злоупотребление служебным положением — раз. Превышение власти — два. Ясно? — торжествующе подытожил прокурор.

— Ясно,— подтвердил начальник милиции.

— Ясно,— заявили помощник прокурора и следователь.

— Ясно,— в один голос сказали оперуполномоченный, просто уполномоченный и старшина.

— А если ясно, то пусть рука правды возьмет за шиворот неправду!

Дальнейшие события обрушились на голову завкоммунхозом с такой неожиданностью, с какой не обрушивался еще ни один потолок, потребовавший вдруг внеочередного ремонта. Его схватили и отвели в тюрьму. В его доме перевернули все вверх дном. В буфете между чайными чашками, в пуховой перине, даже в ночной вазе маленького внука искали насос.

Пока шло следствие, у прокурора было дел по горло. Шутка ли — передопросить весь коммунхоз. Уже не говоря о том, что дело о насосе было далеко не единственным, которое Алиеву хотелось высосать из пальца.

Неутомимая автоматическая ручка только и делала, что санкционировала аресты и обыски, обыски и аресты. Уже ни за что ни про что сидел председатель колхоза имени Кирова тридцатитысячник Сулейманов. Уже ни с того ни с сего обыскали дом заведующего нефтебазой старого коммуниста Карапетова. Уже неизвестно почему загоняли по допросам директора совхоза Кязимова. А прокурор все действовал. Говорят, что именно в это время он вспомнил о некоем Есенине, вскользь упомянутом Гейдаровым, и потребовал документы, из которых можно было бы почерпнуть улики, прямые или, на худой конец, косвенные. Ему принесли трехтомник. Небрежно перевернув несколько страниц, прокурор так и подскочил:

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

— Чего же еще? — обрадовался Алиев.— Как раз под 74-ю статью Уголовного кодекса подойдет.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, не отвлеки прокурора текущие события. Дело в том, что начался суд над Гейдаровым.

Сам Гейдаров по простоте душевной продолжал оставаться спокойным. За что его собираются судить? Через его руки прошло четыре миллиона рублей, и даже четырех копеек растраты не обнаружено. Между тем достаточно было взглянуть на лицо судьи Султана Салтанова, чтобы понять: хорошего ждать нечего. Недаром же судья для вящего психологического эффекта имел обыкновение перед разбором дела подолгу не бриться.

В ходе судебного разбирательства удалось установить, что злополучный насос спокойно пребывал на своем месте, но обвиняемый использовал его для личных нужд. В течение 1 часа 57 минут. Именно за этот период с насоса слезла краска, так как он, Гейдаров, все время только и делал, что держал насос под дождем. Из всего вышесказанного следовало, что Гейдарова следует судить не только за превышение власти, но по совокупности и за халатное отношение. И судили. И присудили. К шести месяцам тюремного заключения. Дабы изолировать от общества социально опасного преступника, который, того гляди, возьмет да и подмочит этим же насосом репутацию ответственного работника...

Правда, Верховный суд Азербайджанской ССР прекратил «дело Гейдарова» за отсутствием состава преступления. Правда, Алиев отныне величается бывшим прокурором Ленкоранского района. Казалось бы, порок наказан. Добродетель торжествует. Но не торопитесь. Гейдаров, несмотря на заверение самого министра коммунального хозяйства тов. Абдулаева о том, что «снятие его с работы и привлечение к ответственности для Министерства коммунального хозяйства было «непонятным», был направлен на работу... в типографию. Почему? Да потому, что его, видите ли, должность занята товарищем Аббасовым. Аббасов же ранее работал директором совхоза субтропических культур. Он, в свою очередь, тоже неправильно снят. Но если восстановить Аббасова, то придется снимать занимающего его место Бабаева. А Бабаев до этого работал главным агрономом. Но главным агрономом теперь работает... Словом, пусть уж лучше Гейдаров получает на каких-нибудь 200 рублей меньше и работает не по специальности.

Зато Алиев продолжает работать по специальности. Грубого нарушителя социалистической законности в прокуратуре республики почему-то считают «ценным кадром».

Иначе как расценивать тот факт, что теперь Алиев благополучно перебазировался в Агдашский район и работает следователем?

Крепко держатся за кадры и в судебных органах. Как ни в чем не бывало восседает на прежнем месте судья Салтанов. И даже попрежнему не бреется.

г. Ленкорань.

«Послание дьявола» — так окрестил немецкий народ недавно опубликованный меморандум генерального штаба боннского бундесвера.

С циничной откровенностью авторы меморандума — генералы Хойзингер, Каммхубер, Цербель и адмирал Руге выдвинули два требования. Первое: бундесвер должен иметь ядерное и ракетное оружие всех типов. Второе: необходимо провести тотальную мобилизацию Западной Германии.

Мировая общественность гневно восприняла эту наглую вылазку милитаристов Бонна. Честные люди во всех странах задают вопрос: как могло случиться, что боннская военщина вновь пытается вершить судьбы Германии и Европы?

Корреспонденты «Огонька» обратились, так сказать, к первоисточнику и позвонили по телефону в боннский «Пентагон».

Мы начали с вице-адмирала Руге, командующего военно-морским флотом ФРГ, чья подпись красуется под реваншистским меморандумом. Московская телефонистка быстро соединяет нас с Бонном. Телефон 20-161 — коммутатор военного ведомства господина Штрауса. Через несколько минут следует ответ: «Герр вице-адмирал не желает разговаривать с Москвой». Мы не удивились: у Руге богатый опыт по части того, как избегать «контактов с Востоком». Хитрая морская лиса выкручивалась всю войну, только бы не попасть на Восточный фронт...

Просим соединить нас с другим автором меморандума, командующим ВВС генералом Каммхубером. На сей раз в Бонне взяли трубку.

— Герр генерал? Добрый день. Здесь Москва, редакция журнала «Огонек».

Минутное замешательство.

— Что вам угодно?

— Мы хотели бы просить вас прокомментировать недавно опубликованный меморандум генерального штаба бундесвера...

— Да-а? Хорошо...

Уловив нечто похожее на согласие, начинаем быстро задавать вопросы. Растерянным, спотыкающимся голосом на другом конце провода переспрашивают, просят повторить отдельные слова. Трубка явно жжет руку нашего собеседника. Дело ясное: ведь за каждым западногерманским военнослужащим, от рядового до полного генерала, неусыпно наблюдает боннская военная контрразведка МАД, возглавляемая бывшим гитлеровским полковником, ныне бригадным генералом Весселем. А тут звонок прямо из Москвы!.. Первый вопрос был проглочен без комментариев. На втором же началось что-то непонятное.

— Да-а? — протянул вдруг удивленно наш собеседник.— Повторите, пожалуйста.

— Охотно, герр генерал...

— Но я... вовсе не генерал!..

Нам показалось, что довольно густой баритон на том конце провода сменился жиденьким тенорком.

— Простите, а кто же вы?

— Я его адъютант.

— Ваша фамилия, пожалуйста?

— Об этом... об этом вы спросите у моего генерала.

— А можно поговорить с ним?

— Его сейчас нет.

— Когда же он будет?

— Он... придет завтра или... послезавтра.

Нам не оставалось ничего иного, как попросить записать оставшиеся вопросы и передать их генералу. В трубке послышался неразборчивый шум нескольких голосов. И вдруг ответ:

— Мне не разрешено говорить с вами!

В трубке резко щелкнуло.

Мы обратились за помощью к московской телефонистке.

— Абонент в Бонне повесил трубку,— сообщила она.

Нельзя сказать, чтобы сотрудники господина Штрауса отличались вежливостью. Мы решили сделать еще одну попытку. После десятиминутных усилий девушка с московской телефонной станции сообщила, что боннский абонент опять взял трубку.

— Господин адъютант генерала Каммхубера?

— Так точно.

Нам показалось, что голос снова был другим. Во всяком случае, десятиминутный перерыв не прошел даром. Видимо, где-то состоялось летучее оперативное совещание и была выработана «линия поведения».

— Нас кто-то прервал. Можно продолжить наши вопросы?

— Да, пожалуйста.

Человек в Бонне принял вопросы под нашу диктовку, пообещал передать их генералу Каммхуберу, записал номер телефона редакции и заверил: завтра он лично сообщит нам ответ своего шефа...

Следующим был командующий бундесвером генерал Хойзингер. Адъютант с воинственной, весьма подходящей к случаю фамилией Криг («криг» по-немецки «война») ответил, что генерала нет. Нет и сегодня безусловно не будет.

— Тогда, может быть, вы будете любезны записать наши вопросы?

— Я не приму от вас никаких вопросов,— отрубил герр Криг.— Обратитесь в наше посольство в Москве.

— Почему в посольство? Мы же пресса...

Криг ухватился за слово «пресса», как утопающий за спасательный круг:

— А, пресса... Тогда я переключаю вас на наш отдел печати!..

Сотрудник отдела печати Реннике, очевидно, был уже «в курсе». Он выслушал наши вопросы, записал их и тоже, как и адъютант Каммхубера, обещал доложить их генералу Хойзингеру и передать его ответы завтра.

А пока мы попытались связаться с четвертым автором меморандума, генералом Цербелем, командующим сухопутными силами бундесвера. Генерал оказался по-солдафонски прямолинейным. Телефонистка передала его ответ:

— Никаких разговоров! Я не желаю беседовать с Москвой!

...Мы с интересом ждали на следующий день окончания нашего сложного интервью. Звонка из Бонна не последовало. Мы позвонили сами. Нашей милой московской телефонистке не пришлось долго трудиться. Она передала нам:

— Они не хотят говорить с Москвой.

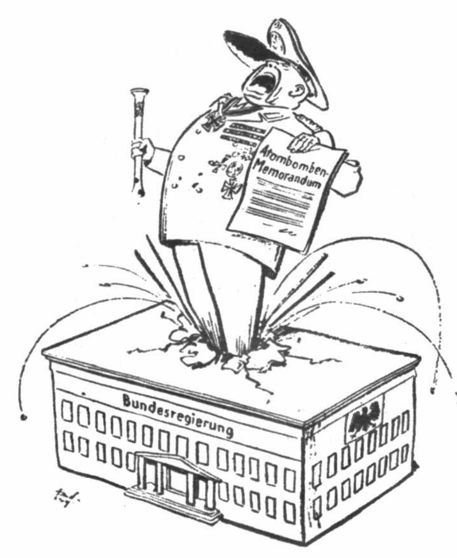
Не хотят! Что ж, недобитых под Москвой, Сталинградом, Курском гитлеровских генералов, видимо, коробит при одном упоминании о столице Советского Союза. Мы подумали было пожаловаться на некорректность господ генералов в отношении прессы их шефу, военному министру Францу-Йозефу Штраусу. А в случае волокиты со стороны последнего — чем черт не шутит! — «самому» канцлеру Аденауэру. Но по размышлении поняли безнадежность такой попытки: в кабинетах авторов реваншистского меморандума, возможно, только выполнялись директивы вышеупомянутых высоких лиц: «Никаких разговоров с московской печатью!»

* * *

Итак, бравые боннские мальбруки ушли в кусты. Они увернулись от ответа на вопросы «Огонька», составленные, надо сказать, в весьма корректной форме.

Ну что ж, попытаемся вместе с читателем представить себе картину нашего интервью, если бы оно все-таки состоялось.

«ОГОНЕК»: Господа Руге, Хойзингер, Каммхубер и Цербель! Составленный вами меморандум имеет подзаголовок: «Условия эф-

Боннский генерал — боннскому правительству: «Смирно! Слушать мою команду!».

Карикатура из газеты «Нейес Дейчланд»

фективной обороны». Скажите, от кого вы собираетесь обороняться?

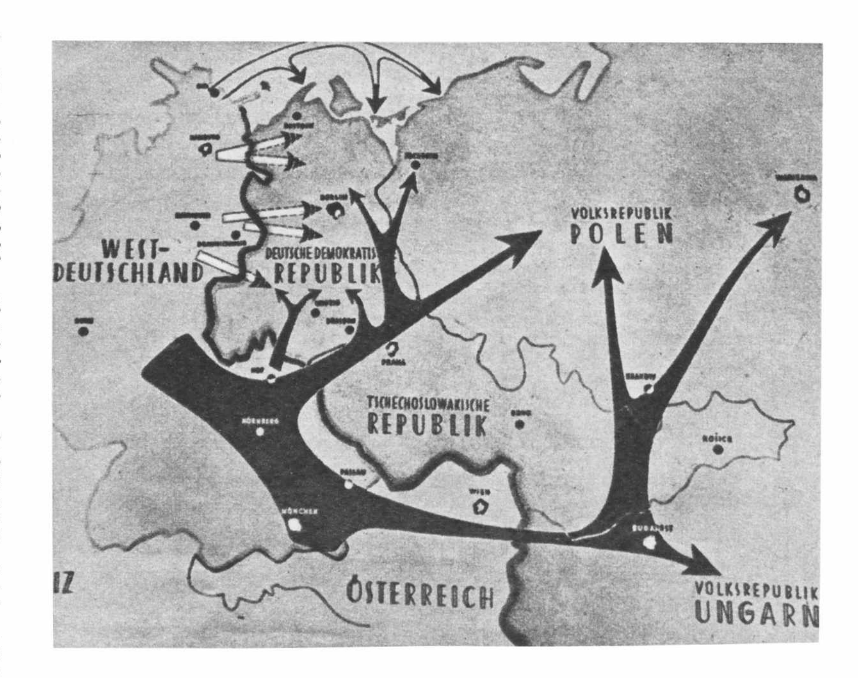
РУГЕ, КАММХУБЕР, ХОЙЗИНГЕР, ЦЕРБЕЛЬ (переглядываются, словно не понимают, о чем идет речь, потом отвечают хором): Да, да, кажется, в нашем меморандуме действительно были какие-то слова об обороне. Но ведь нельзя же в конце концов понимать каждое слово буквально...

Пусть читатель взглянет на карту, опубликованную на этой странице. Она составлена по материалам майора бундесвера Бруно Винцера, порвавшего недавно с боннскими реваншистами и попросившего убежища в ГДР. На ней показано планируемое боннскими генералами нападение на Германскую Демократическую Республику, Венгрию, Польшу, Чехословакию. Вот что прикрывается лживым словом «оборона»!

«ОГОНЕК»: Не считаете ли вы, господа генералы, что ваше требование о полном атомном вооружении бундесвера противоречит Парижским соглашениям, под которыми стоят подписи вашего канцлера и руководителей США, Англии и Франции?

РУГЕ, ХОЙЗИНГЕР, КАММХУБЕР, ЦЕРБЕЛЬ: Помилуйте, кто же помнит о Парижских соглашениях? Вы бы еще о Потсдаме вспомнили! Это все давно забыто. У нас ведь началась, как мы пишем в меморандуме, «вторая фаза создания бундесвера»!

Не только четыре боннских генерала страдают резким ослаблением памяти. Этим болеют и западные державы, с такой настойчивостью добивавшиеся Парижских соглашений. Ведь это Соединенные Штаты вручают Штраусу и его генералам ракеты «Поларис», способные забрасывать атомные снаряды за тысячи километров. Ведь это Англия обучает западногерманских военных летчиков. Ведь это Париж «кооперируется» с Бонном в производстве атомных бомб. Международные соглашения западногерманские милитаристы, как и Гитлер, считают клочками бумаги.

Схема, составленная по материалам майора бундесвера Бруно Винцера.

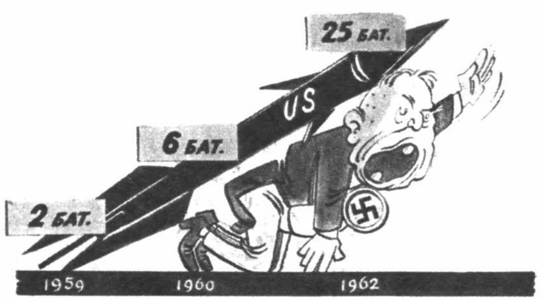
Из журнала «Нейе Берлинер Иллюстрирте».

МОЛЧАЛ ТЕЛЕФОН 20-161 В БОННЕ

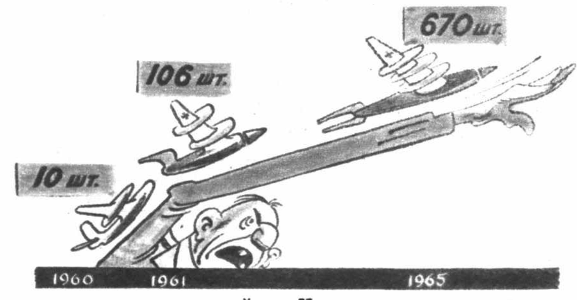
ПЛАНЫ БОННСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Бундесвер растет, как на дрожжах...

Ракетные батальоны бундесвера оснащаются американской техникой

Бундесвер готовит атомную войну. На диаграмме — рост числа истребителей-бомбардировщиков, предназначенных для доставки атомных бомб.

Но послушаем, что ответили бы генералы на наш следующий вопрос.

«ОГОНЕК»: Скажите, господа, в каком качестве вы участвовали во второй мировой войне? Ведь вы участвовали в ней, не правда ли? Начнем, например, с вас, генерал Каммхубер, ваша грудь вся увешана железными крестами.

КАММХУБЕР (сначала мнется, потом начинает): Я командовал истребительными эскадрами, командовал дивизией ночных истребителей, затем авиационным корпусом на советско-германском фронте. Был на самом лучшем счету у фюрера. Он мне пожаловал звание генерала авиации и назначил в конце войны уполномоченным ВВС по использованию реактивных самолетов. Мои реактивные истребители должны были уничтожить советскую авиацию. Но мы... мы опоздали, к сожалению...

«ОГОНЕК»: А вы, господин Руге?

РУГЕ: Я командовал «силами охранения» на западе. Был в Италии, в оккупированной Франции. Там у меня были кое-какие размолвки с гражданским населением. Потом, как и коллега Каммхубер, готовил «чудесное военно-морское оружие», чтобы уничтожить советский флот. Но я тоже опоздал, как и генерал Каммхубер...

«ОГОНЕК»: Теперь ваша очередь, генерал Хойзингер. Вам есть что рассказать, не так ли?

ХОЙЗИНГЕР: Я не участвовал непосредственно в военных действиях. Я профессиональный генштабист. Но (его голос наполняется гордостью) я играл значительно большую роль, чем мои коллеги. При фюрере я служил семь лет в оперативном отделе генштаба и четыре года возглавлял этот отдел. Под моим руководством разрабатывались оперативные планы вермахта: план «Вейс» — разгром Польши, план «Марица» — умиротворение Греции, план «Барбаросса» — поход на Советский Союз... И много всяких других планов. Мои коллеги, собственно, выполняли мои указания...

«ОГОНЕК»: Что расскажете вы, генерал Цербель?

ЦЕРБЕЛЬ (скромно): Куда мне до генералов Хойзингера и Каммхубера! Правда, фюрер, да будет земля ему пухом, не оставил меня без милости, пожаловал чин генерал-лейтенанта. Но я командовал лишь дивизией, а затем корпусом на советско-германском фронте. Старался изо всех сил. Не моя вина, что советские войска вышвырнули нас из России. Я был до конца с моим фюрером...

«ОГОНЕК»: И, наконец, последний вопрос, господа. Скажите, не напоминает ли ваш меморандум военную программу для Германии, которую провозгласил Гитлер накануне второй мировой войны?

РУГЕ, ХОЙЗИНГЕР, КАММХУБЕР, ЦЕРБЕЛЬ (вместе, радостно): Ну, конечно! Тогда наш фюрер призывал спасти Европу от большевизма. Теперь мы в своем меморандуме предупреждаем, что Западу грозит «коммунистическая опасность». Тогда Гитлер, говоря о «большевизме», вооружался. Теперь мы говорим о «коммунизме» и тоже вооружаемся. Тогда западные державы помогали Гитлеру сколотить вермахт, теперь они помогают нам вооружить атомным оружием бундесвер. Все похоже! Как две капли воды!..

Да, слишком уж много общего в планах и замыслах боннских милитаристов сейчас и их нацистских предтеч накануне второй мировой войны! Столь же много общего и в политике держав Запада тогда и сейчас.

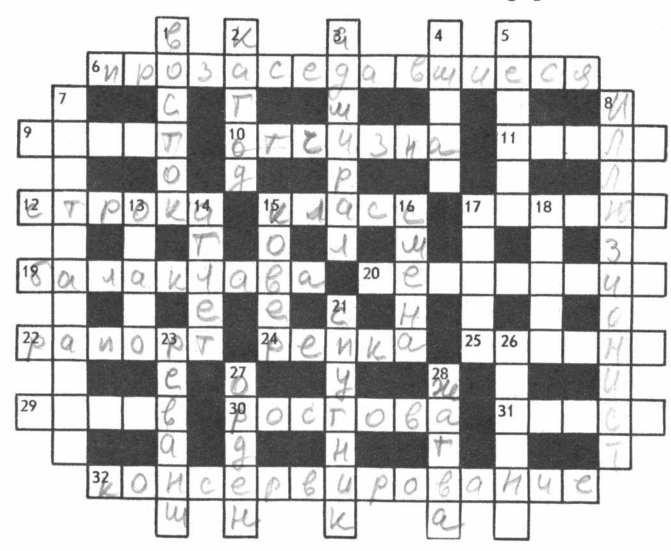
Но пусть задумаются и те и другие: одинаковым может быть не только начало, но и конец!

В. ЧЕРНОВ,
А. СЕРБИН

Адмирал Руге. Генерал Каммхубер. Генерал Хойзингер.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Стихотворение В. Маяковского. 9. Птица семейства вьюрковых. 10. Родина. 11. Советский скульптор. 12. Часть текста. 15. Помещение для занятий в школе. 17. Герой кельтского народного эпоса. 19. Город на берегу Черного моря. 20. Рассказ А. П. Чехова. 22. Служебное донесение. 24. Русская народная сказка. 25. Французский писатель. 29. Советский астроботаник. 30. Фамилия героини романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 31. Модель, образец. 32. Способ сохранения продуктов.

По вертикали:

1. Одна из четырех стран света. 2. Электрод. 3. Морское воинское звание. 4. Севанская форель. 5. Созвездие южного полушария. 7. Минеральная краска. 8. Цирковой артист. 13. Приток Миссисипи. 14. Силач. 15. Художественное текстильное изделие. 16. Молодежный журнал. 17. Буква греческого алфавита. 18. Основная ритмическая единица стихотворения. 21. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты. 23. Отплата за поражение. 26. Итальянский живописец, ученик Рафаэля. 27. Правительственная награда. 28. Роман Г. Николаевой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

4. Третьяков. 7. Цент. 8. Ревю. 10. Окинава. 12. «Метеор». 13. Творог. 14. Гамма. 21. «Сомбреро». 22. «Оттепель». 23. Предлог. 24. Петрушка. 26. Реквизит. 28. Роман. 30. Лоцман. 32. Руслан. 33. Инерция. 34. Итог. 35. Золя. 36. Континент.

По вертикали:

1. Оратор. 2. Вьетнам. 3. Сократ. 5. Деление. 6. Автомат. 9. Белобородов. 11. Конопницкая. 15. «Айвенго». 16. Маслина. 17. Колея. 18. Гопак. 19. Гогра. 20. Алкид. 25. Шахматы. 27. Консоль. 29. Моравия. 31. Нигрол. 32. Рязань.

Хочу стать актрисой

Она еще не ходила в школу, но у нее уже была профессия.

«Я Наташа, артистка»,— говорила она.

Когда праздновали тридцатилетие советского кино, 10-летней Наташе Защипиной, как взрослой киноактрисе, дали медаль «За трудовое отличие». Она приколола ее к школьному фартуку и пришла в класс.

Шли годы. И вот Наташа Защипина уже выпускница ВГИКа, мы познакомились с ней в Туле на съемках картины «Евдокия» по сценарию Веры Пановой.

— «Евдокия» — восьмая картина, в которой я снимаюсь,— говорит Наташа.— Но моя актерская биография только начинается. «Первоклассница», «Жила-была девочка», «У них есть Родина» — в этих фильмах я, правда, участвовала, но ведь это нельзя считать серьезной творческой работой. Теперь другое дело. К сожалению, мой дебют во взрослой роли — в фильме «Ваня» — был не совсем удачным. Тем сильнее желание хорошо сыграть Катю в фильме «Евдокия», тем более, что роль эта мне очень нравится.

Мои дальнейшие планы, мечты? Хочу стать актрисой.

Л. ОСИПОВА

На первой странице обложки: Студентка института кинематографии Наташа Защипина.

Фото В. Тарасевича и Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Ранней осенью.

Фото В. Рождественского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06430 Подписано к печати 7/IX 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000 Изд. № 1390. Заказ 2405.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В Австралии и на островах Суматра, Целебес и Новая Гвинея водятся необычайные птицы, прозванные большеногими курами. Они мало и редко летают и не часто попадаются человеку на глаза. Эти птицы не высиживают яиц, а закапывают их в теплый песок и в вулканический пепел.

Птенцы никогда не видят своих родителей. Птенец пробивает скорлупу, вылезает и убегает в лес. С первых же шагов он должен сам заботиться о себе.

М. ГОРДОН

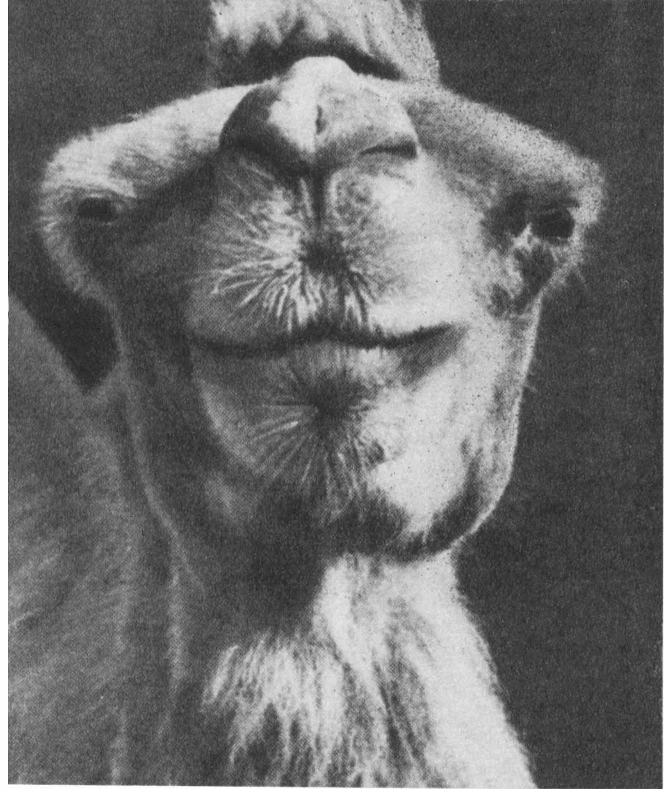

Свежее молоко.
Рис. А. Бахвалова.

— Он напал на меня...
Рис. В. Воеводина.

Дисциплинированный трубач
Рис. А. Семенова.

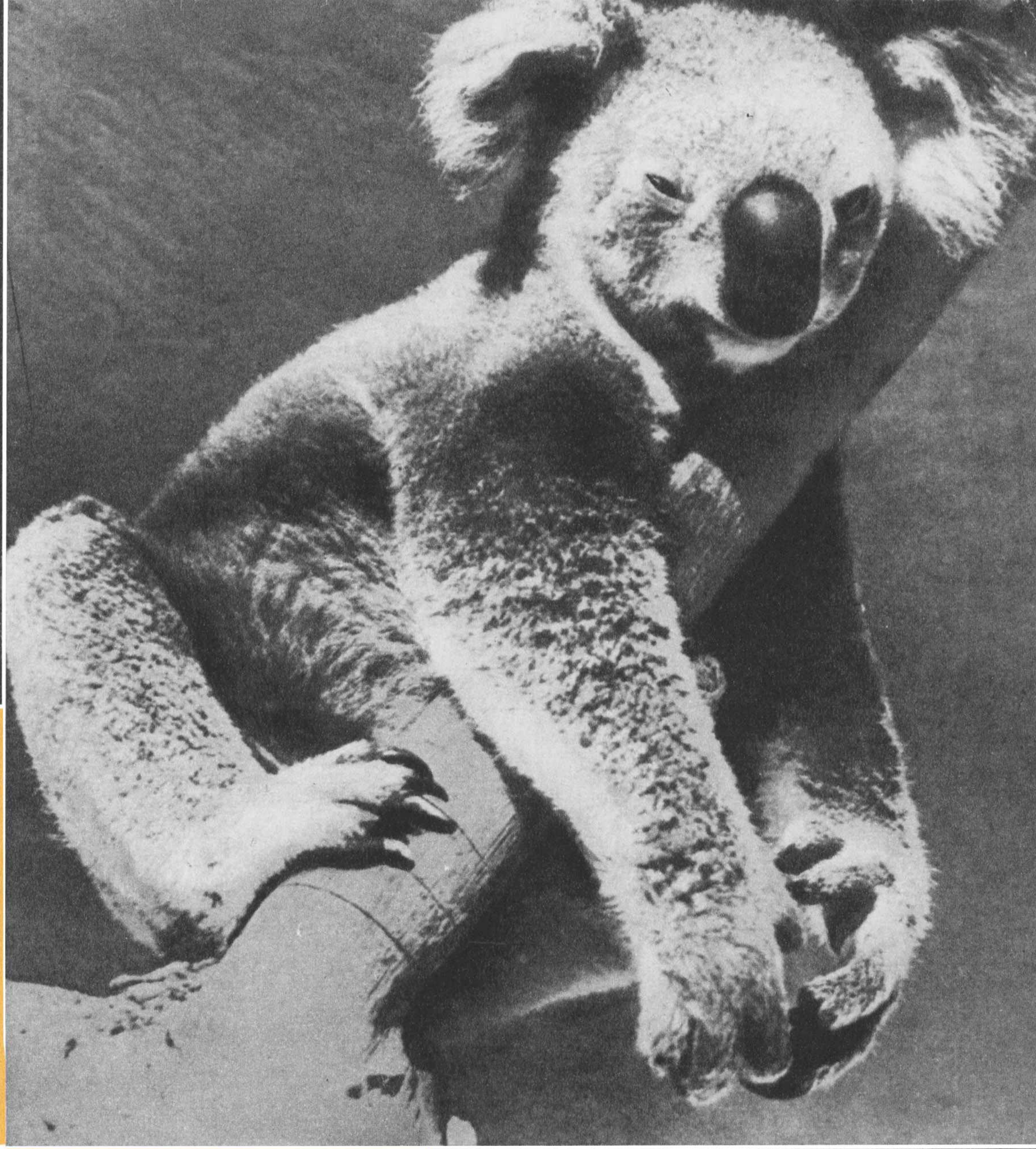

Не успел верблюд опомниться, как затвор фотоаппарата щелкнул перед самым его носом.

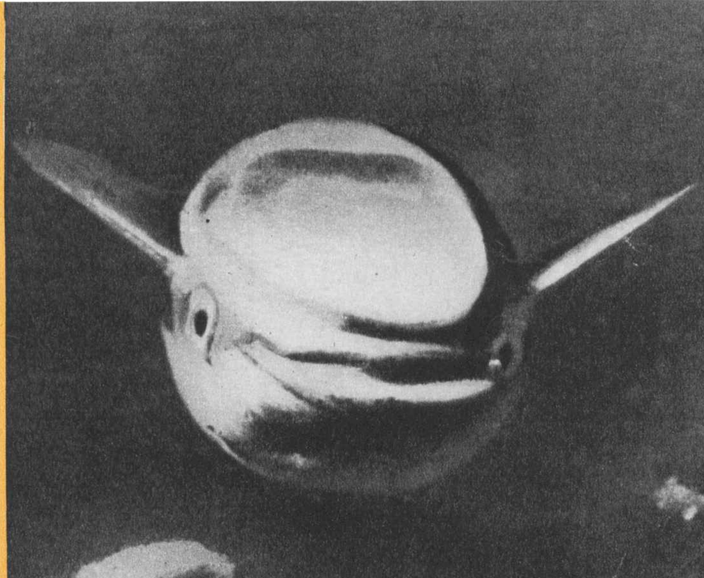
←

Жители поселка Энмелен, что на берегу Берингова моря, охотятся на моржей. На снимке слева: добытый ими морж-шишкарь. Называется морж так потому, что на его груди, лопатках и шее, словно шишки, поднимаются утолщения кожи.

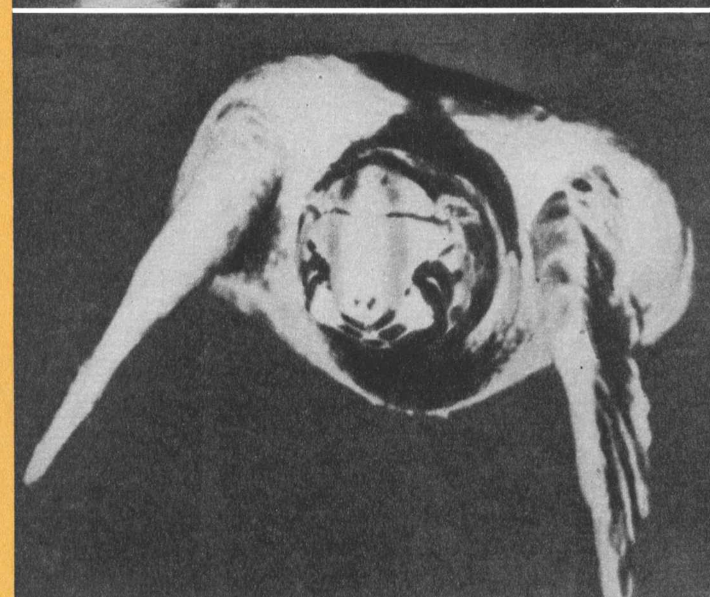
Доктор биологических наук Н. Н. СУШКИНА.

В лесах Восточной Австралии обитают сумчатые медведи — коала. Большую часть жизни коала проводят на деревьях, редко спускаясь на землю. Питаются они главным образом листьями и почками деревьев. Ценный мех коала издавна привлекал к себе внимание охотников, поэтому в настоящее время их осталось очень мало. Коала очень медлительны и ленивы. Вот и на этот раз, когда перед носом дремлющего мишки щелкнул затвор фотоаппарата, он удосужился приоткрыть всего лишь один глаз.

То, что изображено на снимке, напоминает носовую часть «Наутилуса» или космического корабля будущего. На самом деле это морда рыбы-прилипалы.

И еще один представитель морской фауны. Прямо на вас плывет гигантская галапагосская черепаха.

А. РЕВИН

Бюро прогнозов.

Рис. Г. и В. Караваевых.

Цена номера 3 руб.